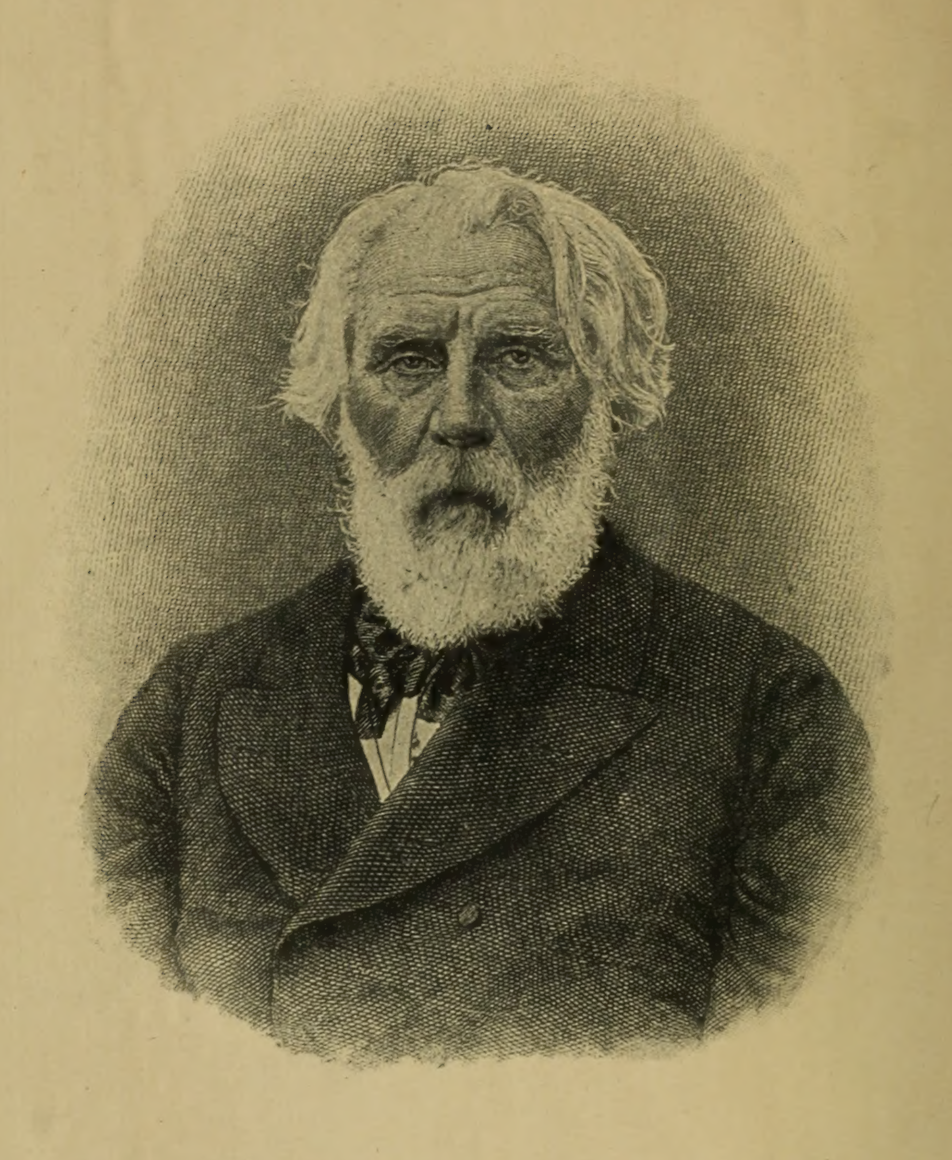

3 1761 08821890 4

Ив Тургенев

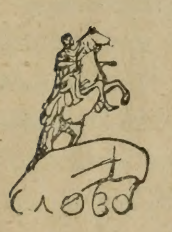
ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА ,,СЛОВА"

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

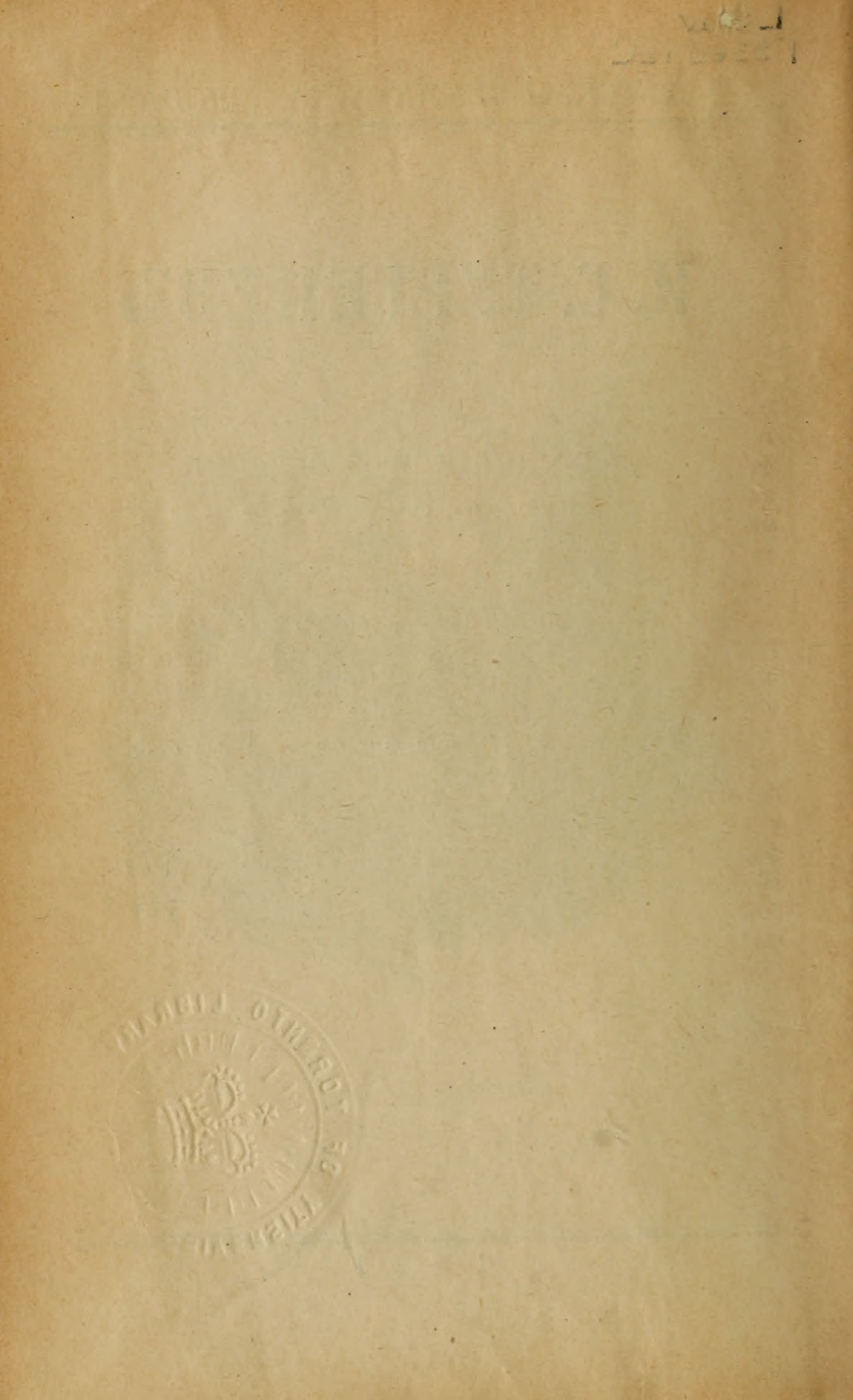
ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Подъ редакціей
А. Чернаго

Изданіе третье

1 9 2 1

И. С. Тургеневъ

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился въ г. Орлѣ 28 октября 1818 года. Старинный дворянскій родъ Тургеневыхъ происходилъ изъ татарской Золотой Орды: на гербѣ Тургеневскаго рода среди другихъ аллегорическихъ фигуръ была изображена въ голубомъ полѣ золотая звѣзда и надъ ней серебряный полумѣсяцъ (символъ магометанства). Въ томъ же гербѣ изображенъ былъ мечъ съ золотой рукояткой — въ память объ одномъ изъ Тургеневыхъ (Петрѣ Никитичѣ), казненномъ сомозванцемъ Отрепьевымъ за безстрашное обличеніе его. Отецъ Тургенева, Сергѣй Николаевичъ, отставной полковникъ, умеръ въ 1834 году, когда сыну его едва исполнилось шестнадцать лѣтъ.

Четырехъ лѣтъ отъ роду Тургеневъ впервые побывалъ заграницей. Путешествовали тогда не такъ, какъ въ наши дни: вся семья отправилась на собственныхъ лошадяхъ, въ каретахъ со множествомъ слугъ, съ цѣлымъ фургономъ вещей. Сохранилось воспоминаніе, что въ Бернѣ, въ Швейцаріи, маленькій Тургеневъ, засмотрѣвшись на медвѣдей, содержавшихся въ ямѣ, перегнулся черезъ перила и едва не упалъ къ звѣрямъ, но, по счастью, былъ во время подхваченъ стоявшимъ рядомъ отцомъ.

Послѣ недолгаго путешествія семья вернулась на родину. Дѣтство свое мальчикъ провелъ въ имѣніи матери, въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, Мценскаго уѣзда Орловской губерніи. Привольныя родныя мѣста, — окружавшіе село орловскіе лѣса и луга, по которымъ потомъ взрослый Тургеневъ такъ любилъ бродить съ ружьемъ за плечами, — полно и ярко отразились въ «Запискахъ охотника». Природа эта, такая русская, мирная и ласковая, быть можетъ, не разъ утѣшала и

оберегала мальчика отъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства. Мать Тургенева, Варвара Петровна, властолюбивая и привередливая помѣщица, несправедливо и сурово обращалась со своими крѣпостными крестьянами; впечатлѣнія этого жестокаго быта и жалость къ беззащитнымъ дворовымъ и крестьянамъ глубоко западали въ душу будущаго автора «Записокъ Охотника».

Ребенокъ съ пяти лѣтъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Николаемъ былъ сданъ на руки иностранцамъ-гувернерамъ, обучавшимъ дѣтей французскому и нѣмецкому языкамъ. Обученіе, какъ и воспитаніе, было несложное; когда старшій братъ начиналъ на урокахъ особенно шалить и возиться, нѣмецъ гувернеръ, безъ лишнихъ словъ, дралъ его за волосы. Однажды на такую сцену пришелъ отецъ, вспыльчивый и суровый человѣкъ, обладавшій огромной силой, и расправился съ несчастнымъ учителемъ не менѣе жестоко, — сбросилъ его съ лѣстницы, велѣлъ слугамъ собрать его вещи и отправить его немедленно вонъ изъ имѣнія. Съ братомъ Николаемъ, который былъ на два года старше, Тургеневъ дружилъ. Николай хорошо зналъ англійскій языкъ и нерѣдко переводилъ для брата отрывки изъ разныхъ англійскихъ писателей.

Въ числѣ дворовыхъ оказался одинъ самоучка, съ которымъ мальчикъ особенно сблизился. Человѣкъ этотъ, — крѣпостной камердинеръ его матери, кроткій и, по своему, горячо любившій родную литературу, оказалъ на мальчика самое благотворное вліяніе (позднѣе онъ былъ описанъ Тургеневымъ въ разсказѣ «Пунинъ и Бабуринъ»). Затаивъ дыханіе, слушалъ Тургеневъ напыщенную и восторженную декламацію своего друга, читавшаго передъ единственнымъ маленькимъ слушателемъ торжественныя оды Ломоносова и Державина и патріотическую поэму Хераскова «Россіаду».

Одиннадцати лѣтъ Тургенева отвезли въ Москву и отдали въ пансіонъ, гдѣ онъ, помимо французскаго и нѣмецкаго языковъ, которымъ онъ обучался еще дома, сталъ заниматься англійскимъ и впервые познакомился съ новой русской литературой (Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій). Изъ новыхъ пансіонскихъ гувернеровъ

особенно полюбился Тургеневу одинъ. Гувернеръ этотъ, увлекавшійся знаменитымъ въ то время романомъ Загоскина «Юрій Милославскій», сажалъ мальчика къ себѣ на колѣни и пересказывалъ ему по памяти весь романъ. Онъ разсказывалъ такъ подробно и хорошо, что восхищенный Тургеневъ запомнилъ романъ отъ слова до слова.

Когда мальчику исполнилось пятнадцать лѣтъ, его отвезли въ Московскій Университетъ. Онъ отлично выдержалъ вступительные экзамены, но уже черезъ годъ ему пришлось бросить занятія и возвратиться въ деревню, такъ какъ въ это время умеръ его отецъ.

Вскорѣ вся семья переѣхала въ Петербургъ, и онъ поступилъ въ Петербургскій Университетъ. Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ прилежныхъ студентовъ. Помимо лекцій онъ бралъ уроки у частнаго преподавателя — латиниста, читалъ съ нимъ классиковъ, писалъ сочиненія на заданныя темы и только иногда увлекался охотой. Въ университетѣ на него обратилъ вниманіе профессоръ словесности П. А. Плетневъ; онъ познакомился съ его первыми стихотворными опытами, причемъ два стихотворенія напечаталъ въ журналѣ, и пригласилъ его на свои литературные вечера. Въ домѣ Плетнева Тургеневъ познакомился со многими извѣстными въ то время писателями (Гоголемъ, Кольцовымъ и др.). Тогда же онъ познакомился со знаменитымъ критикомъ В. Г. Бѣлинскимъ, съ которымъ онъ потомъ близко сошелся.

Къ первому году его петербургской жизни относится забавное воспоминаніе самого Тургенева о его визитѣ къ Жуковскому. По порученію своей матери онъ отправился въ Зимній дворецъ къ поэту, ея старому знакомому, чтобы передать ему ко дню именинъ подарокъ матери — вышитую бархатную подушку. Обстановка огромнаго незнакомаго дворца, по каменнымъ длиннымъ корридорамъ котораго шестнадцатилѣтній Тургеневъ въ сопровожденіи высокаго лакея въ красной ливреѣ съ галунами, отыскивалъ квартиру Жуковскаго, совсѣмъ смутила юношу и привела его въ трепетъ. Попавъ наконецъ въ кабинетъ Жуковскаго и увидѣвъ за длинной конторкой «задумчиво-привѣтливое, но важное и нѣсколько изумленное лицо самого поэта», Тургеневъ такъ

растерялся, что не могъ произнести ни звука. Сгорая отъ стыда, остановился онъ на порогѣ и только протягивалъ и поддерживалъ обѣими руками, какъ младенца при крещеніи, несчастную подушку . . . Когда Жуковскій подошелъ и взялъ у него подушку, бѣдный Тургеневъ кое-какъ объяснилъ поэту, въ чемъ дѣло, и бросился бѣжать . . .

Въ 1838 году, окончивъ университетъ, Тургеневъ уѣхалъ пополнять свое образованіе въ Берлинъ. По пути пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ, загорѣлся, и Тургеневъ едва не погибъ, — приключеніе это описано имъ въ разсказѣ «Пожаръ на морѣ». Въ Берлинѣ онъ провелъ два года (съ перерывами), усердно слушалъ лекціи лучшихъ профессоровъ, внимательно присматривался къ незнакомой ему европейской жизни и все глубже задумывался надъ тѣмъ жестокимъ и бѣднымъ русскимъ бытомъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ въ родной деревнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ, серьезно занимавшійся наукой и равнодушный къ студенческимъ дурачествамъ и попойкамъ, нерѣдко увлекался совершенно дѣтскими забавами. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ его слуга, «дядька» Порфирій Кудряшовъ. «Сколько припомню, — разсказывалъ Тургеневъ много лѣтъ спустя, — «я, несмотря на свои 21—22 года, былъ еще совсѣмъ мальчуганъ: то я читалъ Гегеля и изучалъ философію, то я со своимъ дядькой забавлялся — и чѣмъ бы вы думали? — воспитаніемъ собаки, случайно мнѣ доставшейся. Съ собакой этой возня у меня была пребольшая: притравили мы ее къ крысамъ.. Какъ только, бывало, скажутъ намъ, что достали крысу, я сію-же минуту бросаю и Гегеля и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и со своимъ псомъ на охоту за крысами . . .» Въ этой странной забавѣ, конечно, уже сказывалась та страсть къ охотѣ, которая владѣла Тургеневымъ всю жизнь.

Окончательно вернувшись на родину въ 1841 году, Тургеневъ вскорѣ поссорился съ матерью, такъ какъ не могъ вынести ея суроваго обращенія съ крестьянами, и, лишившись всякихъ средствъ къ жизни, поступилъ въ Петербургѣ на службу чиновникомъ, причемъ временами онъ такъ бѣдствовалъ, что ему не на что было даже пообѣдать.

Въ эти годы Тургеневъ издалъ отдѣльной книжкой поэму «Параша» (1843 г.), о которой Бѣлинскій написалъ очень сочувственный отзывъ, а затѣмъ написалъ рядъ разсказовъ и очерковъ. Изъ нихъ одинъ, напечатанный въ журналѣ Некрасова «Современникъ» въ 1847 году — «Хорь и Калинычъ» начиналъ собой рядъ разсказовъ, составившихъ потомъ книгу «Записки Охотника». Книга эта вышла въ свѣтъ въ 1852 году и доставила автору громкую извѣстность.

«Записки Охотника», привлекшія широкое вниманіе къ безотрадному положенію крѣпостныхъ, сыграли не малую роль въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права. Александръ II, еще будучи наслѣдникомъ, считалъ «Записки Охотника» своей любимой книгой. Самъ Тургеневъ, какъ записалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ французскій писатель Гонкуръ, говорилъ: «Императоръ Александръ велѣлъ сказать мнѣ, что моя книга была однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія». Вѣсть объ освобожденіи крестьянъ (19 февраля 1861 г.), заставшая Тургенева на чужбинѣ, была для него, какъ и для всѣхъ лучшихъ людей того времени, долгожданной великой радостью.

Къ крестьянамъ Иванъ Сергѣевичъ относился неизмѣнно мягко и внимательно. Одинъ изъ современниковъ, близко знавшихъ Тургенева, любилъ разсказывать про него слѣдующій характерный анекдотъ: «Ѣдетъ онъ (Тургеневъ) однажды въ своемъ экипажѣ, на своихъ лошадяхъ изъ Спасскаго къ сосѣду и спѣшитъ. На козлахъ у него сидитъ свой кучеръ и свой лакей, крѣпостные. Ѣхали, ѣхали, долго-ли, коротко-ли, вдругъ перестали «спѣшить», — стали. Иванъ Сергѣевичъ думаетъ — нужно оправить сбрую: нѣтъ, никто не слѣзаетъ къ лошадямъ, или тамъ по надобности. Подождалъ онъ, подождалъ, смотритъ — играютъ въ карты, да! . . . кучеръ и лакей играютъ въ карты . . . Что же онъ? Прикрикнулъ? Или хоть сказалъ что-нибудь? — Нѣтъ, онъ забился въ уголъ коляски и сидитъ, молчитъ. А тѣ играютъ. Когда кончили, тогда и поѣхали». —

Сейчасъ же послѣ смерти своей матери (1850 г.) Тургеневъ отпустилъ на волю всѣхъ дворовыхъ, крестьянъ перевелъ на легкій оброкъ, а самъ переѣхалъ въ Спасское,

гдѣ провелъ четыре года, написалъ тамъ нѣсколько повѣстей и романъ «Рудинъ». Въ Спасскомъ онъ устроилъ для крестьянъ больницу и богадѣльню, но особенно озабочивала его мысль объ открытіи тамъ школы. Мысль эта была осуществлена имъ много позже. Живя за-границей, онъ постоянно заботился о школѣ, напоминалъ въ письмахъ, чтобы, не жалѣя денегъ, нашли для школы дѣльнаго учителя, пріобрѣтали хорошія пособія и т. д. Онъ заботится и вспоминаетъ даже объ отдѣльныхъ ученикахъ: «Что сдѣлалось, — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, — съ умнымъ мальчикомъ Никитой, котораго я видѣлъ третьяго года въ школѣ, и который такіе дѣлалъ успѣхи, живъ ли онъ и продолжаетъ-ли хорошо учиться? И какъ идетъ вообще школа?» — А незадолго до смерти, не забывая своей школы, писалъ онъ крестьянамъ укоризненныя строки: «Жалѣю, что ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. Помните, что въ наше время безграмотный человѣкъ — то же, что слѣпой или безрукій».

Въ 1855 году Тургеневъ уѣхалъ за-границу и жилъ тамъ въ теченіе двадцати семи лѣтъ, бывая въ Россіи только наѣздами и иногда проводя въ Спасскомъ лѣто. Жилъ онъ за-границей то въ Римѣ, то въ Баденъ-Баденѣ, то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ, живо интересуясь искусствомъ и окружающимъ бытомъ и встрѣчаясь со многими выдающимися людьми своей эпохи, какъ русскими, такъ и иностранцами. За эти годы онъ написалъ рядъ крупныхъ произведеній. Слава его все росла не только въ Россіи: онъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, съ которымъ широко познакомился европейскій читатель. Произведенія Тургенева переводились на многіе европейскіе языки, а одинъ изъ лучшихъ университетовъ въ Европѣ — Оксфордскій — удостоилъ автора «Записокъ Охотника» въ 1879 г. званіемъ доктора обычнаго права.

Живя за-границей, Тургеневъ никогда не забывалъ своей родины: онъ внимательно слѣдилъ за русской литературой и жизнью, велъ огромную переписку со своими русскими друзьями помогалъ многимъ русскимъ, жившимъ на чужбинѣ, и всегда старался сохранить съ родиной близкую связь. Европа привлекала его своей широкой культурной жизнью, которую онъ, какъ человѣкъ

европейски образованный и просвѣщенный не могъ не цѣнить; еще больше притягивала одинокаго писателя жившая за-границей семья знаменитой пѣвицы Віардо, съ которой его связывала многолѣтняя дружба.

Въ 1880 году Тургеневъ присутствовалъ въ Москвѣ на торжествѣ открытія памятника Пушкина и прочелъ въ публичномъ засѣданіи «Общества любителей Россійской Словесности» блестящую, глубоко-прочувствованную рѣчь, посвященную памяти великаго поэта. Въ пріѣздъ этотъ самъ Тургеневъ былъ восторженно привѣтствованъ многочисленными почитателями его творчества, цѣнившими въ его лицѣ одного изъ лучшихъ художниковъ русскаго слова. Въ день открытія памятника Московскій Университетъ избралъ Тургенева на торжественномъ засѣданіи своимъ почетнымъ членомъ.

Послѣдніе годы жизни Тургенева были омрачены тяжелой неизлѣчимой болѣзнью, которая и свела его въ могилу. Жилъ онъ въ это время то въ Парижѣ, то въ мѣстечкѣ Буживаль (около Парижа) на своей дачѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ простился со своими русскими друзьями и сказалъ: «Въ послѣдній разъ прощайте . . . Живите и любите людей, какъ я ихъ любилъ . . .»

Умеръ И. С. Тургеневъ 22 августа 1883 года. Смерть великаго русскаго писателя привлекла къ нему вниманіе всего культурнаго Парижа и всей иностранной печати. Лучшіе французскіе писатели произносили надъ его гробомъ рѣчи, а одинъ изъ нихъ, Э. Ренанъ, прощаясь съ покидавшимъ Францію тѣломъ Тургенева и оцѣнивая значеніе его творчества, сказалъ: «ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности . . . Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ его устами; цѣлыя поколѣнія предковъ, безмолвныя, затерянныя въ забвеніи вѣковъ, черезъ его посредство обрѣли жизнь и слово . . .»

Незадолго до кончины Тургеневъ говорилъ, что онъ желалъ бы быть погребеннымъ у ногъ Пушкина въ Святыхъ Горахъ, но не считаетъ себя достойнымъ такой чести, и завѣщалъ похоронить его въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ Бѣлинскій и многіе русскіе писатели. Воля его была исполнена.

Какъ родного и близкаго, встрѣтила опечаленная Россія тѣло своего любимаго писателя. Похороны Тургенева собрали нѣсколько десятковъ тысячъ народу всѣхъ сословій и возрастовъ. За гробомъ шли безчисленныя депутаціи, плыли сотни вѣнковъ, возвышавшихся надъ толпой безконечной вереницей . . .

Въ церквахъ по всей Россіи служили панихиды. Въ честь покойнаго писателя учреждались школы его имени и стипендіи для учащихся . . .

— «Слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не можетъ быть чужда никому изъ насъ». — Такими словами почтилъ память писателя священникъ, встрѣтившій на русской границѣ траурный вагонъ съ останками Тургенева.

Эти простыя, глубокія слова оправдались: творчество Тургенева живетъ и близко всѣмъ намъ и будетъ жить, пока на землѣ звучитъ русская рѣчь.

А. Ч.

Русскій языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Іюнь. 1882

Бѣжинъ лугъ

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное— мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ, опять хлынули играющіе лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь

день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ, кое-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: — то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены; свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «па̀ритъ» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба.

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягдташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную «площадь» кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ

направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ, крутой стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся . . . «Эге!» подумалъ я: «да это я совсѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ забралъ вправо», и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣе выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. «Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголъ», думалъ я про себя: «тутъ сейчасъ и будетъ дорога; — а съ версту крюку я далъ!»

Я добрался, наконецъ, до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошенные, низкіе кусты широко разстилались передо мною, а за ними, далеко-далеко, виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча? . . Да гдѣ же я?» — Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіе дня . . . «Э! да это Парахинскіе кусты!» воскликнулъ я, наконецъ: «точно! вонъ это, должно-быть, Синдѣевская роща . . . Да какъ же это я сюда зашелъ? Такъ далеко? . . Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами

отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало, — одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть, — но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что̀ я-было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. «Да гдѣ же это я?» повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней, — казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія, и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ

плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрекъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ — на удалую . . . Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы . . .

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина-Луга . . . Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мною отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздавались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ — большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ; — острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая, съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что̀ дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума . . . Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной . . . Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ-было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ, съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной, полувеселой, полу-разсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовскіе. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый, — что и говорить! — а все-таки, онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо

третьяго, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились, — онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ — низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то и дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толтая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, — на его языкѣ, по крайней мѣрѣ, — не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго, и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Итакъ, я лежалъ подъ кустикомъ, въ сторонѣ, и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней: въ немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка.

Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все такъ же напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и сёмъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Илюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что-жъ ты, такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, — отвѣчалъ Илюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица: — я слышалъ... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? — спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ*.

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ**.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что̀ съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять — какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ,

* «Рольней» и «черпальней» на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

** «Лисовщики» гладятъ, скоблятъ бумагу.

запретилъ: говоритъ: что молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались, и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и началъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой придетъ? . . И не успѣлъ онъ, Авдѣй-то, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ, прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то* спущены. Дивимся мы: — кто-жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось, да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ . . . Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ, — дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ — ничего . . . Вдругъ, глядь, у одного чана форма** зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ . . . Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли . . . Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

* «Дворцомъ» называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

** Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

— Вишь какъ! — промолвилъ Павелъ. — Чего-жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что, — спросилъ Ѳедя: — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры . . . Вишь, плеснула, — прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки: — должно-быть, щука . . . А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что̀, братцы, разскажу, — заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ: — послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, — съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну, да; знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ, по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ, и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ, задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ, — опятъ зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется . . . А мѣсяцъ-то свѣтилъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ, — все, братцы мои, видно. Вотъ, зоветъ она его, и

такая сама вся свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, — а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный . . . Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврила-было и всталъ, послушался-было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ . . . А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается . . . Ахъ, ты этакой, а! . . Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ . . . Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что̀ твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь?» А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься бы тебѣ», говоритъ: «человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выйдти . . . А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка! — проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанья: — да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить, — онъ же ея не послушался?

— Да вотъ, поди ты! — сказалъ Костя. — И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жълобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? — продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ? . . А знать, онъ ей понравился; что позвала его.

— Да, понравился! — подхватилъ Ильюша. — Какъ же! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, — замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Костя: — здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно: — рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся, наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, — и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули . . .

— Съ нами крестная сила! — шепнулъ Илья.

— Эхъ, вы, вороны! — крикнулъ Павелъ: — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Что-же ты? — сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, — началъ Ильюша: — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? — спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли* водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай . . .

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ-быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ — бугорочекъ . . . Вотъ, на-дняхъ, зоветъ приказчикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ, поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ . . . Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его, — что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки . . . Но а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить, — говоритъ: «бяша, бяша!»

* По-орловскому: змѣи.

А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша» . . .

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся . . . Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка!» . . . Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека . . . Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ . . . Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь: — такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ, волкъ, — прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка . . . «Что за славный мальчикъ!» думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? — спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, — отвѣчалъ Павелъ: — да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Ильюшка, страхи разсказывалъ, — заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять . . . А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы? . . Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ, и все этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. — Что, молъ, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? — перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ . . . Ну, и что-жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо: — разрывъ-травы. — А на что тебѣ, батюшка, Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы? — Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ; вонъ хочется, вонъ . . .

— Вишь, какой! — замѣтилъ Ѳедя: — мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! — промолвилъ Костя: — я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, — съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья . . . — Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную, да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ, у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видѣла она кого-нибудь? — съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ же. Перво-наперво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала . . . только все какъ будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то . . . Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашонкѣ. Она приглянулась — Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ . . .

— Тотъ, что умеръ весной? — перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ . . . А узнала его Ульяна . . . Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться, — ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросилъ Ѳедя.

— Ей-Богу, сама.

— Ну что-жъ, вѣдь она еще не умерла?

— Да, году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись,

бѣлый голубокъ, — налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, — замѣтилъ Павелъ. — Теперъ будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнеть, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, — промолвилъ Костя: — не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ-быть, — проговорилъ онъ, наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — началъ Ѳедя: — что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное?*

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что нà-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: «кому теперь ѣсть», говоритъ: «наступило свѣтопреставленіе». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку** увидятъ.

— Какого это Тришку? — спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? — съ жаромъ подхватилъ Ильюша: — ну, братъ, откентелева же ты, что

---

* Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затменіе.

** Въ повѣрьѣ о «Тришкѣ», вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка — эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ, а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ — такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, — онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется — онѣ съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіянскій . . . ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего . . . Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, — продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ: — такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная . . . всѣ какъ крикнутъ: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!» да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи

долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: «авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ». Таково-то всѣ переполошились! . . А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли . . . Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе . . .

Костя вздрогнулъ . . . «Что это?»

— Это цапля кричитъ, — спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, — повторилъ Костя . . . А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — ты, можетъ-быть, знаешь . . .

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной-Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все

нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ — знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью* выходитъ, — тамъ, вѣдь, есть бучило**; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у . . . у-у . . . у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ, вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ . . . Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, — замѣтилъ Павлуша: — такъ, можетъ-быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои, — возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза. — Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія, — продолжалъ Павелъ: — которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? Ну, нѣтъ, это не лягушки . . . какія это . . . (Цапля опять прокричала надъ рѣкой). — Экъ ее! — невольно произнесъ Костя: — словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, — подхватилъ Ильюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ . . .

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? — насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть: но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ

---

* Сугибель — крутой поворотъ въ оврагѣ.

** Бучило — глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны . . . Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ . . .

— Эхъ ты! — воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами: — пфу! . .

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? — замѣтилъ Павелъ: — не понимаю.

— Не бранись: смотри, услышитъ, — замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани: — гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе, тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорилъ Ѳедя: — что твоя сестра Анютка, здорова?

— Здорова, — отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ? . .

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? — спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! — крикнулъ ему вслѣдъ Ильюша.

— Отчего ему упасть? — сказалъ Ѳедя: — онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду . . . А какое упалъ! . . Во-вонъ, въ камыши полѣзъ, — прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

— А правда ли, — спросилъ Костя: — что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ . . . Какова теперь! Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащатъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ).

— А говорятъ, — продолжалъ Костя: — Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее полюбовникъ обманулъ.

— Отъ того самаго.

— А помнишь Васю? — печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ, того, что̀ утонулъ, — отвѣчалъ Костя: — въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! и-ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться, — она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто наземь и станетъ его кликать: «вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!» — И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ, — глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ, съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: — придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ, — вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится . . .

— А вотъ Павлуша идетъ, — молвилъ Ѳедя. Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что ребята, — началъ онъ, помолчавъ: — неладно дѣло.

— А что? — торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: «Павлуша, а Павлуша, подь сюда». Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи, — проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ, — прибавилъ Ѳедя. — А мы только что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная, — съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! — произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять: — своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что это? — спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда же они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ, наконецъ: я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта

безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде . . . Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, — въ немъ снова какъ будто разливалась сырость . . . Не долги лѣтнія ночи! . . Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями . . . Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить при чуть-брезжущемъ, слабо-льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы . . . Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кое-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса̀, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной, пыльной дорогѣ, по свер-

кающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта . . . Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ . . .

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

1851 г.

Муму

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, въ сѣромъ домѣ съ бѣлыми колоннами, антресолью и покривившимся балкономъ жила нѣкогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней. Сыновья ея служили въ Петербургѣ, дочери вышли замужъ; она выѣзжала рѣдко и уединенно доживала послѣдніе годы своей скупой и скучающей старости. День ея, нерадостный и ненастный, давно прошелъ; но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи.

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рожденья. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ, въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ, и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ — дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой, что хоть бы молодой

березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо проворно и безостановочно молотилъ трехъаршиннымъ цѣпомъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ. Славный онъ былъ мужикъ, и не будь его несчастье, всякая дѣвка охотно пошла бы за него замужъ . . . Но вотъ, Герасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руку метлу и лопату, и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье. Съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту. Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ сообщества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ . . . Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что съ нимъ такое дѣется, — скучалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой, здоровый быкъ, котораго только-что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо, — взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги — и вотъ, обдавая его тучное тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стукомъ и визгомъ, а куда мчатъ — Богъ вѣсть! Занятія Герасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то останавливался посреди двора и глядѣлъ, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ бы желая добиться отъ нихъ рѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу или лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пой-

манный звѣрь. Но ко всему привыкаетъ человѣкъ и Герасимъ привыкъ, наконецъ, къ городскому житью. Дѣла у него было немного, вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколоть дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по ночамъ караулить. И надо сказать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность: на дворѣ у него никогда ни щепокъ не валялось, ни сору; застрянетъ ли въ грязную пору гдѣ-нибудь съ бочкой отданная подъ его начальство разбитая кляча-водовозка, онъ только двинетъ плечомъ — и не только телѣгу, самоё лошадь спихнетъ съ мѣста; дрова ли примется онъ колоть, топоръ такъ и звенитъ у него, какъ стекло, и летятъ во всѣ стороны осколки и полѣнья; а что насчетъ чужихъ, такъ послѣ того, какъ онъ однажды ночью, поймавъ двухъ воровъ, стукнулъ ихъ другъ о дружку лбами, да такъ стукнулъ, что хоть въ полицію ихъ потомъ не води, всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его, даже днемъ проходившіе, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при видѣ грознаго дворника, отмахивались и кричали на него, какъ будто онъ могъ слышать ихъ крики. Со всей остальной челядью Герасимъ находился въ отношеніяхъ не то, чтобы пріятельскихъ — они его побаивались — а короткихъ: онъ считалъ ихъ за своихъ. Они съ нимъ объяснялись знаками, и онъ ихъ понималъ, въ точности исполнялъ всѣ приказанія, но права свои тоже зналъ, и уже никто не смѣлъ садиться на его мѣсто на застолицѣ. Вообще, Герасимъ былъ нрава строгаго и серьезнаго, любилъ во всемъ порядокъ; даже пѣтухи при немъ не смѣли драться — а то бѣда! увидитъ, тотчасъ схватитъ за ноги, повертитъ разъ десять

на воздухѣ колесомъ и броситъ врозь. На дворѣ у барыни водились тоже гуси; но гусь, извѣстно, птица важная и разсудительная; Герасимъ чувствовалъ къ нимъ уваженіе, ходилъ за ними и кормилъ ихъ; онъ самъ смахивалъ на степеннаго гусака. Ему отвели надъ кухней каморку; онъ устроилъ ее себѣ самъ, по своему вкусу, соорудилъ въ ней кроват изъ дубовыхъ досокъ на четырехъ чурбанахъ, — истинно богатырскую кровать; сто пудовъ можно было положить на нее — не погнулась бы; подъ кроватью находился дюжій сундукъ; въ уголку стоялъ столикъ такого же крѣпкаго свойства, а возлѣ столика — стулъ на трехъ ножкахъ, да такой прочный и приземистый, что самъ Герасимъ, бывало, подниметъ его, уронитъ и ухмыльнется. Каморка запиралась на замокъ, напоминавшій своимъ видомъ калачъ, только черный; ключъ отъ этого замка Герасимъ всегда носилъ съ собой, на поясѣ. Онъ не любилъ, чтобы къ нему ходили.

Такъ прошелъ годъ, по окончаніи котораго съ Герасимомъ случилось небольшое происшествіе.

Старая барыня, у которой онъ жилъ въ дворникахъ, во всемъ слѣдовала древнимъ обычаямъ и прислугу держала многочисленную; въ домѣ у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, былъ даже одинъ шорникъ, онъ же считался ветеринарнымъ врачомъ и лѣкаремъ для людей, былъ домашній лекарь для госпожи, былъ, наконецъ, башмачникъ, по имени Капитонъ Климовъ, пьяница горькій. Климовъ почиталъ себя существомъ обиженнымъ и неоцѣненнымъ по достоинству, человѣкомъ образованнымъ и столичнымъ, которому не въ Москвѣ бы жить, безъ дѣла, въ какомъ-то захолустьѣ, и если пилъ, какъ онъ самъ выражался съ разстановкой и стуча себя въ грудь, то пилъ

уже именно съ горя. Вотъ, зашла однажды о немъ рѣчь у барыни съ ея главнымъ дворецкимъ, Гаврилой, человѣкомъ, которому, судя по однимъ его желтымъ глазкамъ и утиному носу, сама судьба, казалось, опредѣлила быть начальствующимъ лицомъ. Барыня сожалѣла объ испорченной нравственности Капитона, котораго наканунѣ только-что отыскали гдѣ-то на улицѣ.

— А что, Гаврила, — заговорила вдругъ она: — не женить ли намъ его, какъ ты думаешь? Можетъ, онъ остепенится.

— Отчего же не женить-съ? Можно-съ, — отвѣчалъ Гаврила: — и очень даже будетъ хорошо-съ.

— Да; только кто за него пойдетъ?

— Конечно-съ. А, впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно-съ. Все же онъ, такъ-сказать, на что-нибудь можетъ быть потребенъ; изъ десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотѣлъ-было что-то возразить, да сжалъ губы.

— Да! . . пусть посватаетъ Татьяну, — рѣшила барыня, съ удовольствіемъ понюхивая табачокъ: — слышишь?

— Слушаю-съ, — произнесъ Гаврила и удалился.

Возвратясь въ свою комнату (она находилась во флигелѣ и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврила сперва выслалъ вонъ свою жену, а потомъ подсѣлъ къ окну и задумался. Неожиданное распоряженіе барыни его видимо озадачило. Наконецъ, онъ всталъ и велѣлъ кликнуть Капитона. Капитонъ явился . . . Но прежде чѣмъ мы передадимъ читателямъ ихъ разговоръ, считаемъ нелишнимъ разсказать въ немногихъ словахъ, кто была эта Татьяна, на

которой приходилось Капитону жениться, и почему повелѣніе барыни смутило дворецкаго.

Татьяна, состоявшая, какъ мы сказали выше, въ должности прачки (впрочемъ, ей, какъ искусной и ученой прачкѣ, поручалось одно тонкое бѣлье), была женщина лѣтъ двадцати-осьми, маленькая, худая, бѣлокурая, съ родинками на лѣвой щекѣ. Родинки на лѣвой щекѣ почитаются на Руси худой примѣтой — предвѣщаніемъ несчастной жизни . . . Татьяна не могла похвалиться своей участью. Съ ранней молодости ее держали въ черномъ тѣлѣ; работала она за двоихъ, а ласки никакой никогда не видала; одѣвали ее плохо; жалованье она получала самое маленькое; родни у ней все равно что не было: одинъ какой-то старый ключникъ, оставленный, за негодностью, въ деревнѣ, доводился ей дядей, а другіе дядья у ней въ мужикахъ состояли, — вотъ и все. Когда-то она слыла красавицей, но красота съ нея очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смирнаго, или, лучше сказать, запуганнаго, къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала. Когда Герасима привезли изъ деревни, она чуть не обмерла отъ ужаса при видѣ его громадной фигуры, всячески старалась не встрѣчаться съ нимъ, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробѣгать мимо него, спѣша изъ дома въ прачечную. Герасимъ сперва не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потомъ сталъ посмѣиваться, когда она ему попадалась, потомъ и заглядываться на нее началъ, наконецъ, и вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Полюбилась она ему: кроткимъ ли выраженіемъ лица,

робостью ли движеній — Богъ его знаетъ! Вотъ, однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренныхъ пальцахъ накрахмаленную барынину кофту . . . кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за локоть; она обернулась и такъ и вскрикнула: за ней стоялъ Герасимъ. Глупо смѣясь и ласково мыча, протягивалъ онъ ей пряничнаго пѣтушка, съ сусальнымъ золотомъ на хвостѣ и крыльяхъ. Она-было хотѣла отказаться, но онъ насильно впихнулъ его ей прямо въ руку, покачалъ головой, пошелъ прочь и, обернувшись, еще разъ промычалъ ей что-то очень дружелюбное. Съ того дня онъ ужъ ей не давалъ покоя, куда, бывало, она ни пойдетъ, онъ ужъ тутъ-какъ-тутъ, идетъ ей навстрѣчу, улыбается, мычитъ, махаетъ руками, ленту вдругъ вытащитъ изъ-за пазухи и всучитъ ей, метлой передъ ней пыль расчиститъ. Бѣдная дѣвка просто не знала, какъ ей быть и что дѣлать. Скоро весь домъ узналъ о продѣлкахъ нѣмого дворника; насмѣшки, прибауточки, колкія словечки посыпались на Татьяну. Надъ Герасимомъ, однако, глумиться не всѣ рѣшались: онъ шутокъ не любилъ; да и ее при немъ оставляли въ покоѣ. Рада не рада, а попала дѣвка подъ его покровительство. Какъ всѣ глухонѣмые, онъ очень былъ догадливъ и очень хорошо понималъ, когда надъ нимъ или надъ ней смѣялись. Однажды, за обѣдомъ, кастелянша, начальница Татьяны, принялась ее, какъ говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бѣдная, не знала куда глаза дѣть, и чуть не плакала съ досады. Герасимъ вдругъ приподнялся, протянулъ свою огромную ручищу, наложилъ ее на голову кастелянши и съ такой угрюмой свирѣпостью посмотрѣлъ ей въ лицо, что та такъ и пригнулась къ столу. Всѣ умолкли. Герасимъ снова взялся за ложку

и продолжалъ хлебать щи. «Вишь, глухой чортъ, лѣшій!» пробормотали всѣ вполголоса, а кастелянша встала да ушла въ дѣвичью. А то, въ другой разъ, замѣтивъ, что Капитонъ, тотъ самый Капитонъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, какъ-то слишкомъ любезно раскалякался съ Татьяной, Герасимъ подозвалъ его къ себѣ пальцемъ, отвелъ въ каретный сарай, да ухвативъ за конецъ стоявшее въ углу дышло, слегка, но многозначительно погрозилъ ему имъ. Съ тѣхъ поръ ужъ никто не заговаривалъ съ Татьяной. И все это ему сходило съ рукъ. Правда, кастелянша, какъ только прибѣжала въ дѣвичью, тотчасъ упала въ обморокъ и вообще такъ искусно дѣйствовала, что въ тотъ же день довела до свѣдѣнія барыни грубый поступокъ Герасима; но причудливая старуха только разсмѣялась, нѣсколько разъ, къ крайнему оскорбленію кастелянши, заставила ее повторить, какъ, дескать, онъ принагнулъ тебя своей тяжелой ручкой, и на другой день выслала Герасиму цѣлковый. Она его жаловала, какъ вѣрнаго и сильнаго сторожа. Герасимъ порядкомъ ее побаивался, но, все-таки, надѣялся на ея милость и собирался уже отправиться къ ней съ просьбой, не позволитъ ли она ему жениться на Татьянѣ. Онъ только ждалъ новаго кафтана, обѣщаннаго ему дворецкимъ, чтобъ въ приличномъ видѣ явиться передъ барыней, какъ вдругъ этой самой барынѣ пришла въ голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко самъ пойметъ причину смущенія, овладѣвшаго дворецкимъ Гаврилой послѣ разговора съ госпожей. «Госпожа, — думалъ онъ, посиживая у окна, — конечно, жалуетъ Герасима (Гаврилѣ хорошо это было извѣстно, и оттого онъ самъ ему потакалъ), все же, онъ

существо безсловесное; не доложить же госпожѣ, что вотъ, Герасимъ, молъ, за Татьяной ухаживаетъ. Да и, наконецъ, оно и справедливо: какой онъ мужъ? А съ другой стороны, стоитъ этому, прости Господи, лѣшему узнать, что Татьяну выдаютъ за Капитона, вѣдь онъ все въ домѣ переломаетъ, ей-ей! Вѣдь съ нимъ не столкуешь; вѣдь его, чорта этакого, согрѣшилъ я, грѣшный, никакимъ способомъ не уломаешь . . . право!» . . . . .

Появленіе Капитона прервало нить Гаврилиныхъ размышленій. Легкомысленный башмачникъ вошелъ, закинулъ руки назадъ и, развязно прислонясь къ выдающемуся углу стѣны, подлѣ двери, поставилъ правую ножку крестообразно передъ лѣвой и встряхнулъ головой. «Вотъ, молъ, я. Чего вамъ потребно?»

Гаврила посмотрѣлъ на Капитона и застучалъ пальцами по косяку окна. Капитонъ только прищурилъ немного свои оловянные глазки, но не опустилъ ихъ, даже усмѣхнулся слегка и провелъ рукой по своимъ бѣловатымъ волосамъ, которые такъ и ерошились во всѣ стороны. «Ну, да, я, молъ, я. Чего глядишь?»

— Хорошъ, — проговорилъ Гаврила и помолчалъ. — Хорошъ, нечего сказать!

Капитонъ только плечиками передернулъ. «А ты, небось, лучше?» подумалъ онъ про себя.

— Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, — продолжалъ съ укоризной Гаврила: — ну, на кого ты похожъ?

Капитонъ окинулъ спокойнымъ взоромъ свой истасканный и оборванный сюртукъ, свои заплатанные панталоны, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ онъ свои дырявые сапоги, особенно тотъ, о носокъ котораго такъ щеголевато опиралась его правая ножка, и снова уставился на дворецкаго.

— А что-съ?

— Что-съ? — повторилъ Гаврила. — Что-съ? Еще ты говоришь: что-съ? На чорта ты похожъ, согрѣшилъ я, грѣшный, вотъ на кого ты похожъ.

Капитонъ проворно замигалъ глазками.

«Ругайтесь, молъ, ругайтесь, Гаврила Андреичъ», подумалъ онъ опять про себя.

— Вѣдь вотъ, ты опять пьянъ былъ, — началъ Гаврила: — вѣдь опять? А? Ну, отвѣчай же!

— По слабости здоровья спиртнымъ напиткамъ подвергался, дѣйствительно, — возразилъ Капитонъ.

— По слабости здоровья?.. Мало тебя наказываютъ — вотъ что; а въ Питерѣ еще былъ въ ученьѣ... Многому ты выучился въ ученьѣ! Только хлѣбъ даромъ ѣшь.

— Въ этомъ случаѣ, Гаврила Андреичъ, одинъ мнѣ судья — Самъ Господь Богъ, и больше никого. Тотъ одинъ знаетъ, каковъ я человѣкъ на семъ свѣтѣ суть и точно ли даромъ хлѣбъ ѣмъ. А что касается въ соображенiи до пьянства — то и въ этомъ случаѣ виноватъ не я, а болѣе одинъ товарищъ; самъ же меня онъ сманулъ, да и сполитиковалъ, ушелъ, то-есть, а я...

— А ты остался, гусь, на улицѣ. Ахъ, ты, забубенный человѣкъ! Ну, да дѣло не въ томъ, — продолжалъ дворецкiй: — а вотъ что. Барынѣ... — тутъ онъ помолчалъ: — барынѣ угодно, чтобъ ты женился. Слышишь? Онѣ полагаютъ, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

— Какъ не понимать-съ.

— Ну, да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько въ руки взять. Ну, да это ужъ ихъ дѣло. Чтожъ? ты согласенъ?

Капитонъ осклабился.

— Женитьба дѣло хорошее для человѣка, Гаврила Андреичъ; и я, съ своей стороны, съ очень моимъ пріятнымъ удовольствіемъ.

— Ну, да, — возразилъ Гаврила и подумалъ про себя: — «нечего сказать, аккуратно говоритъ человѣкъ». — Только вотъ что, — продолжалъ онъ вслухъ: — невѣсту-то тебѣ пріискали неладную.

— А какую, позвольте полюбопытствовать? . .

— Татьяну.

— Татьяну?

И Капитонъ вытаращилъ глаза и отдѣлился отъ стѣны.

— Ну, чего-жъ ты всполохнулся? . . Развѣ она тебѣ не по нраву?

— Какое не по нраву, Гаврила Андреичъ! дѣвка она ничего, работница, смирная дѣвка . . . Да вѣдь вы сами знаете, Гаврила Андреичъ, вѣдь тотъ-то, лѣшій, кикимора-то степная, вѣдь онъ за ней . . .

— Знаю, братъ, все знаю, — съ досадой прервалъ его дворецкій: — да вѣдь . . .

— Да помилуйте, Гаврила Андреичъ! вѣдь онъ меня убьетъ, ей-Богу, убьетъ, какъ муху какую-нибудь прихлопнетъ; вѣдь у него рука, вѣдь вы извольте сами посмотрѣть, что у него за рука; вѣдь у него, просто, Минина и Пожарскаго рука. Вѣдь онъ глухой, бьетъ и не слышитъ, какъ бьетъ! Словно во снѣ кулачищами-то махаетъ. И унять его нѣтъ никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреичъ, онъ глухъ и, вдобавку, глупъ, какъ пятка. Вѣдь это какой-то звѣрь, идолъ, Гаврила Андреичъ, — хуже идола . . . осина какая-то; за что же я теперь отъ него страдать долженъ? Конечно, мнѣ ужъ теперь все ни почемъ: обдержался, обтерпѣлся человѣкъ, обмаслился какъ коломенскій

горшокъ, — все же я, однако, человѣкъ, а не какой-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, ничтожный горшокъ.

— Знаю, знаю, не расписывай . . .

— Господи, Боже мой! — съ жаромъ продолжалъ башмачникъ: — когда же конецъ? когда, Господи! Горемыка, я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаешь! Въ младыхъ лѣтахъ былъ я битъ черезъ нѣмца хозяина; въ лучшій суставъ жизни моей битъ отъ своего же брата, наконецъ, въ зрѣлые годы вотъ до чего дослужился . . .

— Эхъ, ты, мочальная душа, — проговорилъ Гаврила. — Чего распространяешься, право?

— Какъ чего, Гаврила Андреичъ! Не побоевъ я боюсь, Гаврила Андреичъ. Накажи меня господинъ въ стѣнахъ, да подай мнѣ при людяхъ привѣтствіе, и все я въ числѣ человѣковъ; а тутъ вѣдь отъ кого приходится . . .

— Ну, пошелъ вонъ, — нетерпѣливо перебилъ его Гаврила.

Капитонъ отвернулся и поплелся вонъ.

— А положимъ, его бы не было, — крикнулъ ему вслѣдъ дворецкій: — ты-то самъ согласенъ?

— Изъявляю, — возразилъ Капитонъ и удалился.

Краснорѣчіе не покидало его даже въ крайнихъ случаяхъ.

Дворецкій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, позовите теперь Татьяну, — промолвилъ онъ, наконецъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— Что прикажете, Гаврила Андреичъ? — проговорила она тихимъ голосомъ.

Дворецкій пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ну, — промолвилъ онъ: — Танюша, хочешь замужъ идти? барыня тебѣ жениха сыскала.

— Слушаю, Гаврила Андреичъ. А кого онѣ мнѣ въ женихи назначаютъ? — прибавила она съ нерѣшительностью.

— Капитона, башмачника.

— Слушаю-съ.

— Онъ легкомысленный человѣкъ — это точно. Но госпожа въ этомъ случаѣ на тебя надѣется.

— Слушаю-съ.

— Одна бѣда . . . вѣдь этотъ глухарь-то, Гараська, онъ вѣдь за тобой ухаживаетъ. И чѣмъ ты этого медвѣдя къ себѣ приворожила? А вѣдь онъ убьетъ тебя, пожалуй, медвѣдь этакой . . .

— Убьетъ, Гаврила Андреичъ, безпремѣнно убьетъ.

— Убьетъ . . . Ну, это мы увидимъ. Какъ это ты говоришь: убьетъ? Развѣ онъ имѣетъ право тебя убивать, посуди сама?

— А не знаю, Гаврила Андреичъ, имѣетъ ли, нѣтъ ли.

— Экая! вѣдь ты ему этакъ, ничего не обѣщала...

— Чего изволите-съ?

Дворецкій помолчалъ и подумалъ:

— «Безотвѣтная ты душа!» — Ну, хорошо, — прибавилъ онъ: — мы еще поговоримъ съ тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

«А, можетъ-быть, барыня-то завтра и забудетъ объ этой свадьбѣ, — подумалъ дворецкій, — я-то изъ чего растревожился! Озорника-то мы этого скрутимъ, коли что — въ полицію знать дадимъ»... — Устинья Өедоровна! — крикнулъ онъ громкимъ голосомъ своей женѣ: — поставьте-ка самоварчикъ, моя почтенная . . .

Татьяна почти весь тотъ день не выходила изъ прачечной. Сперва она всплакнула, потомъ утерла слезы и принялась попрежнему за работу. Капитонъ до самой поздней ночи просидѣлъ въ заведенiи съ какимъ-то прiятелемъ мрачнаго вида и подробно ему разсказалъ, какъ онъ въ Питерѣ проживалъ у одного барина, который всѣмъ бы взялъ, да за порядками былъ наблюдателенъ и притомъ одной ошибкой маленечко произволялся: хмѣлемъ гораздо забиралъ, а что̀ до женскаго пола, просто во всѣ качества доходилъ . . . Мрачный товарищъ только поддакивалъ; но когда Капитонъ объявилъ, наконецъ, что онъ, по одному случаю, долженъ завтра же руку на себя наложить, мрачный товарищъ замѣтилъ, что пора спать. И они разошлись грубо и молча.

Между тѣмъ, ожиданiя дворецкаго не сбылись. Барыню такъ заняла мысль о Капитоновой свадьбѣ, что она даже ночью только объ этомъ разговаривала съ одной изъ своихъ компаньонокъ, которая держалась у ней въ домѣ единственно на случай безсонницы и, какъ ночной извозчикъ, спала днемъ. Когда Гаврила вошелъ къ ней послѣ чаю съ докладомъ, первымъ ея вопросомъ было: а что наша свадьба, идетъ? Онъ, разумѣется, отвѣчалъ, что идетъ какъ нельзя лучше, и что Капитонъ сегодня же къ ней явится съ поклономъ. Барынѣ что-то нездоровилось; она недолго занималась дѣлами. Дворецкiй возвратился къ себѣ въ комнату и созвалъ совѣтъ. Дѣло, точно, требовало особеннаго обсужденiя. Татьяна не прекословила, конечно; но Капитонъ объявлялъ во всеуслышанiе, что у него одна голова, а не двѣ и не три . . . Герасимъ сурово и быстро на всѣхъ поглядывалъ, не отходилъ отъ дѣвичьяго крыльца и, казалось,

догадывался, что затѣвается что-то для него недоброе. Собравшіеся (въ числѣ ихъ присутствовалъ старый буфетчикъ, по прозвищу дядя Хвостъ къ которому всѣ съ почтеніемъ обращались за совѣтомъ, хотя только и слышали отъ него, что — вотъ оно какъ, да! да, да, да!) — начали съ того, что на всякій случай, для безопасности заперли Капитона въ чуланчикъ съ водоочистительной машиной и принялись думать крѣпкую думу. Конечно, легко было прибѣгнуть къ силѣ; но Боже сохрани! выдетъ шумъ, барыня обезпокоится — бѣда! какъ быть? Думали, думали, и выдумали, наконецъ. Неоднократно было замѣчено, что Герасимъ терпѣть не могъ пьяницъ . . . Сидя за воротами, онъ всякій разъ, бывало, съ негодованіемъ отворачивался, когда мимо его невѣрными шагами и съ козырькомъ фуражки на ухѣ проходилъ какой-нибудь нагрузившійся человѣкъ. Рѣшили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмѣльной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бѣдная дѣвка долго не соглашалась, но ее уговорили; притомъ, она сама видѣла, что иначе она не отдѣлается отъ своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили изъ чуланчика: дѣло, все-таки, до него касалось. Герасимъ сидѣлъ на тумбочкѣ у воротъ и тыкалъ лопатой землю . . . Изъ-за всѣхъ угловъ, изъ-подъ шторъ за окнами глядѣли на него . . .

Хитрость удалась, какъ нельзя лучше. Увидѣвъ Татьяну, онъ сперва, по обыкновенію, съ ласковымъ мычаньемъ закивалъ головой; потомъ вглядѣлся, уронилъ лопату, вскочилъ, подошелъ къ ней, придвинулъ свое лицо къ самому ея лицу . . . Она отъ страха еще болѣе зашаталась и закрыла глаза . . . Онъ схватилъ ее за руку, помчалъ черезъ весь дворъ, и войдя съ нею въ

комнату, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, толкнулъ ее прямо къ Капитону. Татьяна такъ и обмерла . . . Герасимъ постоялъ, поглядѣлъ на нее, махнулъ рукой, усмѣхнулся и пошелъ, тяжело ступая, въ свою каморку . . . Цѣлыя сутки не выходилъ онъ оттуда. Форейторъ Антипка сказывалъ потомъ, что онъ сквозь щелку видѣлъ, какъ Герасимъ, сидя на кровати, приложивъ къ щекѣ руку, тихо, мѣрно и только изрѣдка мыча, — пѣлъ, т.-е. покачивался, закрывалъ глаза и встряхивалъ головой, какъ ямщики или бурлаки, когда они затягиваютъ свои заунывныя пѣсни. Антипкѣ стало жутко, и онъ отошелъ отъ щели. Когда же, на другой день, Герасимъ вышелъ изъ каморки, въ немъ особенной перемѣны нельзя было замѣтить. Онъ только сталъ какъ будто поугрюмѣе, а на Татьяну и на Капитона не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ тотъ же вечеръ они оба, съ гусями подъ мышкой, отправились къ барынѣ, и черезъ недѣлю женились. Въ самый день свадьбы Герасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ-то на дорогѣ разбилъ бочку; а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, что та шаталась, какъ былинка на вѣтру, и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными кулаками.

Все это происходило весною. Прошелъ еще годъ, въ теченіе котораго Капитонъ окончательно спился съ кругу, и какъ человѣкъ рѣшительно никуда негодный, былъ отправленъ съ обозомъ въ дальнюю деревню, вмѣстѣ съ своей женой. Въ день отъѣзда онъ сперва очень храбрился и увѣрялъ, что куда его ни пошли, хоть туда, гдѣ бабы рубахи моютъ да вальки на небо кладутъ, онъ все не пропадетъ; но потомъ упалъ духомъ, сталъ жаловаться, что его везутъ къ необразо-

ваннымъ людямъ, и такъ ослабѣлъ, наконецъ, что даже собственную шапку на себя надѣть не могъ; какая-то сострадательная душа надвинула ее ему на лобъ, поправила козырекъ и сверху ее прихлопнула. Когда же все было готово, и мужики уже держали вожжи въ рукахъ и ждали только слова: «съ Богомъ!» Герасимъ вышелъ изъ своей каморки, приблизился къ Татьянѣ и подарилъ ей на память красный, бумажный платокъ, купленный имъ для нея же, съ годъ тому назадъ. Татьяна, съ великимъ равнодушіемъ переносившая до того мгновенья всѣ превратности своей жизни, тутъ, однако, не вытерпѣла, прослезилась и, садясь въ телѣгу, по-христіански три раза поцѣловалась съ Герасимомъ. Онъ хотѣлъ проводить ее до заставы и пошелъ сперва рядомъ съ ея телѣгой, но вдругъ остановился на Крымскомъ броду, махнулъ рукой и отправился вдоль рѣки.

Дѣло было къ вечеру. Онъ шелъ тихо и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ нагнулся и увидѣлъ небольшого щенка, бѣлаго съ черными пятнами, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всѣмъ своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Герасимъ поглядѣлъ на несчастную собачонку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ за пазуху и пустился большими шагами домой. Онъ вошелъ въ свою каморку, уложилъ спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солому, поставилъ онъ молоко на кровать. Бѣдной собачонкѣ было всего недѣли три, глаза у ней прорѣзались недавно, одинъ глазъ даже казался

немножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась. Герасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и принагнулъ ея мордочку къ молоку. Собачка вдругъ начала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасимъ глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ засмѣется вдругъ . . . Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ, наконецъ, самъ возлѣ нея какимъ-то радостнымъ тихимъ сномъ.

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Герасимъ за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, понемногу справилась и выровнялась, а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ своего спасителя, превратилась въ очень ладную собачку испанской породы, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Герасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, повиливая хвостикомъ. Онъ и кличку ей далъ, — нѣмые знаютъ, что мычанье ихъ обращаетъ на себя вниманіе другихъ, — онъ назвалъ ее Муму. Всѣ люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всѣмъ ласкалась, но любила одного Герасима. Герасимъ самъ ее любилъ безъ памяти . . . и ему было непріятно, когда другіе ее гладили: боялся онъ что ли за нее, ревновалъ ли онъ къ ней — Богъ вѣсть! Она его будила по утрамъ, дергая его за полу, приводила къ нему за поводъ старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ, съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила метлы и лопаты, никого не подпускала къ его каморкѣ. Онъ нарочно для

нея прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, а она какъ-будто чувствовала, что только въ Герасимовой каморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ, съ довольнымъ видомъ, вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняжка, которая, сидя на заднихъ лапахъ и поднявъ морду и зажмуривъ глаза, лаетъ просто отъ скуки, такъ, на звѣзды, и обыкновенно три раза сряду — нѣтъ! тонкій голосокъ Муму никогда не раздавался даромъ! либо чужой близко подходитъ къ забору, либо гдѣ-нибудь поднимался подозрительный шумъ или шорохъ . . . Словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще, кромѣ ея, на дворѣ старый песъ, желтаго цвѣта съ бурыми крапинами, по имени Волчокъ, но того никогда, даже ночью, не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ, свернувшись, въ своей конурѣ и лишь изрѣдка издавалъ сиплый, почти беззвучный лай, который тотчасъ же прекращалъ, какъ бы самъ чувствуя всю его безполезность. Въ господскій домъ Муму не ходила, и когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпѣливо его выжидала у крыльца, навостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налѣво, при малѣйшемъ стукѣ за дверями…

Такъ прошелъ еще годъ. Герасимъ продолжалъ свои дворническія занятія и очень былъ доволенъ своей судьбой, какъ вдругъ произошло одно неожиданное обстоятельство . . . А именно: въ одинъ прекрасный лѣтній день, барыня съ своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была въ духѣ, смѣялась и шутила; приживалки смѣялись и шутили тоже, но особенной радости онѣ не чувствовали: въ домѣ не очень-то любили,

когда на барыню находилъ веселый часъ, потому что, во-первыхъ, она тогда требовала отъ всѣхъ немедленнаго и полнаго сочувствія и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сіяло удовольствіемъ, а во-вторыхъ, эти вспышки у ней продолжались не долго и обыкновенно замѣнялись мрачнымъ и кислымъ расположеніемъ духа. Въ тотъ день она какъ-то счастливо встала; на картахъ ей вышло четыре валета: исполненіе желаній (она всегда гадала по утрамъ), — и чай ей показался особенно вкуснымъ, за что горничная получила на словахъ похвалу и деньгами гривенникъ. Съ сладкой улыбкой на сморщенныхъ губахъ гуляла барыня по гостиной и подошла къ окну. Передъ окномъ былъ разбитъ палисадникъ, и на самой средней клумбѣ, подъ розовымъ кусточкомъ, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидала ее.

— Боже мой! — воскликнула она вдругъ: — что это за собака?

Приживалка, къ которой обратилась барыня, заметалась, бѣдненькая, съ тѣмъ тоскливымъ безпокойствомъ, которое обыкновенно овладѣваетъ подвластнымъ человѣкомъ, когда онъ еще не знаетъ хорошенько, какъ ему понять восклицаніе начальника.

— Н . . . н . . . е знаю-съ, — пробормотала она: — кажется, нѣмого.

— Боже мой! — прервала ее барыня: — да она премиленькая собачка! велите ее привести. Давно она у него? Какъ же я это ея не видала до сихъ поръ? . . Велите ее привести.

Приживалка тотчасъ порхнула въ переднюю.

— Человѣкъ, человѣкъ! — закричала она: — приведите поскорѣй Муму! Она въ палисадникѣ.

— А, ее Муму зовутъ, — промолвила барыня: — очень хорошее имя.

— Ахъ, очень-съ! — возразила приживалка. — Скорѣй, Степанъ!

Степанъ, дюжій парень, состоявшій въ должности лакея, бросился сломя голову въ палисадникъ и хотѣлъ-было схватить Муму, но та ловко вывернулась изъ-подъ его пальцевъ и, поднявъ хвостъ, пустилась во всѣ лопатки къ Герасиму, который въ то время у кухни выколачивалъ и вытряхивалъ бочку, перевертывая ее въ рукахъ, какъ дѣтскій барабанъ. Степанъ побѣжалъ за ней вслѣдъ, началъ ловить ее у самыхъ ногъ хозяина; но проворная собачка не давалась чужому въ руки, прыгала и увертывалась. Герасимъ смотрѣлъ съ усмѣшкой на всю эту возню; наконецъ, Степанъ съ досадой приподнялся и поспѣшно растолковалъ ему знаками, что барыня, молъ, требуетъ твою собачку къ себѣ. Герасимъ немного изумился, однако подозвалъ Муму, поднялъ ее съ земли и передалъ Степану. Степанъ принесъ ее въ гостиную и поставилъ на паркетъ. Барыня начала ее ласковымъ голосомъ подзывать къ себѣ. Муму, отроду еще не бывавшая въ такихъ великолѣпныхъ покояхъ, очень испугалась и бросилась-было къ двери, но, оттолкнутая услужливымъ Степаномъ, задрожала и прижалась къ стѣнѣ.

— Муму, Муму, подойди же ко мнѣ, подойди къ баринѣ, — говорила госпожа: — подойди, глупенькая . . . не бойся . . .

— Подойди, подойди, Муму, къ баринѣ, — твердили приживалки: — подойди!

Но Муму тоскливо оглядывалась кругомъ и не трогалась съ мѣста.

— Принесите ей что-нибудь поѣсть, — сказала барыня. — Какая она глупая! къ баринѣ не идетъ. Чего боится?

— Онѣ не привыкли еще, — произнесла робкимъ и умильнымъ голосомъ одна изъ приживалокъ.

Степанъ принесъ блюдечко съ молокомъ, поставилъ передъ Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась попрежнему.

— Ахъ, какая же ты! — промолвила барыня, подходя къ ней, нагнулась и хотѣла погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. — Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчаніе. Муму слабо визгнула, какъ бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движеніе собаки ее испугало.

— Ахъ! — закричали разомъ всѣ приживалки: — не укусила ли она васъ, сохрани Богъ! (Муму въ жизнь свою никого никогда не укусила) Ахъ, ахъ!

— Отнести ее вонъ, — проговорила измѣнившимся голосомъ старуха. — Скверная собачонка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она въ свой кабинетъ. Приживалки робко переглянулись и пошли-было за ней, но она остановилась, холодно посмотрѣла на нихъ, промолвила: «зачѣмъ это? вѣдь я васъ не зову», и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тотъ подхватилъ Муму и выбросилъ ее поскорѣй за дверь, прямо къ ногамъ Герасима, — а черезъ полчаса въ домѣ уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидѣла на своемъ диванѣ мрачнѣе грозовой тучи.

Какія бездѣлицы, подумаешь, могутъ иногда разстроить человѣка!

До самаго вечера барыня была не въ духѣ, ни съ кѣмъ не разговаривала, не играла въ карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколонъ

ей подали не тотъ, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнетъ мыломъ, и заставила кастеляншу все бѣлье перенюхать, — словомъ, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велѣла позвать Гаврилу часомъ ранѣе обыкновеннаго.

— Скажи, пожалуйста, — начала она, какъ только тотъ, не безъ нѣкотораго внутренняго лепетанія, переступилъ порогъ ея кабинета: — что это за собака у насъ на дворѣ всю ночь лаяла? мнѣ спать не дала!

— Собака-съ . . . какая-съ . . . можетъ-быть, нѣмого собака-съ, — произнесъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не знаю, нѣмого ли, другого ли кого, только спать мнѣ не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собакъ! Желаю знать. Вѣдь есть у насъ дворная собака?

— Какъ же-съ, есть-съ. Волчокъ-съ.

— Ну, чего же еще, на что намъ еще собака? Только одни безпорядки заводить. Старшаго нѣтъ въ домѣ — вотъ что. И на что нѣмому собака? Кто ему позволилъ собакъ у меня на дворѣ держать? Вчера я подошла къ окну, а она въ палисадникѣ лежитъ, какую-то мерзость притащила, грызетъ, — а у меня тамъ розы посажены . . .

Барыня помолчала.

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было . . . слышишь?

— Слушаю-съ.

— Сегодня же. А теперь ступай. Къ докладу я тебя потомъ позову.

Гаврила вышелъ.

Проходя черезъ гостиную, дворецкій, для порядка, переставилъ колокольчикъ съ одного стола на другой, втихомолочку высморкалъ въ залѣ

свой утиный носъ и вышелъ въ переднюю. Въ передней, на коникѣ, спалъ Степанъ, въ положеніи убитаго воина на батальной картинѣ, судорожно вытянувъ обнаженныя ноги изъ-подъ сюртука, служившаго ему вмѣсто одѣяла. Дворецкій растолкалъ его и вполголоса сообщилъ ему какое-то приказаніе, на которое Степанъ отвѣчалъ полузѣвкомъ, полухохотомъ. Дворецкій удалился, а Степанъ вскочилъ, натянулъ на себя кафтанъ и сапоги, вышелъ и остановился у крыльца. Не прошло пяти минутъ, какъ появился Герасимъ съ огромной вязанкой дровъ за спиной, въ сопровожденіи неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинетъ приказывала протапливать даже лѣтомъ) Герасимъ сталъ бокомъ передъ дверью, толкнулъ ее плечомъ и ввалился въ домъ съ своей ношей. Муму, по обыкновенію, осталась его дожидаться. Тогда Степанъ, улучивъ удобное мгновеніе, внезапно бросился на нее, какъ коршунъ на цыпленка, придавилъ ее грудью къ землѣ, сгребъ въ охапку и, не надѣвъ даже картуза, выбѣжалъ съ нею на дворъ, сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и поскакалъ въ Охотный Рядъ. Тамъ онъ скоро отыскалъ покупщика, которому уступилъ ее за полтинникъ, съ тѣмъ только, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ недѣлю продержалъ ее на привязи, и тотчасъ вернулся; но, не доѣзжая до дому, слѣзъ съ извозчика и, обойдя дворъ кругомъ, съ задняго переулка, черезъ заборъ перескочилъ на дворъ; въ калитку-то онъ побоялся идти, какъ бы не встрѣтить Герасима.

Впрочемъ, его безпокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворѣ. Выйдя изъ дому, онъ тотчасъ хватился Муму; онъ еще не помнилъ, чтобъ она когда-нибудь не дождалась его возвращенія, сталъ повсюду бѣгать, искать

ее, кликать по-своему . . . бросился въ свою каморку, на сѣновалъ, выскочилъ на улицу, — туда-сюда . . . Пропала! Онъ обратился къ людямъ, съ самыми отчаянными знаками спрашивалъ о ней, показывая на полъ-аршина отъ земли, рисовалъ ее руками . . . Иные точно не знали, куда дѣвалась Муму, и только головами качали, другіе знали и посмѣивались ему въ отвѣтъ, а дворецкій принялъ чрезвычайно важный видъ и началъ кричать на кучеровъ. Тогда Герасимъ побѣжалъ со двора долой.

Уже смеркалось, какъ онъ вернулся. По его истомленному виду, по невѣрной походкѣ, по запыленной одеждѣ его, можно было предполагать, что онъ успѣлъ обѣжать полъ-Москвы. Онъ остановился противъ барскихъ оконъ, окинулъ взоромъ крыльцо, на которомъ столпилось человѣкъ семь дворовыхъ, отвернулся и промычалъ еще разъ: «Муму!» — Муму не отозвалась. Онъ пошелъ прочь. Всѣ посмотрѣли ему вслѣдъ, но никто не улыбнулся, не сказалъ слова . . . а любопытный форейторъ Антипка разсказывалъ на другое утро въ кухнѣ, что нѣмой-де всю ночь охалъ.

Весь слѣдующій день Герасимъ не показывался, такъ что вмѣсто него за водой долженъ былъ съѣздить кучеръ Потапъ, чѣмъ кучеръ Потапъ очень остался недоволенъ. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ея приказаніе. Гаврила отвѣчалъ, что исполнено. На другое утро Герасимъ вышелъ изъ своей каморки на работу. Къ обѣду онъ пришелъ, поѣлъ и ушелъ опять, никому не поклонившись. Его лицо, и безъ того безжизненное, какъ у всѣхъ глухонѣмыхъ, теперь словно окаменѣло. Послѣ обѣда онъ опять уходилъ со двора, но не надолго, вернулся и тотчасъ отправился на сѣновалъ. Настала ночь, лунная,

ясная. Тяжело вздыхая и безпрестанно поворачиваясь, лежалъ Герасимъ, и вдругъ почувствовалъ, какъ будто его дергаютъ за полу; онъ весь затрепеталъ, однако не поднялъ головы, даже зажмурился; но вотъ опять его дернули, сильнѣе прежняго; онъ вскочилъ . . . передъ нимъ, съ обрывкомъ на шеѣ, вертѣлась Муму. Протяжный крикъ радости вырвался изъ его безмолвной груди; онъ схватилъ Муму, стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ; она въ одно мгновенье облизала ему носъ, глаза, усы и бороду . . . Онъ постоялъ, подумалъ, осторожно слѣзъ съ сѣнника, оглянулся и удостовѣрившись, что никто его не увидитъ, благополучно пробрался въ свою каморку. Герасимъ уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее, должно-быть, свели по приказанію барыни; люди-то ему объяснили знаками, какъ его Муму на нее окрысилась — и онъ рѣшился принять свои мѣры. Сперва онъ накормилъ Муму хлѣбушкомъ, обласкалъ ее, уложилъ, потомъ началъ соображать, да всю ночь напролетъ и соображалъ, какъ бы получше ее спрятать. Наконецъ, онъ придумалъ весь день оставлять ее въ каморкѣ и только изрѣдка къ ней навѣдываться, а ночью выводить. Отверстіе въ двери онъ плотно заткнулъ старымъ своимъ армякомъ и чуть-свѣтъ былъ уже на дворѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лицѣ. Бѣдному глухому въ голову не могло придти, что Муму себя визгомъ своимъ выдастъ: дѣйствительно, всѣ въ домѣ скоро узнали, что собака нѣмого воротилась и сидитъ у него взаперти, но, изъ сожалѣнія къ нему и къ ней, а отчасти, можетъ-быть, и изъ страха передъ нимъ, не давали ему понять, что провѣдали его тайну. Дворецкій одинъ почесалъ у себя въ затылкѣ, да

махнулъ рукой. «Ну, молъ, Богъ съ нимъ! Авось до барыни не дойдетъ!» Зато никогда нѣмой такъ не усердствовалъ, какъ въ тотъ день: вычистилъ и выскребъ весь дворъ, выпололъ всѣ травки до единой, собственноручно повыдергалъ всѣ колышки въ заборѣ палисадника, чтобы удостовѣриться довольно ли они крѣпки, и самъ же ихъ потомъ вколотилъ, — словомъ, возился и хлопоталъ такъ, что даже барыня обратила вниманіе на его радѣніе. Въ теченіе дня Герасимъ раза два украдкой ходилъ къ своей затворницѣ; когда же наступила ночь, онъ легъ спать вмѣстѣ съ ней, въ каморкѣ, а не на сѣновалѣ, и только во второмъ часу вышелъ погулять съ ней на чистомъ воздухѣ. Походивъ съ ней довольно долго по двору, онъ уже-было собирался вернуться, какъ вдругъ за заборомъ, со стороны переулка, раздался шорохъ. Муму навострила уши, зарычала, подошла къ забору, понюхала и залилась громкимъ и пронзительнымъ лаемъ. Какой-то пьяный человѣкъ вздумалъ тамъ угнѣздиться на ночь. Въ это самое время барыня только-что засыпала послѣ продолжительнаго «нервическаго волненія»: эти волненія у ней всегда случались послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Внезапный лай ее разбудилъ: сердце у ней забилось и замерло. «Дѣвки, дѣвки! простонала она. — Дѣвки!» Перепуганныя дѣвки вскочили къ ней въ спальню. «Охъ, охъ, умираю!» проговорила она, тоскливо разводя руками. — «Опять, опять эта собака! . . Охъ, пошлите за докторомъ. Они меня убить хотятъ . . . Собака, опять собака! Охъ!» И она закинула голову назадъ, что должно было обозначать обморокъ. Бросились за докторомъ, т.-е. за домашнимъ лекаремъ Харитономъ. Этотъ лекарь, котораго все искусство состояло въ томъ, что онъ носилъ сапоги съ мягкими подошвами, умѣлъ

деликатно браться за пульсъ, спалъ четырнадцать часовъ въ сутки, а остальное время все вздыхалъ, да безпрестанно потчивалъ барыню лавро-вишневыми каплями, — этотъ лекарь тотчасъ прибѣжалъ, покурилъ жжеными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднесъ ей на серебряномъ подносикѣ рюмку съ завѣтными каплями. Барыня приняла ихъ, но тотчасъ же слезливымъ голосомъ стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что ее, бѣдную, старую женщину, всѣ бросили, что никто о ней не сожалѣетъ, что всѣ хотятъ ея смерти. Между тѣмъ, несчастная Муму продолжала лаять, а Герасимъ напрасно старался отозвать ее отъ забора. «Вотъ . . . вотъ . . . опять . . .» пролепетала барыня и снова подкатила глаза подъ лобъ. Лекарь шепнулъ дѣвкѣ, та бросилась въ переднюю, растолкала Степана, тотъ побѣжалъ будить Гаврилу, Гаврила, сгоряча, велѣлъ поднять весь домъ.

Герасимъ обернулся, увидалъ замелькавшіе огни и тѣни въ окнахъ и, почуявъ сердцемъ бѣду, схватилъ Муму подъ мышку, вбѣжалъ въ каморку и заперся. Черезъ нѣсколько мгновеній пять человѣкъ ломились въ его дверь, но, почувствовавъ сопротивленіе засова, остановились. Гаврила прибѣжалъ въ страшныхъ попыхахъ, приказалъ имъ всѣмъ оставаться тутъ до утра и караулить, а самъ потомъ ринулся въ дѣвичью и черезъ старшую компаньонку, Любовь Любимовну, съ которой вмѣстѣ кралъ и учитывалъ чай, сахаръ и прочую бакалею, велѣлъ доложить барынѣ, что, собака, къ несчастью, опять откуда-то прибѣжала, но что завтра же ея въ живыхъ не будетъ и чтобы барыня сдѣлала милость, не гнѣвалась и успокоилась. Барыня, вѣроятно, не такъ-то бы скоро успокоилась, да лекарь,

второпяхъ, вмѣсто двѣнадцати капель, налилъ цѣлыхъ сорокъ: сила лавро-вишенья и подѣйствовала — черезъ четверть часа барыня уже почивала крѣпко и мирно; а Герасимъ лежалъ, весь блѣдный, на своей кровати и сильно сжималъ пасть Муму.

На слѣдующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидалъ ея пробужденія, для того, чтобы дать приказъ къ рѣшительному натиску на Герасимово убѣжище, а самъ готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа въ постели, барыня велѣла позвать къ себѣ старшую приживалку.

— Любовь Любимовна, — начала она тихимъ и слабымъ голосомъ; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдалицей; нечего и говорить, что всѣмъ людямъ въ домѣ становилось тогда очень неловко: — Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положеніе, подите, душа моя, къ Гаврилѣ Андреичу, поговорите съ нимъ: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствія, самой жизни его барыни! Я бы не желала этому вѣрить, — прибавила она, съ выраженіемъ глубокаго чувства: — подите, душа моя, будьте такъ добры, подите къ Гаврилѣ Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась въ Гаврилину комнату. Неизвѣстно о чемъ происходилъ у нихъ разговоръ; но спустя нѣкоторое время цѣлая толпа людей подвигалась черезъ дворъ въ направленіи каморки Герасима: впереди выступалъ Гаврила, придерживая рукою картузъ, хотя вѣтру не было; около него шли лакеи и повара; изъ окна глядѣлъ дядя Хвостъ и распоряжался, т.-е. только такъ руками разводилъ; позади всѣхъ прыгали и кривлялись мальчишки, изъ которыхъ

половина набѣжала чужихъ. На узкой лѣстницѣ, ведущей къ каморкѣ, сидѣлъ одинъ караульщикъ; у двери стояло два другихъ, съ палками. Стали взбираться по лѣстницѣ, заняли ее во всю длину. Гаврила подошелъ къ двери, стукнулъ въ нее кулакомъ, крикнулъ:

— Отвори!

Послышался сдавленный лай; но отвѣта не было.

— Говорятъ, отвори! — повторилъ онъ.

— Да, Гаврила Андреичъ, — замѣтилъ снизу Степанъ: — вѣдь онъ глухой — не слышитъ.

Всѣ засмѣялись.

— Какъ же быть? — возразилъ сверху Гаврила.

— А у него тамъ дыра въ двери, — отвѣчалъ Степанъ: — такъ вы палкой-то пошевелите.

Гаврила нагнулся.

— Онъ ее армякомъ какимъ-то заткнулъ, дыру-то.

— А вы армякъ пропихните внутрь.

Тутъ опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается, — замѣтили въ толпѣ и опять засмѣялись.

Гаврила почесалъ у себя за ухомъ.

— Нѣтъ, братъ, — продолжалъ онъ, наконецъ: — армякъ-то ты пропихивай самъ, коли хочешь.

— А что-жъ, извольте!

И Степанъ вскарабкался наверхъ, взялъ палку, просунулъ внутрь армякъ и началъ болтать въ отверстіи палкой, приговаривая: «выходи, выходи!» Онъ еще болталъ палкой, какъ вдругъ дверь каморки быстро распахнулась — вся челядь тотчасъ кубаремъ скатилась съ лѣстницы, Гаврила прежде всѣхъ. Дядя Хвостъ заперъ окно.

— Ну, ну, ну, ну, — кричалъ Гаврила со двора: — смотри у меня, смотри!

Герасимъ неподвижно стоялъ на порогѣ. Толпа собралась у подножія лѣстницы. Герасимъ глядѣлъ на всѣхъ этихъ людишекъ въ нѣмецкихъ кафтанахъ съ верху, слегка уперши руки въ бока; въ своей красной, крестьянской рубашкѣ, онъ казался какимъ-то великаномъ передъ ними. Гаврила сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Смотри, братъ, — промолвилъ онъ: — у меня не озорничай.

И онъ началъ ему объяснять знаками, что барыня, молъ, непремѣнно требуетъ твоей собаки: подавай, молъ, ее сейчасъ, а то бѣда тебѣ будетъ.

Герасимъ посмотрѣлъ на него, указалъ на собаку, сдѣлалъ знакъ рукою у своей шеи, какъ бы затягивая петлю, и съ вопросительнымъ лицомъ взглянулъ на дворецкаго.

— Да, да, — возразилъ тотъ, кивая головой: — да, непремѣнно.

Герасимъ опустилъ глаза, потомъ вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, которая все время стояла возлѣ него, невинно помахивая хвостомъ и съ любопытствомъ поводя ушами, повторилъ знакъ удушенія надъ своей шеей и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ самъ беретъ на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь, — замахалъ ему въ отвѣтъ Гаврила.

Герасимъ поглядѣлъ на него, презрительно усмѣхнулся, опять ударилъ себя въ грудь и захлопнулъ дверь.

Всѣ молча переглянулись.

— Что-жъ это такое значитъ? — началъ Гаврила. — Онъ заперся?

— Оставьте его, Гаврила Андреичъ, — промолвилъ Степанъ: — онъ сдѣлаетъ, коли обѣщаетъ, это навѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ. Что правда, то правда. Да.

— Да, — повторили всѣ и тряхнули головами. — Это такъ. Да.

Дядя Хвостъ отворилъ окно и тоже сказалъ: «да».

— Ну, пожалуй, посмотримъ, — возразилъ Гаврила: — а караулъ, все-таки, не снимать. Эй ты, Ерошка! — прибавилъ онъ, обращаясь къ какому-то бѣдному человѣку, въ желтомъ нанковомъ казакинѣ, который считался садовникомъ: — что тебѣ дѣлать? возьми палку, да сиди тутъ, и чуть что, тотчасъ ко мнѣ бѣги!

Ерошка взялъ палку и сѣлъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы. Толпа разошлась,ислючая немногихъ любопытныхъ и мальчишекъ, а Гаврила вернулся домой и черезъ Любовь Любимовну велѣлъ доложить барынѣ, что все исполнено, а самъ, на всякій случай, послалъ форейтора къ хожалому. Барыня завязала въ носовомъ платкѣ узелокъ, налила на него одеколону, понюхала, потерла себѣ виски, накушалась чаю и, будучи еще подъ вліяніемъ лавро-вишневыхъ капель, заснула опять.

Спустя часъ послѣ всей этой тревоги, дверь каморки растворилась и показался Герасимъ. На немъ былъ праздничный кафтанъ; онъ велъ Муму на веревочкѣ. Ерошка посторонился и далъ ему пройти. Герасимъ направился къ воротамъ. Всѣ бывшіе на дворѣ мальчишки проводили его глазами, молча. Онъ даже не обернулся; шапку надѣлъ только на улицѣ. Гаврила послалъ вслѣдъ за нимъ того же Ерошку, въ качествѣ наблюдателя. Ерошка, увидавъ издали, что онъ вошелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ собакой, сталъ дожидаться его выхода.

Въ трактирѣ знали Герасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себѣ щей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими

умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась: видно было, что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Онъ накрошилъ туда хлѣба, мелко изрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной своей вѣжливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья; Герасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжелыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая — во щи. Онъ заслонилъ лицо своей рукой. Муму съѣла полтарелки и отошла, облизываясь. Герасимъ всталъ, заплатилъ за щи и вышелъ вонъ, сопровождаемый нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ полового. Ерошка, увидавъ Герасима, вскочилъ за уголъ и, пропустивъ его мимо,опять отправился вслѣдъ за нимъ.

Герасимъ шелъ не торопясь и не спускалъ Муму съ веревочки. Дойдя до угла улицы, онъ остановился, какъ бы въ раздумьѣ, и вдругъ быстрыми шагами отправился прямо къ Крымскому-Броду. На дорогѣ онъ зашелъ на дворъ дома, къ которому пристраивался флигель, и вынесъ оттуда два кирпича подъ мышкой. Отъ Крымскаго-Брода онъ повернулъ по берегу, дошелъ до одного мѣста, гдѣ стояли двѣ лодочки съ веслами, привязанными къ колышкамъ (онъ уже замѣтилъ ихъ прежде), и вскочилъ въ одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ Муму. Хромой старичишко вышелъ изъ-за шалаша, поставленнаго въ углу огорода, и закричалъ на него. Но Герасимъ только закивалъ головой и такъ сильно принялся грести, хотя и противъ теченья рѣки, что въ одно мгновенье умчался саженей на сто. Старикъ постоялъ, постоялъ, почесалъ себѣ спину сперва лѣвой, потомъ правой рукой и вернулся, хромая, въ шалашъ.

А Герасимъ все гребъ да гребъ. Вотъ уже Москва осталась назади. Вотъ уже потянулись

по берегамъ луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повѣяло деревней. Онъ бросилъ весла, приникъ головой къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладинкѣ — дно было залито водой — и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у нея на спинѣ, между тѣмъ какъ лодку волной помаленьку относило назадъ къ городу. Наконецъ, Герасимъ выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятые имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее . . . Она довѣрчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки . . . Герасимъ ничего не слыхалъ, ни быстраго визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ, и когда онъ снова раскрылъ глаза, попрежнему спѣшили по рѣкѣ, какъ бы гоняясь другъ за дружкой, маленькія волны, попрежнему поплескивали онѣ о бока лодки, и только далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги.

Ерошка, какъ только Герасимъ скрылся у него изъ виду, вернулся домой и донесъ, что̀ видѣлъ.

— Ну, да, — замѣтилъ Степанъ: — онъ ее утопитъ. Ужъ можно быть спокойнымъ. Коли онъ что обѣщалъ . . .

Въ теченіе дня никто не видалъ Герасима. Онъ дома не обѣдалъ. Настaлъ вечеръ; собрались къ ужину всѣ, кромѣ его.

— Экой чудной этотъ Герасимъ! — пропищала толстая прачка: — можно ли этакъ изъ-за собаки проклажаться! . . Право!

— Да Герасимъ былъ здѣсь, — воскликнулъ вдругъ Степанъ, загребая себѣ ложкой каши.

— Какъ? когда?

— Да вотъ, часа два тому назадъ. Какъ же! Я съ нимъ въ воротахъ повстрѣчался; онъ ужъ опять отсюда шелъ, со двора выходилъ. Я-было хотѣлъ спросить его насчетъ собаки-то, да онъ, видно, не въ духѣ былъ. Ну, и толкнулъ меня; должно-быть, онъ такъ только, отсторонить меня хотѣлъ: дескать, не приставай, — да такого необыкновеннаго леща мнѣ въ становую жилу поднесъ, важно такъ, что ой-ой-ой! — И Степанъ съ невольной усмѣшкой пожался и потеръ себѣ затылокъ. — Да, — прибавилъ онъ: — рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Всѣ посмѣялись надъ Степаномъ и, послѣ ужина, разошлись спать.

А между тѣмъ, въ ту самую пору, по Т . . . у шоссе, усердно и безостановочно шагалъ какой-то великанъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ длинной палкой въ рукахъ. Это былъ Герасимъ. Онъ спѣшилъ безъ оглядки, спѣшилъ домой, къ себѣ въ деревню, на родину. Утопивъ бѣдную Муму, онъ прибѣжалъ въ свою каморку, проворно уложилъ кой-какіе пожитки въ старую попону, связалъ ее узломъ, взвалилъ на плечо, да и былъ таковъ. Дорогу онъ хорошо замѣтилъ еще тогда, когда его везли въ Москву; деревня, изъ которой барыня его взяла, лежала всего въ двадцати-пяти верстахъ отъ шоссе. Онъ шелъ по немъ съ какой-то несокрушимой отвагой, съ отчаянной и вмѣстѣ радостной рѣшимостью. Онъ шелъ; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились впередъ. Онъ торопился, какъ будто мать-старушка ждала его на родинѣ, какъ будто она звала его къ себѣ послѣ долгаго странствованія на чужой сторонѣ, въ чужихъ

людяхъ . . . Только-что наступившая лѣтняя ночь была тиха и тепла; съ одной стороны, тамъ, гдѣ солнце закатилось, край неба еще бѣлѣлъ и слабо румянился послѣднимъ отблескомъ исчезавшаго дня, — съ другой стороны уже вздымался синій, сѣдой сумракъ. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремѣли кругомъ, взапуски перекликивались коростели . . . Герасимъ не могъ ихъ слышать, не могъ онъ слышать также чуткаго ночного шушуканья деревьевъ, мимо которыхъ его проносили сильныя его ноги, но онъ чувствовалъ знакомый запахъ поспѣвающей ржи, которымъ такъ и вѣяло съ темныхъ полей, чувствовалъ, какъ вѣтеръ, летѣвшій къ нему навстрѣчу — вѣтеръ съ родины — ласково ударялъ въ его лицо, игралъ въ его волосахъ и бородѣ; видѣлъ передъ собой бѣлѣющую дорогу домой, прямую какъ стрѣла; видѣлъ въ небѣ несчетныя звѣзды, свѣтившія его путь, и какъ левъ, выступалъ сильно и бодро, такъ что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только-что расходившагося молодца, между Москвой и имъ легло уже тридцать-пять верстъ . . .

Черезъ два дня онъ уже былъ дома, въ своей избенкѣ, къ великому изумленію солдатки, которую туда поселили. Помолясь передъ образами тотчасъ же отправился онъ къ старостѣ. Староста сначала-было удивился; но сѣнокосъ только-что начинался: Герасиму, какъ отличному работнику, тутъ же дали косу въ руки, — и пошелъ косить онъ по-старинному, косить такъ, что мужиковъ только пробирало, глядя на его размахи да загребы . . .

А въ Москвѣ, на другой день послѣ побѣга Герасима, хватились его. Пошли въ его каморку, обшарили ее, сказали Гаврилѣ. Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ, пожалъ плечами и рѣшилъ, что

нѣмой либо бѣжалъ, либо утопъ вмѣстѣ съ своей глупой собакой. Дали знать полиціи, доложили барынѣ. Барыня разгнѣвалась, расплакалась, велѣла отыскать его, во что̀ бы то ни стало, увѣряла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку, и, наконецъ, такой дала нагоняй Гаврилѣ, что тотъ цѣлый день только потряхивалъ головой да приговаривалъ: «Ну!» пока дядя Хвостъ его не урезонилъ, сказавъ ему: «Ну-у!» Наконецъ, пришло извѣстіе изъ деревни о прибытіи туда Герасима. Барыня нѣсколько успокоилась; сперва-было отдала приказаніе немедленно вытребовать его назадъ, въ Москву, потомъ, однако, объявила, что такой неблагодарный человѣкъ ей вовсе не нуженъ. Впрочемъ, она скоро сама послѣ того умерла; а наслѣдникамъ ея было не до Герасима: они и остальныхъ-то матушкиныхъ людей распустили по оброку.

И живетъ до сихъ поръ Герасимъ бобылемъ въ своей одинокой избѣ; здоровъ и могучъ попрежнему, и работаетъ за четырехъ попрежнему, и попрежнему важенъ и степененъ. Но сосѣди замѣтили, что, со времени своего возвращенія изъ Москвы, онъ совсѣмъ пересталъ водиться съ женщинами, даже не глядитъ на нихъ, и ни одной собаки у себя не держитъ. «Впрочемъ — толкуютъ мужики — его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака — на что̀ ему собака? къ нему на дворъ вора ѐселомъ не затащишь». Такова ходитъ молва о богатырской силѣ нѣмого.

1852 г.

Пѣвцы

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стрыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, съ верху до низу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки — черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ, — раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Невеселый видъ, нечего сказать, — а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка, стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу, и въ зимніе вечера, освѣщенное изнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводной звѣз-

дою. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка-кабакъ, прозванный «Притыннымъ»*. Въ этомъ кабакѣ вино продается, вѣроятно, не дешевле положенной цѣны, но посѣщается онъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ всѣ окрестныя заведенія такого же рода. Причиной этому цѣловальникъ Николай Иванычъ.

Николай Иванычъ — нѣкогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно-толстый, уже посѣдѣвшій мужчина съ заплывшимъ лицомъ, хитро-добродушными глазками и жирнымъ лбомъ, перетянутымъ морщинами, словно нитками, — уже болѣе двадцати лѣтъ проживаетъ въ Колотовкѣ. Николай Иванычъ человѣкъ расторопный и смѣтливый, какъ бо̀льшая часть цѣловальниковъ. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, онъ обладаетъ даромъ привлекать и удерживать у себя гостей, которымъ какъ-то весело сидѣть передъ его стойкой, подъ спокойнымъ и привѣтливымъ, хотя зоркимъ взглядомъ флегматическаго хозяина. У него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій; въ трудныхъ случаяхъ онъ могъ бы подать неглупый совѣтъ, но, какъ человѣкъ осторожный и эгоистъ, предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ, и развѣ только отдаленными, словно безъ всякаго намѣренія произнесенными намеками наводитъ своихъ посѣтителей — и то любимыхъ имъ посѣтителей — на путь истины. Онъ знаетъ толкъ во всемъ, что важно или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ, въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и пляскахъ.

* Притыннымъ называется всякое мѣсто, куда охотно сходятся; всякое пріятное мѣсто.

Когда у него нѣтъ посѣщенія, онъ обыкновенно сидитъ, какъ мѣшокъ, на землѣ передъ дверью своей избы, подвернувъ подъ себя свои тонкія ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всѣми прохожими. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, пережилъ не одинъ десятокъ мелкихъ дворянъ, заѣзжавшихъ къ нему за «очищеннымъ», знаетъ все, что дѣлается на сто верстъ кругомъ, и никогда не пробалтывается, не показываетъ даже виду, что ему и то извѣстно, чего не подозрѣваетъ самый проницательный становой. Знай-себѣ помалчиваетъ, да посмѣивается, да стаканчиками пошевеливаетъ. Его сосѣди уважаютъ: штатскій генералъ Щерепетенко, первый по чину владѣлецъ въ уѣздѣ, всякій разъ снисходительно ему кланяется, когда проѣзжаетъ мимо его домика. Николай Иванычъ человѣкъ со вліяніемъ: онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, образумилъ мужиковъ сосѣдней деревни, не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго, и т. д. Впрочемъ, не должно думать, чтобы онъ это дѣлалъ изъ любви къ справедливости, изъ усердія къ ближнимъ — нѣтъ! онъ просто старается предупредить все то, что можетъ какъ-нибудь нарушить его спокойствіе. Николай Иванычъ женатъ, и дѣти у него есть. Жена его бойкая, востроносая и быстроглазая мѣщанка, въ послѣднее время тоже нѣсколько отяжелѣла тѣломъ, подобно своему мужу. Онъ во всемъ на нее полагается, и деньги у ней подъ ключомъ. Пьяницы-крикуны ея боятся; она ихъ не любитъ: выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорѣе по сердцу. Дѣти Николая Иваныча еще малы; первыя всѣ перемерли, но оставшіяся пошли въ родителей: весело глядѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ ребятъ.

Былъ невыносимо-жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго-Кабачка. Солнце разгоралось на небѣ, какъ бы свирѣпѣя; парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходящихъ, словно прося ихъ участья; одни воробьи не горевали и, распуша перушки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучами носились надъ зелеными коноплянниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣньемъ ключей и колодцевъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда . . . Но кто же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Признаться сказать, ни въ какое время года Колотовка не представляетъ отраднаго зрѣлища; но особенно грустное чувство возбуждаетъ она, когда іюльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляетъ и бурыя, полуразметанныя крыши домовъ, и этотъ глубокій оврагъ, и выжженный, запыленный выгонъ, по которому безнадежно скитаются худыя, длинногія курицы, и сѣрый осиновый срубъ съ дырами вмѣсто оконъ остатокъ прежняго барскаго дома, кругомъ заросшій крапивой, бурьяномъ и полынью, и покрытый гусинымъ пухомъ, черный, словно раскаленный прудъ, съ каймой изъ полувысохшей грязи и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепеловидной землѣ, овцы, едва дыша и чихая

отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы какъ можно ниже, какъ будто выжидая, когда-жъ пройдетъ, наконецъ, этотъ невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безсмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались, — какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя, очевидно, размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ того желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди же! — залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово. Это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь . . . Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы направо показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а носъ, острый и

длинный, нахально выдвигался впередъ, какъ руль. — Иду, любезный, — продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенія: — зачѣмъ ты меня зовешь? . . Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? — сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели. — Экой ты, Моргачъ, чудной, братецъ: тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь: зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій-Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть . . . понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? — съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало-быть, будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья-коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ!

— Ну, пойдемъ, простота, — возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцѣлуй же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя, — залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь, Езопъ изнѣженный, — презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Ужъ не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ о лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно, не многіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки;

но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на-двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ-три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки бо̀льшей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ ко̀торыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный-Кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукою два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую; а за нимъ, въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-

русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы — все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненьи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жёсткими какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ, можно было бы назвать почти свирѣпымъ, если-бъ оно не было такъ спокойно-задумчиво. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ-подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ-Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры: это былъ невысокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородкой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо

отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ узкой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты: всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечъ, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ — я это могъ замѣтить — сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужика въ изорванной свитѣ.

— Ну, что-жъ! — возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, повидимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать, такъ начинать. А? Яша? . .

— Начинать, начинать, — одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, — хладнокровно и съ самоувѣренной улыбкой промолвилъ рядчикъ: — я готовъ.

— И я готовъ, — съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки, — всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай! — угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій-Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? — спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго-Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно посерединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, — залепеталъ Обалдуй: — тебѣ, братецъ.

Дикій-Баринъ посмотрѣлъ на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, — съ разстановкой произнесъ Дикій-Баринъ: — да осьмуху на стойку,

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій-Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: «ну!»

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбирать, — проговорилъ Дикій-Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій-Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ

изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ: всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь я же говорилъ, что тебѣ, — воскликнулъ Обалдуй: — я вѣдь говорилъ!

— Ну, ну, не «цыркай»!* — презрительно замѣтилъ Дикій-Баринъ. — Начинай, — продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую же мнѣ пѣсню пѣть? — спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, — отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, — прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. — Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой, какую хочешь; да только пой хорошо; а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, — подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — рѣшилъ Дикій-Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами . . .

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самаго состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ была уже мнѣ извѣстна, когда я встрѣтился съ ними въ Притынномъ-Кабачкѣ; о другихъ я собралъ свѣдѣнія впослѣдствіи.

* Цыркаютъ ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

Начнемъ съ Обалдуя. Настоящее имя этого человѣка было Евграфъ Ивановъ; но никто во всемъ околоткѣ не зналъ его иначе, какъ Обалдуемъ, и онъ самъ величалъ себя тѣмъ же прозвищемъ: такъ хорошо оно къ нему пристало. И дѣйствительно, оно какъ нельзя лучше шло къ его незначительнымъ, вѣчно встревоженнымъ чертамъ. Это былъ загулявшій, холостой дворовый человѣкъ, отъ котораго собственные господа давнымъ-давно отступились, и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ, однако, средство каждый день покутить на чужой счетъ. У него было множество знакомыхъ, которые поили его виномъ и чаемъ, сами не зная зачѣмъ, потому что онъ не только не былъ въ обществѣ забавенъ, но даже, напротивъ, надоѣдалъ всѣмъ своей безсмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными тѣлодвиженіями и безпрестаннымъ, неестественнымъ хохотомъ. Онъ не умѣлъ ни пѣть, ни плясать; отроду не сказалъ не только умнаго, даже путнаго слова: все «лотошилъ», да вралъ, что ни попало — прямой Обалдуй! И между тѣмъ, ни одной попойки на сорокъ верстъ кругомъ не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же, между гостями, — такъ ужъ къ нему привыкли и переносили его присутствіе, какъ неизбѣжное зло. Правда, обходились съ нимъ презрительно, но укрощать его нелѣпые порывы умѣлъ одинъ Дикій-Баринъ.

Моргачъ нисколько не походилъ на Обалдуя. Къ нему тоже шло названье Моргача, хотя онъ глазами не моргалъ болѣе другихъ людей; извѣстное дѣло: русскій народъ на прозвища мастеръ. Несмотря на мое старанье вывѣдать пообстоятельнѣе прошедшее этого человѣка, въ

жизни его остались для меня — и, вѣроятно, для многихъ другихъ — темныя пятна, мѣста, какъ выражаются книжники, покрытыя глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Я узналъ только, что онъ нѣкогда былъ кучеромъ у старой бездѣтной барыни, бѣжалъ со ввѣренной ему тройкой лошадей, пропадалъ цѣлый годъ и, должно-быть, убѣдившись на дѣлѣ въ невыгодахъ и бѣдствіяхъ бродячей жизни, вернулся самъ, но уже хромой, бросился въ ноги своей госпожѣ и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, примѣрнымъ поведеньемъ загладивъ свое преступленье, понемногу вошелъ къ ней въ милость, заслужилъ, наконецъ, ея полную довѣренность, попалъ въ приказчики, а по смерти барыни, неизвѣстно какимъ образомъ, оказался отпущеннымъ на волю, приписался въ мѣщане, началъ снимать у сосѣдей бакши, разбогатѣлъ и живетъ теперь припѣваючи. Это человѣкъ опытный, себѣ на умѣ, не злой и не добрый, а болѣе расчетливый; это тертый калачъ, который знаетъ людей и умѣетъ ими пользоваться. Онъ остороженъ и въ то же время предпріимчивъ, какъ лисица; болтливъ, какъ старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякаго другого заставитъ высказаться; впрочемъ, не прикидывается простачкомъ, какъ это дѣлаютъ иные хитрецы того же десятка; да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывалъ болѣе проницательныхъ и умныхъ глазъ, какъ его крошечныя, лукавыя «глядѣлки»*. Они никогда не смотрятъ просто — все высматриваютъ, да подсматриваютъ. Моргачъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ обдумываетъ какое-нибудь, повидимому, простое предпріятіе, а то вдругъ рѣшится на отчаянно-

* Орловцы называютъ глаза глядѣлками, такъ же какъ ротъ ѣдаломъ.

смѣлое дѣло, кажется, тутъ ему и голову сломить . . . смотришь — все удалось, все какъ по маслу пошло. Онъ счастливъ, и вѣритъ въ свое счастье, вѣритъ примѣтамъ. Онъ вообще очень суевѣренъ. Его не любятъ, потому что ему самому ни до кого дѣла нѣтъ, но уважаютъ. Все его семейство состоитъ изъ одного сынишки, въ которомъ онъ души не чаетъ, и который, воспитанный такимъ отцомъ, вѣроятно, пойдетъ далеко. «А Моргачонокъ въ отца вышелъ», уже и теперь говорятъ о немъ вполголоса старики, сидя на завалинкахъ и толкуя межъ собой въ лѣтніе вечера: и всѣ понимаютъ, что это значитъ, и уже не прибавляютъ ни слова.

Объ Яковѣ-Туркѣ и рядчикѣ нечего долго распространяться. Яковъ, прозванный Туркомъ, потому что дѣйствительно происходилъ отъ плѣнной турчанки, былъ по душѣ художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію — черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца; что же касается до рядчика, судьба котораго, признаюсь, мнѣ осталась неизвѣстной, то онъ показался мнѣ изворотливымъ и бойкимъ городскимъ мѣщаниномъ. Но о Дикомъ-Баринѣ стóитъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Первое впечатлѣніе, которое производилъ на васъ видъ этого человѣка, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, «сбитнемъ», какъ говорятъ у насъ, но отъ него такъ и несло несокрушимымъ здоровьемъ, и — странное дѣло — его медвѣжеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ-быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ. Трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ этотъ Геркулесъ; онъ не походилъ

ни на дворового, ни на мѣщанина, ни на обѣднѣвшаго подьячаго въ отставкѣ, ни на мелкопомѣстнаго разорившагося дворянина — псаря и драчуна: онъ былъ, ужъ точно, самъ по себѣ. Никто не зналъ, откуда онъ свалился къ намъ въ уѣздъ; поговаривали, что происходилъ онъ отъ однодворцевъ и состоялъ будто гдѣ-то прежде на службѣ, но ничего положительнаго объ этомъ не знали; да и отъ кого было и узнавать, — не отъ него же самого: не было человѣка болѣе молчаливаго и угрюмаго. Такъ же никто не могъ положительно сказать, чѣмъ онъ живетъ; онъ никакимъ ремесломъ не занимался, ни къ кому не ѣздилъ, не знался почти ни съ кѣмъ, а деньги у него водились; правда, небольшія, но водились. Велъ онъ себя не то, что скромно, — въ немъ вообще не было ничего скромнаго, — но тихо; онъ жилъ, словно никого вокругъ себя не замѣчалъ и рѣшительно ни въ комъ не нуждался. Дикій-Баринъ (такъ его прозвали; настоящее же его имя было Перевлѣсовъ) пользовался огромнымъ вліяніемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ не только не имѣлъ никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ ни малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ — ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина, не знался съ женщинами и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго; казалось, какія-то громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя, и все, до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если въ жизни этого человѣка не случилось уже подоб-

наго взрыва, если онъ, наученный опытомъ и едва спасшись отъ гибели, неумолимо не держалъ теперь самого себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Особенно поражала меня въ немъ смѣсь какой-то врожденной, природной свирѣпости и такого же врожденнаго благородства, — смѣсь, которой я не встрѣчалъ ни въ комъ другомъ.

И такъ, рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, ténor léger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

> Распашу я, молода-молоденька,
> Землицы маленько:
> Я посѣю, молода-молоденька,
> Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманьемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой орловской дорогѣ, славится во всей

Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему недоставало поддержки хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго-Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачомъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать! «Лихо . . . Забирай, шельмецъ! . . Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, пёсъ! . . . Погуби Иродъ твою душу!» и пр. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, — а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій-Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный, на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ по̀томъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ:

«молодецъ, молодецъ!» — даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: «А-га! хорошо, чортъ побери — хорошо!» и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ! — кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій: — потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко . . . Уже я тебѣ говорю: далеко . . . А ты мнѣ вѣрь! (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная . . . — съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ! . . Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что-жъ, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказалъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо; а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ, и по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, — ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ, кто кого; посмотримъ . . . А хорошо поетъ рядчикъ, ей-Богу, хорошо.

— Очинна хорошо, — замѣтила Николая Иваныча жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо-га! — повторилъ вполголоса мой сосѣдъ.

— А, заворотень-полѣха!* — завопилъ вдругъ Обалдуй и, подойдя къ мужичку съ дырой на плечѣ, уставилъ на него пальцемъ, запрыгалъ и залился дребезжащимъ хохотомъ. — Полѣха! полѣха! Га, бѣда паняй**, заворотень! Зачѣмъ пожаловалъ, заворотень? — кричалъ онъ сквозь смѣхъ.

Бѣдный мужикъ смутился и уже собрался-было встать, да уйти поскорѣй, какъ вдругъ раздался мѣдный голосъ Дикаго-Барина:

— Да, что-жъ это за несносное животное такое? — произнесъ онъ, скрипнувъ зубами.

— Я ничего, — забормоталъ Обалдуй: — я ничего . . . я такъ . . .

— Ну, хорошо, молчать же! — возразилъ Дикій-Баринъ. — Яковъ, начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того . . . что-то . . . Гм . . . Не знаю, право, что-то того . . .

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись! . . чего вертишься? . . Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій-Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго, глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ . . . Первый

---

* Полѣхами называются обитатели южнаго Полѣсья, длинной лѣсной полосы, начинающейся на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. Заворотнями же ихъ зовутъ за подозрительный и тугой нравъ.

** Полѣхи прибавляютъ почти къ каждому слову восклицанія: «га!» и «бѣда». — «Паняй» вмѣсто погоняй.

звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ — третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. «Не одна во полѣ дороженька пролегала» — пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью

зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня . . . я оглянулся — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго; Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго-Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился . . . Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленье, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его . . .

— Яша, — проговорилъ Дикій-Баринъ, положилъ ему руку на плечо, и — смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — «Ты . . . твоя . . . ты выигралъ», — произнесъ онъ, наконецъ, съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое, рѣшительное движенiе какъ будто нарушило очарованье: всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цѣловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикiй-Баринъ посмѣивался какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то-и-дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обоими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду: «а хорошо, ей-Богу, хорошо, ну, вотъ, будь я собачiй сынъ, хорошо!» а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своей побѣдой, какъ дитя; все его лицо преобразилось; особенно его глаза такъ и засiяли счастьемъ. Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося сѣраго мужичка, послалъ цѣловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго, однако, тотъ не сыскалъ, и начался пиръ. — «Ты еще намъ споешь, ты до вечера намъ пѣть будешь», твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще разъ взглянулъ на Якова и вышелъ. Я не хотѣлъ остаться — я боялся испортить свое впечатлѣнiе. Но зной былъ нестерпимъ попрежнему. Онъ какъ будто висѣлъ надъ самой землей густымъ, тяжелымъ слоемъ; на темно-синемъ небѣ, казалось, крутились какiе-то мелкiе, свѣтлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Все молчало; было что-то без-

надежное, придавленное въ этомъ глубокомъ молчаніи обезсиленной природы. Я добрался до сѣновала и легъ на только что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не могъ задремать; долго звучалъ у меня въ ушахъ неотразимый голосъ Якова . . . наконецъ, жара и усталость взяли, однакожъ, свое, и я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся, — все уже потемнѣло; вокругъ разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырѣла; сквозь тонкія жерди полураскрытой крыши слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Я вышелъ. Заря уже давно погасла и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ; но въ недавно раскаленномъ воздухѣ сквозь ночную свѣжесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холоднаго дуновенья. Вѣтра не было, не было и тучъ; небо стояло кругомъ все чистое и прозрачно-темное, тихо мерцая безчисленными, но чуть видными звѣздами. По деревнѣ мелькали огоньки; изъ недалекаго, ярко освѣщеннаго кабака несся нестройный, смутный гамъ, среди котораго, мнѣ казалось, я узнавалъ голосъ Якова. Ярый смѣхъ, по временамъ, поднимался оттуда взрывомъ. Я подошелъ къ окошку и приложился лицомъ къ стеклу. Я увидѣлъ невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная съ Якова. Съ обнаженной грудью сидѣлъ онъ на лавкѣ и, напѣвая осиплымъ голосомъ какую-то плясовую, уличную пѣсню, лѣниво перебиралъ и щипалъ струны гитары. Мокрые волосы клочьями висѣли надъ его страшно-поблѣднѣвшимъ лицомъ. По серединѣ кабака, Обалдуй, совершенно «развинченный» и безъ кафтана, выплясывалъ вперепрыжку передъ мужикомъ въ сѣроватомъ армякѣ; мужичокъ, въ свою очередь, съ трудомъ топоталъ и шаркалъ

ослабѣвшими ногами и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изрѣдка помахивалъ одной рукой, какъ бы желая сказать: «куда ни шло!» Ничего не могло быть смѣшнѣй его лица; какъ онъ ни вздергивалъ кверху свои брови, отяжелѣвшія вѣки не хотѣли подняться, а такъ и лежали на едва замѣтныхъ, посоловѣлыхъ, но сладчайшихъ глазкахъ. Онъ находился въ томъ миломъ состояніи окончательно подгулявшаго человѣка, когда всякій прохожій, взглянувъ ему въ лицо, непремѣнно скажетъ: «хорошъ, братъ, хорошъ!» Моргачъ, весь красный, какъ ракъ, и широко раздувъ ноздри, язвительно посмѣивался изъ угла; одинъ Николай Иванычъ, какъ и слѣдуетъ истинному цѣловальнику, сохранялъ свое неизмѣнное хладнокровіе. Въ комнату набралось много новыхъ лицъ; но Дикаго-Барина я въ ней не видалъ.

Я отвернулся, и быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка. У подошвы этого холма разстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечерняго тумана, она казалась еще необъятнѣй и какъ будто сливалась съ потемнѣвшимъ небомъ. Я сходилъ большими шагами по дорогѣ вдоль оврага, какъ вдругъ гдѣ-то далеко въ равнинѣ раздался звонкій голосъ мальчика. — «Антропка! Антропка-а-а! . .» — кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣдній слогъ.

Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновеній и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чутко-дремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ имя Антропки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца поляны, словно съ другого свѣта принесся едва слышный отвѣтъ:

— Чего-о-о-о-о?

Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

— Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій!

— Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ? — отвѣтилъ тотъ, спустя долгое время.

— А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-и-тъ, — поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

Второй голосъ болѣе не откликнулся, и мальчикъ снова принялся взывать къ Антропкѣ. Возгласы его, болѣе и болѣе рѣдкіе и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсѣмъ темно, и я обгибалъ край лѣса, окружающаго мою деревеньку и лежащаго въ четырехъ верстахъ отъ Колотовки . . .

«Антропка-а-а!» все еще чудилось въ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи.

Бирюкъ

Я ѣхалъ съ охоты, вечеромъ, одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ вожжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною, между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины — слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ

былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, — та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? — спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! Вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза . . .

— Да, гроза, — отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, — продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, — отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались, «какъ въ морѣ челнокъ», и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво; словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ, мой проводникъ остановился. — «Вотъ, мы и дома, баринъ», промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я под-

нялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. — «Сичасъ, сичасъ!» раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, — сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ полатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой рединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, — сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? — спросилъ я дѣвочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, — прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ? — проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой запашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, — отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ*.

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: «Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ, какъ бѣсъ . . . И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается».

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, — повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

---

* Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человѣкъ одинокій и угрюмый.

— Должность свою справляю, — отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ . . . да . . . умерла, — прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала, — произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На̀, дай ему, — проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ. — Вотъ, и его бросила, — продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ, — началъ онъ: — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба . . .

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту . . . Пойду, посмотрю, что̀ ваша лошадь.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ я.

— Улитой, — проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, — замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанья: — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? — спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ . . . У Кобыльяго-Верху* дерево рубятъ, — прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темносинее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился. — «Во . . . вотъ, — проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: — вишь, какую ночку выбралъ». — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. — «А этакъ я, пожалуй, — прибавилъ онъ вслухъ: — и прозѣваю его». — «Я съ тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте».

Мы пошли; Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ

---

* «Верхомъ» называется въ Орловской губерніи оврагъ.

останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. — «Вишь, — бормоталъ онъ сквозь зубы: — слышите? слышите?» — «Да, гдѣ?» — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновеніе — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался . . .

— Повалилъ . . . — пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ, небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались, наконецъ, изъ оврага. — «Подождите здѣсь», — шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала . . . «Куда? стой!» — загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, позаячьи . . . Началась борьба. — «Вре-ешь, вре-ешь! — твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь» . . . Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, — шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. — «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвилъ онъ сурово. — «Топорикъ-то, вонъ, возьмите», — пробормоталъ мужикъ. — «Зачѣмъ ему пропадать!» — сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади . . . Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула-было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ, — замѣтилъ лѣсникъ: — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, — продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да, вишь, засовъ . . .

— Оставь его тутъ, не трогай, — перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что̀ бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены . . . Дѣвочка улеглась на полу, у самыхъ его ногъ, и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу . . . дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, — заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а Ѳома Кузьмичъ!

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти . . . съ голодухи . . . отпусти.

— Знаю я васъ, — угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ: — приказчикъ . . . разорены, вѐ-какъ . . . отпусти!

— Разорены! . . Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ . . . не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, вѐ-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, — повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ: — отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, вѐ-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, вѐ-какъ, приходится.

— А ты, все-таки, воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то . . . одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорятъ нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того . . . отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился . . . Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что̀ будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на̀, ѣшь, на́, подавись, на́», — началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — «на̀, душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь, пей» . . .

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ! заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ! . . не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты . . . да я тебя! . .

— А мнѣ что? Все едино — пропа̀дать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все . . . А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на̀, на̀, бей . . . (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него) Бей, бей!

— Молчать! — загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, — закричалъ я: — оставь его . . . Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, — продолжалъ несчастный. — Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту . . . Да постой, не долго тебѣ чваниться! затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо . . . Я бросился на помощь мужику . . .

— Не троньте, баринъ! — крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ-было руку, но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью! — закричалъ онъ ему вслѣдъ: — да смотри, въ другой разъ у меня . . .

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, — промолвилъ я-наконецъ: — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, — перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу, — прибавилъ онъ: — знать, дождика-то вамъ не переждать . . .

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся! — пробормоталъ онъ: — да я его! . . .

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

Пожаръ на морѣ

Это было въ маѣ 1838 года.

Я находился вмѣстѣ съ множествомъ другихъ пассажировъ на пароходѣ «Николай I», дѣлавшемъ рейсы между Петербургомъ и Любекомъ. Такъ какъ въ то время желѣзныя дороги еще мало процвѣтали, то всѣ путешественники избирали морской путь. По этой же причинѣ многіе изъ нихъ брали съ собою собственные экипажи, чтобы продолжать свое путешествіе по Германіи, Франціи и т. д.

У насъ на кораблѣ, помнится мнѣ, было двадцать восемь господскихъ экипажей. Насъ, пассажировъ, было около двухсотъ восьмидесяти, считая въ этомъ числѣ человѣкъ двадцать дѣтей.

Я былъ тогда очень молодъ и, не страдая морскою болѣзнью, очень былъ занятъ всѣми этими новыми впечатлѣніями. На кораблѣ было нѣсколько дамъ, замѣчательно красивыхъ или хорошенькихъ — большая часть изъ нихъ умерла, увы!

Матушка въ первый разъ отпустила меня ѣхать одного, и я долженъ былъ обѣщать ей вести себя благоразумно, и главное, не дотрогиваться до картъ . . . И вотъ, именно это-то послѣднее обѣщаніе и было нарушено первымъ.

Въ этотъ самый вечеръ было большое собраніе въ общей каютѣ, — между прочимъ, тутъ находилось нѣсколько игроковъ, хорошо извѣстныхъ

въ Петербургѣ. Они каждый вечеръ играли въ банкъ, и золото, которое въ то время можно было видѣть чаще, нежели теперь, оглушительно звенѣло.

Одинъ изъ этихъ господъ, видя, что я держусь въ сторонѣ, и не зная причины этого, неожиданно предложилъ мнѣ принять участіе въ его игрѣ; когда я, съ наивностью своихъ девятнадцати лѣтъ, объяснилъ ему причину своего воздержанія, — онъ расхохотался и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, воскликнулъ, что нашелъ сокровище: молодого человѣка, никогда не дотрогивавшагося до картъ и вслѣдствіе этого самаго предназначеннаго имѣть огромное неслыханное счастье, настоящее счастье простаковъ! . .

Не знаю, какъ это случилось, но черезъ десять минутъ я уже сидѣлъ за игорнымъ столомъ, съ руками полными картъ, имѣя обезпеченную долю въ игрѣ — и игралъ, игралъ отчаянно.

И нужно сознаться, что старая пословица не соврала. Деньги текли ко мнѣ ручьями; двѣ кучки золота возвышались на столѣ по обѣимъ сторонамъ моихъ дрожащихъ и покрытыхъ каплями пота рукъ. Игрокъ, который завлекъ меня, не переставалъ меня подбивать и поощрять . . . Сказать по правдѣ, я ужъ думалъ, что сразу разбогатѣю! . .

Вдругъ дверь каюты распахивается во всю ширину, въ нее врывается дама внѣ себя, замирающимъ голосомъ восклицаетъ: «пожаръ!» и падаетъ въ обморокѣ на диванъ. Это произвело сильнѣйшее волненіе; никто не остался на мѣстѣ; золото, серебро, банковые билеты покатились и разсыпались во всѣ стороны, и мы всѣ бросились вонъ. Какъ мы раньше не замѣтили дыма, который набирался уже и въ каюту? я этого совершенно не понимаю! лѣстница была полна имъ.

Темнокрасное зарево, какъ отъ горящаго каменнаго угля, вспыхивало тамъ и сямъ. Во мгновеніе ока всѣ были на палубѣ. Два широкихъ столба дыма пополамъ съ огнемъ поднимались по обѣимъ сторонамъ трубы и вдоль мачтъ; началась ужаснѣйшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Безпорядокъ былъ невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самохраненія охватило всѣ эти человѣческія существа, и въ томъ числѣ меня перваго. Я помню, что схватилъ за руку матроса и обѣщалъ ему десять тысячъ рублей отъ имени матушки, если ему удастся спасти меня. Матросъ, который, естественно, не могъ принять моихъ словъ за серьезное, высвободился отъ меня; да я и самъ не настаивалъ, понимая, что въ томъ, что я говорю, нѣтъ здраваго смысла. Впрочемъ, въ томъ, что я видѣлъ вокругъ себя, его было не болѣе. Совершенно справедливо, что ничто не равняется трагизму кораблекрушенія или пожара въ морѣ, кромѣ ихъ комизма. Напримѣръ: богатый помѣщикъ, охваченный ужасомъ, ползалъ по полу, неистово кладя земные поклоны; когда же вода, которую изобильно лили въ отверстія угольныхъ трюмовъ, на минуту укротила ярость пламени, онъ всталъ во весь ростъ и закричалъ громовымъ голосомъ: «Маловѣрные! неужели вы думали, что нашъ Богъ, русскій Богъ, насъ покинетъ?» Но въ ту же минуту пламя метнуло сильнѣе, и многовѣрующій бѣднякъ опять упалъ на четвереньки и снова принялся бить земные поклоны. Какой-то генералъ съ угрюмо-растеряннымъ взоромъ не переставалъ кричать: «Нужно послать курьера къ государю! Къ нему послали курьера, когда былъ бунтъ военныхъ поселеній, гдѣ я былъ, да, лично, и это спасло хоть нѣкоторыхъ изъ насъ!» Другой баринъ, съ дождевымъ зонтикомъ

въ рукахъ, вдругъ съ ожесточенiемъ принялся прокалывать находившiйся тутъ же, въ багажѣ, дрянной портретишко, писанный масляными красками и привязанный къ своему мольберту. Концомъ зонтика онъ проткнулъ пять дырокъ: на мѣстѣ глазъ, носа, рта и ушей. Разрушенiе это онъ сопровождалъ восклицанiемъ: «Къ чему все это теперь?» — И эта картина ему не принадлежала! Толстый господинъ, весь въ слезахъ, похожiй на нѣмецкаго пивовара, не переставалъ вопить плаксивымъ голосомъ: «Капитанъ! Капитанъ! . .» И когда капитанъ, вышедшiй изъ терпѣнiя, схватилъ его за шиворотъ и крикнулъ ему: «Ну? я капитанъ, что же вамъ нужно?» толстякъ посмотрѣлъ на него съ убитымъ видомъ и снова принялся стонать: «Капитанъ!»

И однако, этотъ же капитанъ всѣмъ намъ спасъ жизнь. Во-первыхъ, тѣмъ, что въ послѣднюю минуту, когда еще можно было добраться до машины, измѣнилъ направленiе нашего судна, которое, идя прямо на Любекъ, вмѣсто того, чтобы круто повернуть къ берегу, непремѣнно сгорѣло бы раньше, чѣмъ вошло въ гавань, и во-вторыхъ, тѣмъ еще, что приказалъ матросамъ обнажить кортики и безъ сожалѣнiя колоть всякаго, кто попробуетъ дотронуться до одной изъ двухъ оставшихся шлюпокъ, — всѣ остальныя опрокинулись, благодаря неопытности пассажировъ, хотѣвшихъ спустить ихъ въ море.

Матросы, большею частью датчане, со своими энергическими и холодными лицами и чуть не кровавымъ отблескомъ пламени на лезвеяхъ ножей, внушали невольный страхъ. Былъ довольно сильный шквалъ; онъ еще усилился отъ пожара, который ревѣлъ въ доброй трети судна. Я долженъ сознаться, что бы тамъ ни подумала объ этомъ мужская половина рода человѣческаго,

что женщины въ этомъ случаѣ показали больше мужества, нежели мужчины. Блѣдныхъ какъ смерть ночь застала ихъ въ постеляхъ (вмѣсто всякой одежды на нихъ были накинуты только одѣяла), и какъ ни былъ я невѣрующъ уже тогда, но онѣ показались мнѣ ангелами, сошедшими съ неба, чтобы пристыдить насъ и придать намъ храбрости. Но были, однако, и мужчины, которые выказали безстрашіе. Я особенно помню одного, г. Д — ва, нашего бывшаго русскаго посланника въ Копенгагенѣ: онъ скинулъ сапоги, галстукъ и сюртукъ, который завязалъ рукавами на груди, и, сидя на толстомъ натянутомъ канатѣ, болталъ ногами, спокойно куря свою сигару и оглядывая каждаго изъ насъ по очереди съ видомъ насмѣшливаго сожалѣнія. Что касается меня, то я нашелъ убѣжище на наружной лѣстницѣ, гдѣ и усѣлся на одной изъ послѣднихъ ступенекъ. Я съ оцѣпенѣніемъ смотрѣлъ на красную пѣну, которая клокотала подо мною и брызги которой долетали мнѣ въ лицо, и говорилъ себѣ: «Такъ вотъ гдѣ придется погибнуть въ девятнадцать лѣтъ!» — потому что я твердо рѣшился лучше утонуть, чѣмъ испечься. Пламя сводомъ выгибалось надо мною, и я очень хорошо отличалъ его вой отъ рева волнъ.

Недалеко отъ меня, на той же лѣстницѣ, сидѣла маленькая старушка, должно-быть, кухарка котораго-нибудь изъ семействъ, ѣхавшихъ въ Европу. Спрятавъ голову въ руки, она, казалось, шептала молитвы, — вдругъ она быстро взглянула на меня и, потому ли, что ей показалось, будто она прочла на моемъ лицѣ пагубную рѣшимость, или по какой другой причинѣ, но она схватила меня за руку и почти умоляющимъ голосомъ настоятельно сказала: «Нѣтъ, баринъ, никто въ своей жизни не воленъ, — и вы не

вольны, какъ никто не воленъ. Что Богъ велитъ, то пусть и сбудется, — вѣдь это значило бы на себя руки наложить, а за это бы васъ на томъ свѣтѣ покарали».

У меня не было до той минуты никакой охоты къ самоубійству, но тутъ, изъ-за чего-то въ родѣ хвастовства, совершенно необъяснимаго въ моемъ положеніи, я два или три раза притворился, будто хочу исполнить намѣреніе, которое она предполагаетъ во мнѣ, — и каждый разъ бѣдная старуха бросалась ко мнѣ, чтобы помѣшать тому, что въ глазахъ ея было преступленіемъ. Наконецъ, мнѣ сдѣлалось стыдно, и я пересталъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ играть комедію въ присутствіи смерти, которую въ эту минуту я серьезно считалъ угрожающей и неизбѣжной? Впрочемъ, мнѣ не хватило времени ни отдать себѣ отчета въ этой странности чувствъ, ни восхититься отсутствіемъ эгоизма (что теперь назвали бы альтруизмомъ) бѣдной женщины, потому что въ эту минуту ревъ пламени надъ нашими головами удвоилъ свою ярость; но какъ разъ въ ту же минуту голосъ, звенѣвшій точно мѣдь (это былъ голосъ нашего спасителя), раздался надъ нами: «Что вы тамъ дѣлаете, несчастные? Вы погибнете, идите за мною!» И тотчасъ, не зная, ни кто насъ зоветъ, ни куда нужно идти, и старуха, и я вскочили, будто подтолкнутые пружиной, и бросились сквозь дымъ вслѣдъ за матросомъ въ синей курткѣ, который, впереди насъ, лѣзъ вверхъ по веревочной лѣстницѣ. Не зная зачѣмъ, и я полѣзъ за нимъ по этой лѣстницѣ; я думаю, что если бы онъ въ эту минуту бросился въ воду или сдѣлалъ бы вообще что бы то ни было совсѣмъ необыкновенное, я слѣпо послѣдовалъ бы за нимъ. Взобравшись на двѣ или три ступеньки, матросъ тяжело спрыгнулъ на верхъ

одного изъ экипажей, низъ котораго уже загорался. Я прыгнулъ за нимъ и слышалъ, какъ старуха прыгнула за мною; потомъ съ этого перваго экипажа матросъ прыгнулъ на второй, потомъ на третій, я все время позади него — и мы такимъ образомъ очутились на носу парохода.

Почти всѣ пассажиры собрались здѣсь. Матросы, подъ наблюденіемъ капитана, спускали въ море одну изъ нашихъ двухъ шлюпокъ — къ счастью, самую большую. Черезъ другой бортъ корабля я увидѣлъ ярко освѣщенные пожаромъ крутые береговые утесы, которые спускаются къ Любеку. Было добрыхъ двѣ версты до этихъ утесовъ. Я не умѣлъ плавать — мѣсто, на которомъ мы стали на мель (мы и не замѣтили, какъ это случилось), было по всей вѣроятности не глубоко, но волны были очень велики. И все-таки, какъ только я увидѣлъ скалы, увѣренность, что я спасенъ, овладѣла мною — и къ изумленію окружающихъ меня лицъ, я нѣсколько разъ подпрыгнулъ и крикнулъ: «ура!» Я не захотѣлъ подойти ближе къ тому мѣсту, гдѣ толпа тѣснилась, чтобы добраться до лѣстницы, которая вела къ большой шлюпкѣ, — тамъ было слишкомъ много женщинъ, стариковъ и дѣтей; да я съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ скалы, уже и не торопился больше: я былъ увѣренъ, что спасенъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что почти никто изъ дѣтей не выказывалъ страха, что нѣкоторые изъ нихъ даже засыпали на рукахъ у матерей. Ни одинъ ребенокъ не погибъ.

Я увидѣлъ среди группы пассажировъ высокаго генерала; съ платья его текла вода; онъ стоялъ неподвижно, опираясь на поставленную стоймя лавку, которую онъ только-что оторвалъ. Мнѣ сказали, что въ первую минуту перепуга онъ

грубо оттолкнулъ женщину, которая хотѣла опередить его и раньше него спрыгнуть въ одну изъ первыхъ лодокъ, опрокинувшихся потомъ по винѣ пассажировъ. Одинъ изъ служащихъ на пароходѣ схватилъ его въ охапку и съ силой отбросилъ назадъ, на судно, и старый солдатъ, устыдившись своей минутной трусости, поклялся сойти съ корабля только послѣднимъ, послѣ капитана. Онъ былъ высокаго роста, блѣденъ, съ кровавой ссадиной на лбу, и глядѣлъ вокругъ взглядомъ сокрушеннымъ и покорнымъ, точно бы просилъ прощенья.

Въ это время я приблизился къ лѣвому борту корабля и увидѣлъ нашу меньшую шлюпку, пляшущую на волнахъ, какъ игрушку; два находившіеся въ ней матроса знаками приглашали пассажировъ сдѣлать рискованный прыжокъ въ нее — но это было не легко: «Николай I» былъ линейный корабль, и нужно было упасть очень ловко, чтобы не опрокинуть шлюпку. Наконецъ, я рѣшился: я началъ съ того, что сталъ на якорную цѣпь, которая была протянута снаружи вдоль корабля, и собирался уже сдѣлать скачокъ, когда толстая, тяжелая и мягкая масса обрушилась на меня. Женщина уцѣпилась мнѣ за шею и недвижно повисла на мнѣ. Признаюсь, первымъ моимъ побужденіемъ было насильно перебросить ея руки черезъ мою голову и такимъ образомъ отдѣлаться отъ этой массы; къ счастью, я не послѣдовалъ этому побужденію. Толчокъ чуть не сбросилъ насъ обоихъ въ море, но, къ счастью, тутъ же, передъ моимъ носомъ, болтался, вися неизвѣстно откуда, конецъ веревки, за который я уцѣпился одною рукою, съ озлобленіемъ, ссаживая себѣ кожу до крови . . . потомъ, взглянувъ внизъ, я увидѣлъ, что я и моя ноша находимся какъ разъ надъ шлюпкою и . . . тогда съ Богомъ!

Я скользнулъ внизъ . . . лодка затрещала во всѣхъ швахъ . . . Ура! крикнули матросы. Я уложилъ свою ношу, находившуюся въ обморокѣ, на дно лодки и тотчасъ обернулся лицомъ къ кораблю, гдѣ увидѣлъ множество головъ, особенно женскихъ, лихорадочно тѣснившихся вдоль борта.

«Прыгайте!» крикнулъ я, протягивая руки. Въ эту минуту успѣхъ моей смѣлой попытки, увѣренность, что я въ безопасности отъ огня, придавали мнѣ несказанную силу и отвагу, и я поймалъ единственныхъ трехъ женщинъ, рѣшившихся прыгнуть въ мою шлюпку, такъ же легко, какъ ловятъ яблоки во время сбора. Нужно замѣтить, что каждая изъ этихъ дамъ непремѣнно рѣзко вскрикивала въ ту минуту, когда бросалась съ корабля и, очутившись внизу, падала въ обморокъ. Одинъ господинъ, вѣроятно одурѣвшій съ перепугу, едва не убилъ одну изъ этихъ несчастныхъ, бросивъ тяжелую шкатулку, которая разбилась, падая въ нашу лодку, и оказалась довольно дорогимъ несессеромъ. Не спрашивая себя, имѣю ли я право распоряжаться ею, я тотчасъ подарилъ ее двумъ матросамъ, которые точно такъ же безъ всякаго стѣсненія приняли подарокъ. Мы тотчасъ стали грести изо всѣхъ силъ къ берегу, сопровождаемые криками: «Возвращайтесь скорѣе! пришлите намъ назадъ шлюпку!» Поэтому, когда оказалось не болѣе аршина глубины, пришлось вылѣзать. Мелкій, холодный дождикъ уже съ часъ какъ моросилъ, не оказывая никакого вліянія на пожаръ, но насъ онъ промочилъ окончательно, до костей.

Наконецъ, мы добрались до этого желаннаго берега, который оказался не чѣмъ инымъ, какъ обширной лужей жидкой и липкой грязи, гдѣ ноги вязли по колѣно.

Наша лодка быстро удалилась и, такъ же, какъ и большая шлюпка, принялась сновать между кораблемъ и берегомъ. Пассажировъ погибло мало, всего восемь: одинъ упалъ въ угольный трюмъ; другой утонулъ, потому что захватилъ съ собою всѣ свои деньги. Этотъ послѣднiй, имя котораго я едва зналъ, игралъ со мною въ шахматы въ продолженiе большой части дня и дѣлалъ это съ такимъ ожесточенiемъ, что князь W..., слѣдившiй за нашею партiей, кончилъ тѣмъ, что воскликнулъ: «Можно подумать, что вы играете, будто у васъ дѣло идетъ о жизни и смерти!»

Что касается до багажа, то онъ почти весь погибъ, такъ же какъ и экипажи.

Въ числѣ дамъ, спасшихся отъ крушенiя, была одна г-жа I..., очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и ихъ нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, съ едва прикрытыми плечами. Я почелъ нужнымъ разыграть любезнаго кавалера, что стоило мнѣ моего сюртука, который я до тѣхъ поръ сохранилъ, галстука и даже сапогъ; кромѣ того, крестьянинъ съ телѣжкой, запряженной парой лошадей, за которымъ я сбѣгалъ на верхъ утесовъ и котораго послалъ впередъ, не нашелъ нужнымъ дождаться меня и уѣхалъ въ Любекъ со всѣми моими спутницами, такъ что я остался одинъ, полураздѣтый, промокшiй до костей, въ виду моря, гдѣ нашъ пароходъ медленно догоралъ. Я именно говорю «догоралъ», потому что я никогда бы не повѣрилъ, что такая «махиница» можетъ быть такъ скоро уничтожена. Это было теперь не болѣе, какъ широкое пылающее пятно, недвижимое на морѣ, изборожденное черными контурами трубъ и мачтъ и вокругъ котораго тяжелымъ и равнодушнымъ полетомъ сновали чайки — потомъ большой снопъ золы,

испещренный мелкими искрами и разсыпавшійся широкими кривыми линіями уже по менѣе безпокойнымъ волнамъ. И только? подумалъ я: и вся наша жизнь развѣ только щепотка золы, которая разносится по вѣтру?

Къ счастью для философа, у котораго начиналъ уже зубъ на зубъ не попадать, другой фурщикъ забралъ меня. Онъ взялъ за это два дуката, но за то укуталъ меня въ свой толстый плащъ и спѣлъ мнѣ двѣ или три мекленбургскія пѣсни, которыя мнѣ довольно понравились. Такимъ образомъ я добрался до Любека на зарѣ; тутъ я встрѣтилъ своихъ товарищей по крушенію, и мы отправились въ Гамбургъ. Тамъ мы нашли двадцать тысячъ рублей серебромъ, которые императоръ Николай, какъ разъ находившійся тогда проѣздомъ въ Берлинѣ, прислалъ намъ со своимъ адъютантомъ. Всѣ мужчины собрались и общимъ голосомъ рѣшили предложить эти деньги дамамъ. Намъ было тѣмъ легче сдѣлать это, что въ тѣ времена всякій русскій, пріѣзжавшій въ Германію, пользовался неограниченнымъ кредитомъ. Теперь уже не то.

Матросъ, которому я за свое спасеніе наобѣщалъ непомѣрную сумму отъ имени матушки, явился требовать отъ меня исполненія моего обѣщанія. Но такъ какъ я не былъ вполнѣ увѣренъ, онъ ли это дѣйствительно, да и сверхъ того, такъ какъ онъ ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы меня спасти, то я предложилъ ему талеръ, который онъ и принялъ съ благодарностью.

Что касается до бѣдной старушки-кухарки, которая такъ заботилась о спасеніи моей души, то я ея никогда больше не видалъ — но ужъ про нее-то навѣрно можно сказать, что сгорѣла ли она, или утонула, а мѣсто ея уже было уготовано въ раю.

Буживаль. — 17 іюня 1883 г.

Собака

(Разсказъ)

— Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ дѣйствительную жизнь, — то позвольте спросить, какую роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ? — провозгласилъ Антонъ Степанычъ и скрестилъ руки на желудкѣ.

Антонъ Степанычъ состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника, служилъ въ какомъ-то мудреномъ департаментѣ и, говоря съ разстановкой, туго и басомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Ему, незадолго передъ тѣмъ, по выраженію его завистниковъ, «влѣпили станислашку».

— Это совершенно справедливо, — замѣтилъ Скворевичъ.

— Объ этомъ и спорить никто не станетъ, — прибавилъ Кинаревичъ.

— И я согласенъ, — поддакнулъ фистулой изъ угла хозяинъ дома, г. Финоплентовъ.

— А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самимъ произошло нѣчто сверхъестественное, — проговорилъ мужчина средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ брюшкомъ и лысиной, безмолвно до тѣхъ поръ сидѣвшій за печкой. Взоры всѣхъ находившихся въ комнатѣ съ любопытствомъ и недоумѣньемъ обратились на него — и воцарилось молчанье.

Этотъ мужчина былъ небогатый калужскій помѣщикъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ нѣкогда служилъ въ гусарахъ, проигрался, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Новѣйшія хозяйственныя перемѣны сократили его доходы, и онъ отправился въ столицу поискать удобнаго мѣстечка. Онъ не обладалъ никакими способностями и не имѣлъ никакихъ связей; но онъ крѣпко надѣялся на дружбу одного старинннаго сослуживца, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выскочилъ въ люди, и которому онъ однажды помогъ приколотить шулера. Сверхъ того, онъ разсчитывалъ на свое счастье — и оно ему не измѣнило: нѣсколько дней спустя, онъ получилъ мѣсто надзирателя надъ казенными магазинами, мѣсто выгодное, даже почетное, и не требовавшее отмѣнныхъ талантовъ: самые магазины существовали только въ предположеніи, и даже не было съ точностью извѣстно, чѣмъ ихъ наполнять, — а придумали ихъ въ видахъ государственной экономіи.

Антонъ Степанычъ первый прервалъ общее оцѣпенѣніе.

— Какъ, милостивый государь мой? — началъ онъ: — вы не шутя утверждаете, что съ вами произошло нѣчто сверхъестественное — я хочу сказать: нѣчто несообразное съ законами натуры?

— Утверждаю, — возразилъ «Милостивый государь мой», настоящее имя котораго было Порфирій Капитонычъ.

— Несообразное съ законами натуры! — повторилъ съ сердцемъ Антонъ Степанычъ, которому видимо понравилась эта фраза.

— Именно . . . да; вотъ именно такое, какъ вы изволите говорить.

— Это удивительно! Какъ вы полагаете, господа? — Антонъ Степанычъ потщился придать

чертамъ своимъ выраженіе ироническое, но ничего не вышло, — или, говоря правильнѣе, вышло только то, что вотъ-молъ, господинъ статскій совѣтникъ дурной запахъ почуялъ. — Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, — продолжалъ онъ обращаясь къ калужскому помѣщику: — передать намъ подробности такого любопытнаго событія?

— Отчего же? Можно! — отвѣчалъ помѣщикъ, и развязно пододвинувшись къ серединѣ комнаты, заговорилъ такъ:

— У меня, господа, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно — а можетъ-быть и неизвѣстно — небольшое имѣнье въ Козельскомъ уѣздѣ. Прежде я извлекалъ изъ него нѣкоторую пользу, — но теперь, разумѣется, ничего, кромѣ непріятностей, предвидѣть нельзя. Однако, по̀-боку политику! Ну-съ, въ этомъ самомъ имѣньи у меня усадьба «маxенькая»: огородъ, какъ водится, прудишко съ карасишками, строенія кой-какія, — ну, и флигелекъ для собственнаго грѣшнаго тѣла . . . Дѣло холостое. Вотъ-съ, однажды — годовъ этакъ шесть тому назадъ — вернулся я къ себѣ домой довольно поздно: у сосѣда въ картишки перекинулъ — но притомъ, прошу замѣтить, ни въ одномъ, какъ говорится, глазѣ; раздѣлся, легъ, задулъ свѣчку. И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчку, завозилось у меня подъ кроватью! Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: скребетъ, возится, чешется . . . Наконецъ, ушами захлопало!

Понятное дѣло: собака. Но откуда собакѣ взяться? Самъ я не держу; развѣ, думаю, забѣжала какая-нибудь *«заболтущая»?* Я кликнулъ своего слугу; Филькой онъ у меня прозывается. Вошелъ слуга со свѣчкой. — Что это, — я говорю, — братецъ Филька, какіе у тебя безпорядки!

Ко мнѣ собака подъ кровать затесалась. — Какая, — говоритъ, — собака? — А я почемъ знаю? — говорю я; — это твое дѣло — барина до безпокойства не допущать. — Нагнулся мой Филька, сталъ свѣчкой подъ кроватью водить. — Да тутъ, — говоритъ, — никакой собаки нѣту. — Нагнулся и я: точно, нѣтъ собаки. — Что за притча! — Вскинулъ я глазами на Фильку: а онъ улыбается. — Дуракъ, — говорю я ему: — что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вѣроятно, какъ ты сталъ отворять дверь, взяла да и шмыгнула въ переднюю. А ты, ротозѣй, ничего не замѣтилъ, потому что ты вѣчно спишь. Ужъ не воображаешь ли ты, что я пьянъ? — Онъ захотѣлъ было возражать, но я его прогналъ, свернулся калачикомъ и въ ту ночь уже ничего не слыхалъ.

Но на слѣдующую ночь — вообразите! — то же самое повторилось. Какъ только я свѣчку задулъ, опять скребетъ, ушами хлопаетъ. Опять я позвалъ Фильку, опять онъ поглядѣлъ подъ кроватью — опять ничего! Услалъ я его, задулъ свѣчку — тьфу ты, чортъ! собака тутъ какъ тутъ. И какъ есть собака: такъ вотъ и слышно, какъ она дышитъ, какъ зубами по шерсти перебираетъ, блохъ ищетъ . . . Явственно таково! — Филька! — говорю я: — войди-ка сюда безъ свѣчки! Тотъ вошелъ. — Ну, что, говорю, слышишь? — Слышу, — говоритъ. Самого-то мнѣ его не видать, но чувствую я, что струхнулъ малый. — Какъ, — говорю, — ты это понимаешь? — А какъ мнѣ это понимать прикажете, Порфирій Капитонычъ? — Навожденіе! — Ты, я говорю, безпутный человѣкъ, молчи съ навожденіемъ-то съ своимъ . . . А у обоихъ-то у насъ голоса̀ словно птичьи, и дрожимъ-то мы какъ въ лихорадкѣ — въ темнотѣ-то. Зажегъ я свѣчку: ни собаки нѣтъ, ни шума никакого — а только мы оба съ Филькой —

бѣлые, какъ глина. Такъ свѣчка у меня до утра и горѣла. И доложу я вамъ, господа — вѣрьте вы мнѣ или нѣтъ — а только съ самой той ночи, въ теченіе шести недѣль, та же исторія со мной повторялась. Подъ конецъ я даже привыкъ и свѣчку гасить сталъ, потому, мнѣ при свѣтѣ не спится. Пусть, молъ, возится! Вѣдь зла она мнѣ не дѣлаетъ.

— Однако — я вижу — вы не трусливаго десятка, — съ полупрезрительнымъ, полуснисходительнымъ смѣхомъ перебилъ Антонъ Степанычъ. — Сейчасъ видно гусара!

— Васъ-то я бы ни въ какомъ случаѣ не испугался, — промолвилъ Порфирій Капитонычъ, и на мгновенье дѣйствительно посмотрѣлъ гусаромъ. — Но слушайте далѣе. Пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ сосѣдъ, тотъ самый, съ которымъ я въ картишки перекидывалъ. Пообѣдалъ онъ у меня, чѣмъ Богъ послалъ, спустилъ мнѣ рубликовъ пятьдесятъ за визитъ; ночь на дворѣ — убираться пора. А у меня свои соображенія: — останься, говорю, ночевать у меня, Василій Васильичъ; завтра отыграешься, дастъ Богъ. Подумалъ, подумалъ мой Василій Васильичъ, — остался. Я ему кровать у себя же въ спальнѣ поставить приказалъ . . . Ну-съ, легли мы, покурили, покалякали — все больше о женскомъ полѣ, какъ оно и приличествуетъ въ холостой компаніи, посмѣялись, разумѣется; смотрю: погасилъ Василій Васильичъ свою свѣчку и спиной ко мнѣ повернулся; значитъ: «шлафензиволь». Я подождалъ маленько и тоже погасилъ свѣчку. И представьте: не успѣлъ я подумать, что, молъ, теперь, какой карамболь произойдетъ? какъ уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: изъ-подъ кровати вылѣзла, черезъ комнату пошла, когтями по полу стучитъ, ушами

мотаетъ, да вдругъ какъ толкнетъ самый стулъ, что возлѣ Василія-Васильевичевой кровати! — Порфирій Капитонычъ, — говоритъ тотъ, и такимъ, знаете, равнодушнымъ голосомъ: — а я и не зналъ, что ты собаку пріобрѣлъ. Какая она, легавая, что ли? — У меня, говорю, собаки никакой нѣтъ и не бывало никогда! — Какъ нѣтъ? а это что? — Что это? — говорю я: — а вотъ, зажги свѣчку, такъ самъ узнаешь. — Это не собака? — Нѣтъ. — Повернулся Василій Васильичъ на постели. — Да ты шутишь, чортъ? — Нѣтъ, не шучу. — Слышу я: онъ чёркъ, чёркъ спичкой, а та-то, та-то все не унимается, бокъ себѣ чешетъ. Загорѣлся огонекъ . . . и баста! Слѣдъ простылъ! Глядитъ на меня Василій Васильичъ — и я на него гляжу. — Это, — говоритъ, — что за фокусъ? — А это, — говорю я: — такой фокусъ, что посади ты съ одной стороны самого Сократа, а съ другой Фридриха Великаго, такъ и тѣ ничего не разберутъ. — И тутъ же я ему все въ подробности разсказалъ. Какъ вскочитъ мой Василій Васильичъ! Словно обожженный! Въ сапоги-то никакъ не попадетъ. — Лошадей! — кричитъ — лошадей! Сталъ я его уговаривать, такъ куда! Такъ и взахался. — Не останусь, кричитъ, ни минуты! — Ты, значитъ, послѣ этого, оглашенный человѣкъ! — Лошадей!.. Однако, я его уломалъ. Только кровать его перетащили въ другую комнату — и ночники вездѣ запалили. Поутру, за чаемъ, онъ остепенился; сталъ совѣты мнѣ давать. — Ты бы, — говоритъ, — Порфирій Капитонычъ, попробовалъ на нѣсколько дней изъ дому отлучиться: можетъ, эта пакость отъ тебя бы отстала. — А надо вамъ сказать: человѣкъ онъ — сосѣдъ мой — былъ ума обширнаго! Тещу свою, между прочимъ, такъ обработалъ чудесно: вексель ей подсунулъ;

значитъ, выбралъ же самый чувствительный часъ! Шёлковая стала: довѣренность дала на управленіе всѣмъ имѣніемъ — чего больше? А вѣдь это какое дѣло — тещу-то скрутить — а? Сами изволите посудить. Однако, уѣхалъ онъ отъ меня въ нѣкоторомъ неудовольствіи; я-таки его опять рубликовъ на сотню наказалъ. Даже ругалъ меня: говорилъ, что ты-де неблагодаренъ, не чувствуешь; а я чѣмъ же тутъ виноватъ? Ну, это само собою — а совѣтъ я его къ свѣдѣнію принялъ: въ тотъ же день укатилъ въ городъ, да и поселился на постояломъ дворѣ, у знакомаго старичка изъ раскольниковъ. Почтенный былъ старичокъ, хотя и суровъ маленько, по причинѣ одиночества: вся семья у него перемерла. Только ужъ очень табаку не жаловалъ и къ собакамъ чувствовалъ омерзѣніе великое; кажется, чѣмъ, напримѣръ, ему собаку въ комнату впустить согласиться — скорѣй бы самъ себя пополамъ перервалъ! Потому, говоритъ, какъ же возможно! Тутъ у меня въ свѣтлицѣ, на стѣнѣ, сама Владычица пребывать изволитъ, и тутъ же песъ поганый рыло свое нечестивое уставитъ. Извѣстно — необразованіе! А впрочемъ, я такого мнѣнія: кому какая премудрость далась, тотъ той и придерживайся!

— Да вы, я вижу, великій философъ, — вторично и съ тою же усмѣшкой перебилъ Антонъ Степанычъ.

Порфирій Капитонычъ на этотъ разъ даже нахмурился.

— Какой я философъ — это еще неизвѣстно, — промолвилъ онъ съ угрюмымъ подергиваньемъ усовъ: — но васъ бы я охотно взялъ въ науку.

Мы всѣ такъ и впились въ Антона Степаныча: всякій изъ насъ ожидалъ горделиваго отвѣта или хотя молніеноснаго взгляда . . . Но госпо-

динъ статскій совѣтникъ перевелъ свою усмѣшку изъ презрительной въ равнодушную, потомъ зѣвнулъ, поболталъ ножкой — и только!

— Вотъ, у этого-то старичка я и поселился, — продолжалъ Порфирій Капитонычъ. — Комнатку онъ мнѣ отвелъ, по знакомству, не изъ лучшихъ; самъ онъ помѣщался тутъ же, за перегородкой — а мнѣ только этого и нужно. Однако, принялъ я въ тѣ поры муки! Комнатка небольшая, жара этта, духота, мухи, да какія-то клейкія; въ углу кіотище необыкновенный, съ древнѣйшими образами; ризы на нихъ тусклыя, да дутыя; масломъ такъ и разитъ, да еще какою-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а изъ-подъ нея тараканъ бѣжитъ . . . я ужъ, со скуки, чаю до невѣроятности напился — просто бѣда! Легъ я; спать нѣтъ возможности — а за перегородкой хозяинъ вздыхаетъ, кряхтитъ, молитвы читаетъ. Ну, однако, угомонился, наконецъ. Слышу: похрапывать сталъ — да такъ полегоньку, по-старомодному, вѣжливенько. Свѣчку-то я давно загасилъ — только лампадка передъ образами горитъ . . . Помѣха, значитъ! Вотъ, я возьми, да встань тихохонько, на босу ногу: подмостился къ лампадкѣ, да и дунулъ на нее . . . Ничего. — Эге! думаю: знать, у чужихъ-то не беретъ . . . Да только-что опустился на постель — опять пошла тревога! И скребетъ, и чешетъ, и ушами хлопаетъ . . . ну, какъ быть слѣдуетъ! Хорошо. Я лежу, жду, что̀ будетъ? Слышу: просыпается старикъ. Баринъ, — говоритъ: — а баринъ? — Что молъ? — Это ты лампадку погасилъ? — Да отвѣта моего не дождавшись, какъ залопочетъ вдругъ — что это? что это? собака? собака! Ахъ, ты, никоніанецъ окаянный! — Погоди, — говорю, — старикъ, браниться — а ты лучше приди-ка самъ сюда.

Тутъ, — я говорю, — дѣла совершаются удивленія достойныя. — Повозился старикъ за перегородкой и вошелъ ко мнѣ со свѣчкой, тоненькой-претоненькой, изъ желтаго воску; и удивился же я, на него глядючи! Самъ весь шершавый, уши мохнатыя, глаза злобные, какъ у хорька, на головѣ шапонька бѣлая войлочная, бо̀рода по̀-поясъ, тоже бѣлая, и жилетъ съ мѣдными пуговицами на рубахѣ, а на ногахъ мѣховые сапоги — и пахнетъ отъ него можжевельникомъ. Подошелъ онъ въ этакомъ видѣ къ образамъ, перекрестился три раза крестомъ двуперстнымъ, лампадку засвѣтилъ, опять перекрестился — и, обернувшись ко мнѣ, только хрюкнулъ: объясняй-молъ! И тутъ я ему, нимало не медля, все обстоятельно сообщилъ. Выслушалъ всѣ мои объясненія старина, и хоть бы словечко проронилъ: только, знай, головой потряхиваетъ. Присѣлъ онъ потомъ, этта, ко мнѣ на кроватку — и все молчитъ. Чешетъ себѣ грудь, затылокъ и прочее — и молчитъ. — Что-жъ, — говорю я: — Ѳедулъ Иванычъ, какъ ты полагаешь: навожденіе это какое, что ли? — Старикъ посмотрѣлъ на меня. — Что выдумалъ! навожденіе! Добро бы у тебя, табашника, — а то здѣсь! Ты только то сообрази: что̀ тутъ святости! Навожденія захотѣлъ! — А коли это не навожденіе — такъ что же? — Старикъ опять помолчалъ, опять почесался, и говоритъ, наконецъ, — да глухо такъ, потому, усы въ ротъ лѣзутъ: — Ступай ты въ градъ Бѣлевъ. Окромя одного человѣка, тебѣ помочь некому. И живетъ сей человѣкъ въ Бѣлевѣ: изъ нашихъ. Захочетъ онъ тебѣ поспособствовать — твое счастье; не захочетъ — такъ тому и быть. — А какъ мнѣ его найти, человѣка сего? — говорю я. — Это мы тебя направить можемъ, — говоритъ; — а только, какое это

навожденіе? Это есть явленіе, а либо знаменіе; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, съ батюшкой со Христомъ; я ладанкомъ покурю; а на утріе мы побесѣдуемъ. Утро, знаешь, вечера мудренѣе.

Ну-съ, и побесѣдовали мы на утріе — а только, отъ этого отъ самаго ладану я чуть не задохнулся. И далъ мнѣ старикъ наставленіе такого свойства: что, пріѣхавши въ Бѣлевъ, пойти мнѣ на площадь и во второй лавкѣ направо спросить нѣкоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась въ клочкѣ бумаги, на которой стояло слѣдующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Сергію Прохоровичу Первушину. Сему вѣрь. Ѳеодулій Ивановичъ». А внизу: «Капустки пришли, Бога для».

Поблагодарилъ я старика — да безъ дальнѣйшихъ разсужденій велѣлъ заложить тарантасъ и отправился въ Бѣлевъ. Потому, я такъ соображалъ: хотя, положимъ, отъ моего ночного посѣтителя мнѣ большой печали нѣтъ, однако, все-таки, оно жутко, да и, наконецъ, не совсѣмъ прилично дворянину и офицеру — какъ вы полагаете?

— И неужели вы поѣхали въ Бѣлевъ? — прошепталъ г. Финоплентовъ.

— Прямо въ Бѣлевъ. Пошелъ я на площадь, спросилъ во второй лавкѣ направо Прохорыча. Есть-молъ, говорю, такой человѣкъ? — Есть, говорятъ. — А гдѣ живетъ? — На Окѣ, за огородами. — Въ чьемъ домѣ? — Въ своемъ. — Отправился я на Оку, отыскалъ его домъ, т. е. въ сущности не домъ, а простую лачугу. Вижу: человѣкъ въ синей свиткѣ съ заплатами и въ рваномъ картузѣ, такъ . . . мѣщанинишко по наружности, стоитъ ко мнѣ спиной, копается въ капустникѣ.

Я подошелъ къ нему. — Вы, молъ, такой-то? — Онъ обернулся — и доложу вамъ поистинѣ: этакихъ проницательныхъ глазъ я отроду не видывалъ. А впрочемъ, все лицо съ кулачокъ, бородка клиномъ, и губы ввалились: старый человѣкъ. — Я такой-то, — говоритъ: — что вамъ надобѣ? — А вотъ-молъ, что̀ мнѣ надобѣ, — да и грамоту ему въ руку. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально таково, да и говоритъ: — Пожалуйте въ комнату; я безъ очковъ читать не могу. Ну-съ, пошли мы съ нимъ въ его хибарку — и ужъ точно хибарка: бѣдно, голо, криво; какъ только держится. На стѣнѣ образъ стараго письма, какъ уголь черный: одни бѣлки на ликахъ такъ и горятъ. Досталъ онъ изъ столика желѣзные круглые очки, надѣлъ себѣ на носъ, прочелъ грамотку, да черезъ очки опять на меня посмотрѣлъ. — Вамъ до меня нужда имѣется? — Имѣется, — говорю, — точно. — Ну, говоритъ, коли имѣется, такъ докладывайте, а мы послушаемъ. — И представьте вы себѣ: самъ сѣлъ, и платокъ клѣтчатый изъ кармана досталъ, и у себя на колѣняхъ разложилъ — и платокъ-то дырявый — да такъ важно на меня взираетъ, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажаетъ меня. И что еще удивительнѣе: чувствую я вдругъ, что робѣю, такъ робѣю . . . просто, душа въ пятки уходитъ. Нижетъ онъ меня глазами насквозь, да и полно! Однако, я поправился, да и разсказалъ ему всю мою исторію. Онъ помолчалъ, поежился, пожевалъ губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки какъ сенаторъ, величественно такъ, не торопясь. Имя, молъ, ваше какъ? Лѣта? Кто были родные? Въ холостомъ ли званіи, или женаты? — Потомъ онъ опять губами пожевалъ, нахмурился, палецъ уставилъ, да и говоритъ: — Иконѣ святой покло-

нитесь, честнымъ преподобнымъ соловецкимъ святителямъ Зосимѣ и Савватію. — Я поклонился въ землю, и такъ ужъ и не поднимаюсь; такой въ себѣ страхъ къ тому человѣку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы онъ ни прикажи, исполню тотчасъ же! .. Вы вотъ, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мнѣ не до смѣху было тогда, ей-ей. — Встаньте, господинъ, — проговорилъ, онъ наконецъ. — Вамъ помочь можно. Это вамъ не въ наказаніе наслано, а въ предостереженіе; это, значитъ, попеченіе о васъ имѣется; добрѣ, знать, кто за васъ молится. Ступайте вы теперь на базаръ и купите вы себѣ собаку-щенка, котораго вы при себѣ держите неотлучно — день и ночь. Ваши видѣнья прекратятся, да и кромѣ того, будетъ вамъ та собака на потребу.

Меня вдругъ точно свѣтомъ озарило: ужъ какъ же мнѣ эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотѣлъ-было уйти, да вспомнилъ, что нельзя же мнѣ его не поблагодарить: досталъ изъ кошелька трехрублевую бумажку. Только онъ мою руку отвелъ отъ себя прочь и говоритъ мнѣ: — отдайте, говоритъ, въ часовенку нашу, али бѣднымъ, а услуга та неоплатная. Я опять ему поклонился — чуть не въ поясъ — и тотчасъ маршъ на базаръ! И вообразите: только-что сталъ я подходить къ лавкамъ — глядь, ползетъ ко мнѣ навстрѣчу фризовая шинель и подъ мышкой несетъ легаваго щенка, двухмѣсячнаго, коричневой шерсти, бѣлогубаго, съ бѣлыми передними лапками. Стой! — говорю я шинели: — за сколько продаешь? — А за два цѣлковыхъ. — Возьми три! — Тотъ удивился, думаетъ, съ ума баринъ спятилъ — а я ему ассигнацію въ зубы, щенка въ охапку, да въ тарантасъ! Кучеръ живо запрягъ лошадей, и въ тотъ же вечеръ я

былъ дома. Щенокъ всю дорогу у меня за пазухой сидѣлъ — и хоть бы пикнулъ: а я ему все: Трезорушко! Трезорушко! Тотчасъ его накормилъ, напоилъ, велѣлъ соломы принести, уложилъ его, и самъ шмыгъ въ постель! Дунулъ на свѣчку: сдѣлалась темнота. Ну, говорю, начинай! Молчитъ. Начинай же, говорю, такая-сякая! Ни гу-гу, хоть бы на смѣхъ. Я куражиться сталъ. Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая! Анъ не тутъ-то было — шабашъ! Только и слышно, какъ щенокъ пыхтитъ. — Филька! кричу, Филька! Поди сюда, глупый человѣкъ! — Тотъ вошелъ. — Слышишь ты собаку? — Нѣтъ, говоритъ, баринъ, ничего не слышу — а самъ смѣется. — И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинникъ тебѣ на водку! — Пожалуйте ручку, говоритъ дуракъ, и въ потьмахъ-то лѣзетъ на меня . . . Радость, доложу вамъ, была большая.

— И такъ все и кончилось? — спросилъ Антонъ Степанычъ, уже безъ ироніи.

— Видѣнія кончились, точно — и уже безпокойствъ никакихъ не было — но погодите, всей штукѣ еще не конецъ. Сталъ мой Трезорушко расти — вышелъ изъ него гусь лапчатый. Толстохвостый, тяжелый, вислоухій, брылястый — настоящій «пиль-аванцъ». И притомъ, ко мнѣ привязался чрезвычайно. Охота въ нашихъ краяхъ плохая — ну, а все-таки, какъ завелъ собаку — пришлось и ружьишкомъ запастись. Сталъ я со своимъ Трезоромъ таскаться по окрестностямъ: иногда зайца подшибешь (ужъ и гонялся же онъ за этими зайцами, Боже мой!), а иногда и перепелку или уточку. Но только главное: Трезоръ отъ меня ни на шагъ. Куда я — туда и онъ; даже и въ баню его съ собой водилъ — право! Одна наша барыня меня за

самаго за этого Трезора изъ гостиной приказала-было вывести, да я такую штурму поднялъ: что̀ однихъ стеколъ у ней перебилъ! Вотъ-съ, однажды, дѣло было лѣтомъ . . . И, скажу вамъ, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнитъ; въ воздухѣ не то дымъ, не то туманъ, пахнетъ гарью, мгла, солнце, какъ ядро раскаленное, а что пыли — не прочихнешь! Люди такъ разинувши рты и ходятъ, не хуже воронъ. Соскучилось мнѣ этакъ дома все сидѣть, въ полнѣйшемъ дезабилье, за закрытыми ставнями; кстати же жара начинала сваливать . . . И пошелъ я, государи мои, къ одной своей сосѣдкѣ. Жила же оная сосѣдка отъ меня въ верстѣ — и ужъ точно благодѣтельная была дама. Въ молодыхъ еще, цвѣтущихъ лѣтахъ, и наружности самой располагающей; только нравъ имѣла непостоянный. Да это въ женскомъ полѣ не бѣда; даже удовольствіе доставляетъ . . . Вотъ, добрался я до ея крылечка — и солоно же мнѣ показалось это путешествіе! Ну, думаю, ублаготворитъ меня теперь Нимфодора Семеновна брусничной водой, ну, и другими прохладами — и уже за ручку двери взялся, какъ вдругъ за угломъ дворовой избы поднялся топотъ, визгъ, крикъ мальчишекъ . . . Я оглядываюсь. Господи, Боже мой! прямо на меня несется огромный, рыжій звѣрь, котораго я съ перваго взгляда и за собаку-то не призналъ: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбомъ . . . Не успѣлъ я дыханіе перевести, какъ ужъ это чудовище вскочило на крыльцо, поднялось на заднія лапы и прямо ко мнѣ на грудь — каково положеніе? Я замеръ отъ ужаса, и руки не могу поднять, одурѣлъ вовсе . . . вижу только страшные бѣлые клыки передъ самымъ носомъ, красный языкъ, весь въ пѣнѣ. Но въ то же мгновенье другое, темное

тѣло взвилось передо мною, какъ мячикъ — это мой голубчикъ Трезоръ заступился за меня; да какъ піявка, тому-то, звѣрю-то, въ горло! Тотъ захрипѣлъ, заскрежеталъ, отшатнулся . . . Я разомъ рванулъ дверь и очутился въ передней. Стою, самъ не свой, всѣмъ тѣломъ на замокъ налегъ, а на крыльцѣ, слышу, происходитъ баталья отчаянная. Я сталъ кричать, звать на помощь; всѣ въ домѣ всполошились. Нимфодора Семеновна прибѣжала съ распущенной косой; на дворѣ загомонили голоса — и вдругъ послышалось: «держи, держи, запри ворота!» Я отворилъ дверь — такъ, чуточку, — гляжу: чудовища уже нѣтъ на крыльцѣ, люди въ безпорядкѣ мечутся по двору, махаютъ руками, поднимаютъ съ земли полѣнья — какъ есть очумѣли. «На деревню! на деревню убѣгла!» визжитъ какая-то баба въ кичкѣ необыкновенныхъ размѣровъ, высунувшись въ слуховое окно. Я вышелъ изъ дома. — Гдѣ, молъ, Трезоръ? — и тутъ же увидалъ моего спасителя. Онъ шелъ отъ воротъ, хромой, весь искусанный, въ крови . . . — Да что такое, наконецъ? — спрашиваю у людей, а они кружатся по двору, какъ угорѣлые. — Бѣшеная собака! — отвѣчаютъ мнѣ: — графская; со вчерашняго дня здѣсь мотается.

У насъ былъ сосѣдъ, графъ; тотъ заморскихъ собакъ навезъ, престрашенныхъ. Поджилки у меня затряслись; бросился къ зеркалу, посмотрѣть, не укушенъ ли я? Нѣтъ, слава Богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежитъ на диванѣ и клохчетъ курицей. Да оно и понятно: во-первыхъ, нервы, во-вторыхъ, чувствительность. Ну, однако, пришла въ себя и спрашиваетъ меня, томно такъ: живъ ли я? Я говорю, живъ, и Трезоръ мой избавитель. — Ахъ, говоритъ,

какое благородство! И, стало-быть, бѣшеная собака его задушила? — Нѣтъ, — говорю, — не задушила, а ранила сильно. — Ахъ, — говоритъ, — въ такомъ случаѣ его надо сію минуту пристрѣлить! — Ну, нѣтъ, — говорю, — я на это не согласенъ; я попробую его вылѣчить . . . Тѣмъ временемъ Трезоръ сталъ скрестись въ дверь: я-было пошелъ ему отворять. — Ахъ, — говоритъ, — что вы это? Да онъ насъ всѣхъ перекусаетъ! — Помилуйте! — говорю, — ядъ не такъ скоро дѣйствуетъ. — Ахъ, — говоритъ, — какъ это возможно! Да вы съ ума сошли! — Нимфочка, — говорю, — успокойся, прими резонъ . . . А она, какъ крикнетъ вдругъ: уйдите, уйдите сейчасъ съ вашей противной собакой! — И уйду, — говорю. — Сейчасъ, — говоритъ, — сію секунду! Удались, — говоритъ, — разбойникъ, и на глаза мнѣ не смѣй никогда показываться. Ты самъ можешь взбѣситься! — Очень хорошо-съ, — говорю я; — только дайте мнѣ экипажъ, потому что я теперь пѣшкомъ идти домой опасаюсь. — Она уставилась на меня. — Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочетъ, лишь бы провалился поскорѣе. Ахъ, какіе глаза! ахъ, какіе у него глаза! — Да съ этими словами изъ комнаты вонъ, да встрѣшную дѣвку по щекѣ — и, слышу, съ ней опять припадокъ. — И повѣрите ли вы мнѣ, господа, или нѣтъ, а только съ самаго того дня я съ Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратилъ; а по зрѣломъ соображеніи всѣхъ вещей, не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязанъ моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску.

— Ну-съ, велѣлъ я заложить коляску, усадилъ въ нее Трезора и поѣхалъ къ себѣ домой. Дома я его осмотрѣлъ, обмылъ его раны — да и думаю:

повезу я его завтра, чуть свѣтъ, къ бабкѣ, въ Ефремовскій уѣздъ. А бабка эта — старый мужикъ, удивительный: пошепчетъ на воду — а другіе толкуютъ, что онъ въ нее змѣиную слюну пущаетъ — дастъ выпить — какъ рукою сниметъ. Кстати, думаю, въ Ефремовѣ себѣ кровь брошу: оно противъ испуга хорошо бываетъ; только, разумѣется, не изъ руки, а изъ соколка.

— А гдѣ это мѣсто — соколо̀къ? — съ застѣнчивымъ любопытствомъ спросилъ г. Финоплентовъ.

— А вы не знаете? Самое вотъ это мѣсто, на кулакѣ, подлѣ большого пальца, куда изъ рожка табакъ насыпаютъ — вотъ тутъ! Для кровопусканія первый пунктъ; потому, сами посудите: изъ руки пойдетъ кровь жильная, а тутъ она — наигранная. Доктора этого не знаютъ, и не умѣютъ; гдѣ имъ, дармоѣдамъ, нѣмчурѣ! Больше кузнецы упражняются. И какіе есть ловкіе! Наставитъ долото, молоткомъ тюкнетъ — и готово! . . Ну-съ, пока я этакимъ образомъ размышлялъ, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, пора на боковую. Легъ я въ постель — и Трезоръ, разумѣется, тутъ же. Но отъ испуга ли, отъ духоты ли, отъ блохъ или отъ мыслей — только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пилъ, и окошко отворялъ, и на гитарѣ «камаринскаго» съ итальянскими варіаціями разыгралъ . . . нѣтъ! Претъ меня вонъ изъ комнаты — да и полно! Я рѣшился, наконецъ: взялъ подушку, одѣяло, простыню, да и отправился черезъ садъ въ сѣнной сарай; ну, и расположился тамъ. И такъ мнѣ стало, господа, пріятно: ночь тихая, претихая, только изрѣдка вѣтерокъ словно женской ручкой по щекѣ тебѣ проведетъ, свѣжо таково; сѣно пахнетъ, что твой чай, на яблоняхъ кузне-

чики потрюкиваютъ: тамъ вдругъ перепелъ грянетъ — и чувствуешь ты, что и ему, канашкѣ, хорошо, въ росѣ-то съ подружкой сидючи . . . А на небѣ такое благолѣпіе: звѣздочки теплются, а то тучка наплыветъ, бѣлая, какъ вата — да и та еле движется . . .

На этомъ мѣстѣ разсказа Скворевичъ чихнулъ; чихнулъ и Кинаревичъ, никогда и ни въ чемъ не отстававшій отъ своего товарища. Антонъ Степанычъ посмотрѣлъ одобрительно на обоихъ.

— Ну-съ, — продолжалъ Порфирій Капитонычъ: — вотъ такъ-то лежу я, и опять-таки заснуть не могу. Размышленіе нашло на меня; а размышлялъ я больше о премудрости: что вотъ, какъ молъ это Прохорычъ мнѣ справедливо объяснилъ насчетъ предостереженья — и почему это именно надо мной такія чудеса совершаются? . . Я удивляюсь — собственно потому, что ничего не понимаю — а Трезорушко повизгиваетъ, свернувшись въ сѣнѣ: больно ему отъ ранъ-то. И еще я вамъ скажу, что̀ мнѣ спать мѣшало — вы не повѣрите: мѣсяцъ! Стоитъ онъ прямо передо мной, этакой круглый, большой, желтый, плоскій, и сдается мнѣ, что уставился онъ на меня, ей-Богу; да такъ нагло, назойливо... Я ему даже языкъ наконецъ высунулъ, право. Ну, чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я отъ него — а онъ мнѣ въ ухо лѣзетъ, затылокъ мнѣ озаряетъ, такъ вотъ и обдаетъ, словно дождемъ; открою глаза — что же? Былинку каждую, каждый дрянной сучокъ въ сѣнѣ, паутинку самую ничтожную — такъ и чеканитъ, такъ и чеканитъ! На, молъ, смотри! Нечего дѣлать: оперъ я голову на руку, сталъ смотрѣть. Да и нельзя: повѣрите ли, глаза у меня, какъ у зайца, такъ и пучатся, такъ и раскрываются — словно имъ и неизвѣстно, что̀ за сонъ бываетъ за такой. Такъ, кажется, и

съѣлъ бы все этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верстъ на пять въ полѣ видно: и явственно, и нѣтъ, какъ оно всегда бываетъ въ лунную ночь. Вотъ, гляжу я, гляжу — и не смигну даже . . . И вдругъ мнѣ показалось, какъ будто что-то мотанулось — далеко, далеко . . . такъ, словно что померещилось. Прошло нѣсколько времени: опять тѣнь проскочила — уже немножко ближе; потомъ опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяцъ, что ли? Нѣтъ, думаю, это будетъ покрупнѣе зайца — да и побѣжка не та. Гляжу: опять тѣнь показалась, и движется она уже по выгону (а выгонъ-то отъ луны бѣлесоватый) этакимъ крупнымъ пятномъ; понятное дѣло: звѣрь, лисица или волкъ. Сердце во мнѣ екнуло . . . а, чего, кажись, я испугался? Мало ли всякаго звѣрья ночью по полю бѣгаетъ? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытаращилъ, а самъ вдругъ похолодѣлъ весь, такъ-таки застылъ, точно меня въ ледъ по уши зарыли, а отчего? Господь вѣдаетъ! И вижу я: тѣнь все растетъ, растетъ, значитъ, прямо на сарай катитъ . . . И вотъ, ужъ мнѣ понятно становится, что это — точно звѣрь, большой, головастый . . . Мчится онъ вихремъ, пулей . . . Батюшки! что это? Онъ разомъ остановился, словно почуялъ что . . . Да это . . . это сегодняшняя бѣшеная собака! Она . . . она! Господи! А я-то пошевельнуться не могу, крикнуть не могу . . . Она подскочила къ воротамъ, сверкнула глазами, взвыла — и по сѣну прямо на меня!

А изъ сѣна-то, какъ левъ, мой Трезоръ — и вотъ онъ! Пасть съ пастью такъ и вцѣпились оба — да клубомъ о земь! Что ужъ тутъ происходило — не помню; помню только, что я, какъ былъ, кубаремъ черезъ нихъ, да въ садъ, да домой, къ себѣ въ спальню! . . Чуть подъ кро-

вать не забился — что грѣха таить. А какіе скачки, какія лансады по саду задавалъ! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона въ день его ангела пляшетъ — и та за мной бы не угналась. Однако, опомнившись немного, я тотчасъ же весь домъ на ноги поднялъ; велѣлъ всѣмъ вооружиться, самъ взялъ саблю и револьверъ. (Я, признаться, этотъ револьверъ вскорѣ послѣ эманципаціи купилъ, знаете, на всякій случай — только такой попался бестія разносчикъ; изъ трехъ выстрѣловъ непремѣнно двѣ осѣчки) Ну-съ, взялъ я все это, и такимъ манеромъ мы цѣлой оравой, съ дрекольями, съ фонарями и отправились въ сарай. Подходимъ, окликаемъ — не слыхать ничего; входимъ, наконецъ, въ сарай . . . И что же мы видимъ? Лежитъ мой бѣдный Трезорушко мертвый, съ перерваннымъ горломъ — а той-то, проклятой, и слѣдъ простылъ!

И тутъ я, господа, взвылъ какъ теленокъ и, не стыдясь, скажу: припалъ я къ моему двукратному, такъ сказать, избавителю, и долго лобзалъ его въ голову. И пробылъ я въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока въ чувство меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибѣжала на гвалтъ). — Что это вы, Порфирій Капитонычъ, — промолвила она: — такъ обо псѣ убиваетесь? Да и простудитесь еще, Боже сохрани! (Очень ужъ я былъ налегкѣ) А коли песъ этотъ, васъ спасаючи, жизни рѣшился, такъ для него это за великую милость почесть можно!

Я хотя съ Прасковьей не согласился, однако, пошелъ домой. А бѣшеную собаку на слѣдующій день гарнизонный солдатъ изъ ружья застрѣлилъ. И, стало-быть, ужъ ей такой былъ предѣлъ положо̀нъ: въ первой разъ отродясь солдатъ-то изъ ружья выпалилъ, хоть и медаль имѣлъ за двѣ-

надцатый годъ. Такъ вотъ, какое со мной произошло сверхъестественное событіе.

Разсказчикъ умолкъ и сталъ набивать себѣ трубку. А мы всѣ переглянулись въ недоумѣніи.

— Да вы, можетъ быть, очень праведной жизни, — началъ-было г. Финоплентовъ: — такъ въ возмездіе . . . — Но на этомъ словѣ онъ запнулся, ибо увидалъ, что у Порфирія Капитоныча щеки надулись и покраснѣли, и глаза съежились — вотъ, сейчасъ прыснетъ человѣкъ . . .

— Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ ежедневную, такъ-сказать, жизнь, — началъ снова Антонъ Степанычъ: — то какую же роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ?

Никто изъ насъ ничего не нашелся отвѣтить — и мы, попрежнему, пребывали въ недоумѣніи.

1866 г.

Пегасъ

Охотники часто любятъ хвастать своими собаками и превозносить ихъ качества: это тоже родъ косвеннаго самовосхваленія. Но несомнѣнно то, что между собаками, какъ между людьми, попадаются умницы и глупыши, даровитости и бездарности, и попадаются даже геніи, даже оригиналы*; а разнообразіе ихъ способностей «физическихъ и умственныхъ», нрава, темперамента — не уступитъ разнообразію, замѣчаемому въ людской породѣ. Можно сказать — и не безъ особенной натяжки — что отъ долгаго, за историческія времена восходящаго сожительства собаки съ человѣкомъ, она заразилась имъ — въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ слова: ея собственный нормальный строй несомнѣнно нарушенъ и измѣненъ, — какъ нарушена и измѣнена самая ея внѣшность. Собака стала болѣзненнѣе, нервознѣе, ея годы сократились; но она стала интеллигентнѣе, впечатлительнѣе и сообразительнѣе; ея кругозоръ расширился. Зависть, ревность — и способность къ дружбѣ; отчаянная храбрость, преданность до самоотверженія — и позорная трусость и измѣнчивость; подозрительность, злопамятность —

* Весной 1871 года я видѣлъ въ Лондонѣ, въ одномъ циркѣ, собаку, которая исполняла роль «клоуна», паяца; она обладала несомнѣннымъ комическимъ юморомъ.

и добродушіе; лукавство и прямота — всѣ эти качества проявляются — иногда съ поразительной силой — въ перевоспитанной человѣкомъ собакѣ, которая гораздо больше чѣмъ лошадь заслуживаетъ названіе «самаго благороднаго его завоеванія» — по извѣстному выраженію Бюффона.

Но довольно философствовать: обращаюсь къ фактамъ.

У меня, какъ у всякаго «завзятаго» охотника, перебывало много собакъ, дурныхъ, хорошихъ и отличныхъ — попалась даже одна, положительно сумасшедшая, которая и кончила жизнь свою, выпрыгнувъ въ слуховое окно сушильни, съ четвертаго этажа бумажной фабрики; — но лучшій, безъ всякаго сомнѣнія, песъ, которымъ я когда-либо обладалъ — былъ длинношерстый, черный съ желтыми подпалинами кобель, по кличкѣ «Пегасъ», купленный мной въ окрестностяхъ Карлсруэ у охотника-сторожа (Jagdhüter), за сто двадцать гульденовъ — около восьмидесяти рублей серебромъ. Мнѣ нѣсколько разъ — въ послѣдствіи времени — предлагали за него тысячу франковъ. Пегасъ (онъ живъ еще до сихъ поръ, хотя въ началѣ нынѣшняго года почти внезапно потерялъ чутье, оглохъ, окривѣлъ и совершенно опустился), Пегасъ — крупный песъ съ волнистой шерстью, съ удивительно-красивой, громадной головой, большими карими глазами и необычайно умной и гордой физіономіей. Породы онъ не совсѣмъ чистой: онъ являетъ смѣсь англійскаго сеттера и овчарной нѣмецкой собаки: хвостъ у него толстъ, переднія лапы слишкомъ мясисты, заднія нѣсколько жидки. Силой онъ обладалъ замѣчательной и былъ драчунъ величайшій: на его совѣсти, навѣрно, лежитъ нѣсколько собачьихъ душъ. О

кошкахъ я ужъ не упоминаю. Начну съ его недостатковъ на охотѣ: ихъ немного и перечесть ихъ недолго. Онъ боялся жары, и когда не было близко воды, подвергался тому состоянію, когда говорятъ о собакѣ, что она «зарьяла»; онъ былъ также нѣсколько тяжелъ и медлителенъ въ поискѣ; но такъ какъ чутье у него было баснословное — я ничего подобнаго никогда не встрѣчалъ и не видывалъ — то онъ, все-таки, находилъ дичь скорѣе и чаще, чѣмъ всякая другая собака. Стойка его приводила въ изумленіе, и никогда, никогда! онъ не вралъ. — «Коли Пегасъ стоитъ — значитъ, есть дичь» — было общепринятой аксіомой между всѣми нашими товарищами по охотѣ. Ни за зайцами, ни за какой другой дичью онъ не гонялъ ни шагу; но, не получивъ правильнаго, строгаго, англійскаго воспитанія, онъ, вслѣдъ за выстрѣломъ, не выжидая приказанія, бросался поднимать убитую дичь — недостатокъ важный! Онъ по полету птицы тотчасъ узнавалъ, что она подранена; и если, посмотрѣвъ ей вслѣдъ, отправлялся за нею, поднявъ особеннымъ манеромъ голову, то это служило вѣрнымъ знакомъ, что онъ ее сыщетъ и принесетъ. Въ полномъ развитіи его силъ и способностей, ни одна подстрѣленная дичь отъ него не уходила: онъ былъ удивительнѣйшій «ретри́веръ» (retriever — сыщикъ), какого только можно себѣ представить. Трудно перечесть, сколько онъ отыскалъ фазановъ, забившихся въ густой терновникъ, которымъ наполнены почти всѣ германскіе лѣса, куропатокъ, отбѣжавшихъ чуть не на полверсты отъ мѣста, гдѣ онѣ упали, зайцевъ, дикихъ козъ, лисицъ. Случалось, что его приводили на слѣдъ — два, три, четыре часа послѣ нанесенія раны: сто̀ило сказать ему, не возвышая голоса:

such, verloren! (шершь, потерялъ!) — и онъ немедленно отправлялся курцъ-галопомъ сперва въ одну сторону, потомъ въ другую — наткнувшись на слѣдъ, стремительно, во всѣ лопатки пускался по немъ . . . Минута пройдетъ, другая . . . и уже заяцъ или дикая коза кричитъ подъ его зубами, или, вотъ, уже онъ мчится назадъ съ добычей во рту. Однажды, на заячьей облавѣ, Пегасъ выкинулъ такую удивительную штуку, что я бы едва ли рѣшился разсказать ее, если-бъ не могъ сослаться на цѣлый десятокъ свидѣтелей. Лѣсной загонъ кончился; всѣ охотники сошлись на полянѣ, близъ опушки. — «Я именно здѣсь ранилъ зайца», — сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей и обратился ко мнѣ съ обычной просьбой: направить на слѣдъ Пегаса. Должно замѣтить, что на эти облавы, кромѣ моего пса, прозваннаго «l'illustre Pégase», ни одинъ не допускался. Собаки въ этихъ случаяхъ только мѣшаютъ: сами безпокоятся и безпокоятъ своихъ владѣтелей, да своими движеніями предостерегаютъ и отгоняютъ дичь. Егери-загонщики своихъ собакъ держатъ на сворахъ. Мой Пегасъ, какъ только начиналась облава и раздавались крики — превращался въ истукана, смотрѣлъ внимательно въ чащу лѣса, чуть замѣтно поднимая и опуская уши, и даже дышать переставалъ; дичина могла проскочить подъ самымъ его носомъ — онъ едва дрогнетъ боками или оближется — и только. Однажды заяцъ пробѣжалъ буквально по его лапамъ . . . Пегасъ удовольствовался тѣмъ, что показалъ примѣръ, будто укусить его хочетъ. Возвращаюсь къ разсказу. Я скомандовалъ ему: Such, verloren! онъ отправился — и черезъ нѣсколько мгновеній мы услыхали крикъ пойманнаго зайца — и вотъ, уже мелькаетъ по лѣсу

красивая фигура моего пса, скачетъ онъ прямо ко мнѣ. (Онъ никому другому не отдавалъ своей добычи) Внезапно, въ двадцати шагахъ отъ меня, онъ останавливается, кладетъ зайца на землю — и маршъ-маршъ назадъ! Мы всѣ переглянулись съ изумленіемъ . . . «Что это значитъ? — спрашиваютъ у меня. — Зачѣмъ Пегасъ не донесъ до васъ зайца? Онъ этого никогда не дѣлалъ!» Я не зналъ, что сказать, ибо самъ ничего не понималъ, какъ вдругъ опять въ лѣсу раздается заячій крикъ — и Пегасъ опять мелькаетъ по чащѣ съ другимъ зайцемъ во рту! Дружныя, громкія рукоплесканія его привѣтствовали. Одни охотники могутъ оцѣнить, какое тонкое чутьё, какой умъ и какой расчетъ должны быть у собаки, которая, съ только-что убитымъ, теплымъ зайцемъ во рту, въ состояніи, на всемъ скаку, въ виду хозяина, учуять другого раненаго зайца, и понять, что это издаетъ запахъ именно другой, а не тотъ заяцъ, котораго онъ держитъ между зубами!

Въ другой разъ его навели на слѣдъ раненой дикой козы. Охота происходила на берегу Рейна. Онъ добѣжалъ до берега, бросился направо, потомъ налѣво и, вѣроятно, разсудивъ, что дикая коза, хоть и не дала больше слѣда, пропасть, однако, не могла — бухнулся въ воду, переплылъ рукавъ Рейна (Рейнъ, какъ извѣстно, противъ великаго герцогства баденскаго дѣлится на множество рукавовъ) и, выбравшись на противолежащій, заросшій лозниками, островокъ, схватилъ на немъ козу.

Еще вспоминаю я зимнюю охоту въ самыхъ вершинахъ Шварцвальда. Вездѣ лежалъ глубокій снѣгъ, деревья обросли громаднымъ инеемъ, густой туманъ наполнялъ воздухъ и скрадывалъ очертанья предметовъ. Сосѣдъ мой выстрѣлилъ,

и когда я, по окончаніи облавы, подошелъ къ нему, сказалъ мнѣ, что онъ стрѣлялъ по лисицѣ и вѣроятно ее ранилъ, потому что она взмахнула хвостомъ. Мы пустили по слѣду Пегаса, и онъ тотчасъ же исчезъ въ бѣлой мглѣ, окружавшей насъ. Прошло пять минутъ, десять, четверть часа . . . Пегасъ не возвращался. Очевидно, что мой сосѣдъ попалъ въ лисицу: если дичь не была ранена, и Пегаса посылали попустому, онъ возвращался тотчасъ. Наконецъ, въ отдаленіи раздался глухой лай: онъ примчался къ намъ точно съ другого свѣта. Мы немедленно двинулись по направленію этого лая: мы знали, что когда Пегасъ не въ состояніи былъ принести добычу — онъ лаялъ надъ нею. Руководимые изрѣдка раздававшимися, отрывочными возгласами его баса, мы шли; — и шли мы точно какъ во снѣ — не видя почти, куда ставимъ ноги. Мы поднимались въ гору, спускались въ лощины, въ снѣгу по колѣни, въ сыромъ и холодномъ туманѣ; стеклянныя иглы сыпались на насъ съ потрясенныхъ нами вѣтвей . . . Это было какое-то сказочное путешествіе. Каждый изъ насъ казался другому призракомъ, и все кругомъ имѣло призрачный видъ. Наконецъ, что-то зачернѣло впереди, на днѣ узкой ложбины: то былъ Пегасъ. Сидя на корточкахъ, онъ свѣсилъ морду и, какъ говорится, «насуровился»; а передъ самымъ его носомъ, въ тѣсной ямѣ, между двумя плитами гранита, лежала мертвая лисица. Она заползла туда прежде, чѣмъ околѣла, и Пегасъ не въ состояніи былъ достать ее. Оттого онъ и оповѣстилъ насъ лаемъ.

У него надъ правымъ глазомъ былъ незаросшій шрамъ глубокой раны: эту рану нанесла ему лисица, которую онъ нашелъ еще живою, шесть часовъ послѣ того, какъ по ней

выстрѣлили — и съ которой онъ вступилъ въ смертный бой.

Вспоминаю я еще слѣдующій случай. — Я былъ приглашенъ на охоту въ Оффенбургъ, городъ, лежащій недалеко отъ Бадена? — Эту охоту содержало цѣлое общество спортсменовъ изъ Парижа: дичи въ ней, особенно фазановъ, было множество. — Я, разумѣется, взялъ съ собой Пегаса. Насъ всѣхъ было человѣкъ пятнадцать. У многихъ были отличныя, бо̀льшею частью англійскія, чистокровныя собаки. Переходя съ одной облавы на другую, мы вытянулись въ линію по дорогѣ вдоль лѣса, налѣво отъ насъ зачиналось огромное, пустое поле; посрединѣ этого поля — шагахъ отъ насъ въ пятистахъ — возвышалась небольшая кучка земляныхъ грушъ — (topinambour). Вдругъ мой Пегасъ поднялъ голову, повелъ носомъ по вѣтру и пошелъ размѣреннымъ шагомъ прямо на ту отдаленную кучку засохшихъ и вытянутыхъ, сплошныхъ стеблей. Я остановился и пригласилъ г-дъ охотниковъ идти за моей собакой — ибо «тутъ навѣрное что-нибудь есть». Между тѣмъ, другія собаки подскочили, стали вертѣться и сновать около Пегаса, нюхать землю, оглядываться — но ничего не зачуяли; а онъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ идти, какъ по стрункѣ. — «Заяцъ, должно быть, гдѣ-нибудь въ полѣ залегъ», замѣтилъ мнѣ одинъ парижанинъ. Но я по всей повадкѣ Пегаса, видѣлъ, что это не заяцъ, и вторично пригласилъ г-дъ охотниковъ идти за нимъ. — «Наши собаки ничего не чуютъ, — отвѣчали они мнѣ въ одинъ голосъ: — вѣроятно, ваша ошибается». — (Въ Оффенбургѣ тогда еще не знали Пегаса) Я промолчалъ, взвелъ курки, пошелъ за Пегасомъ, который лишь изрѣдка оглядывался на меня чрезъ плечо

— и добрался, наконецъ, до кучки земляныхъ грушъ. Охотники — хотя и не послѣдовали за мною, однако всѣ остановились и издали смотрѣли на меня. — «Ну, если ничего не будетъ? — подумалъ я: — осрамимся мы, Пегасъ, съ тобою» . . . Но въ это самое мгновенье цѣлая дюжина самцовъ-фазановъ съ оглушительнымъ трескомъ взвилась на воздухъ — и я, къ великой моей радости, сшибъ пару, что не всегда со мной случалось, — ибо я стрѣляю посредственно. — «Вотъ-молъ вамъ, г-да парижане, — и вашимъ чистокровнымъ собакамъ!» — Съ убитыми фазанами въ рукахъ возратился я къ товарищамъ . . . Комплименты посыпались на Пегаса и на меня. Я, вѣроятно, выказалъ удовольствіе на лицѣ; а онъ — какъ ни въ чемъ не бывало! даже не скромничалъ.

Безъ преувеличенія могу сказать, что Пегасъ сплошь да рядомъ зачуевалъ куропатокъ за сто, за двѣсти шаговъ. И несмотря на свой нѣсколько лѣнивый поискъ, какъ обдуманно онъ распоряжался: ни дать, ни взять, опытный стратегикъ! Никогда не опускалъ головы, не внюхивался въ слѣдъ, позорно фыркая и тыкая носомъ; онъ дѣйствовалъ постоянно верхнимъ чутьемъ, dans le grand style la grande manière, какъ выражаются французы. — Мнѣ, бывало, почти съ мѣста сходить не приходилось: только посматриваю за нимъ. Очень забавляло меня охотиться съ кѣмъ-нибудь, кто еще не зналъ Пегаса; получаса не проходило, какъ уже слышались восклицанья: «вотъ такъ собака! Да это — профессоръ!»

Понималъ онъ меня съ полуслова; взгляда было для него достаточно. Ума палата была у этой собаки. Въ томъ, что онъ однажды, отставъ отъ меня, ушелъ изъ Карлсруэ, гдѣ я проводилъ

зиму — и четыре часа спустя очутился въ Баденъ-Баденѣ, на старой квартирѣ, — еще нѣтъ ничего необыкновеннаго; но слѣдующій случай показываетъ, какая у него была голова. Въ окрестностяхъ Баденъ-Бадена какъ-то появилась бѣшеная собака и кого-то укусила; тотчасъ вышелъ отъ полиціи приказъ: всѣмъ собакамъ безъ исключенія надѣть намордники. — Въ Германіи подобные приказы исполняются пунктуально: и Пегасъ очутился въ намордникѣ. Это было ему непріятно до крайности; онъ безпрестанно жаловался — т.-е. садился напротивъ меня — и то лаялъ, то подавалъ мнѣ лапу . . . но дѣлать было нечего, надлежало покориться. — Вотъ, однажды моя хозяйка приходитъ ко мнѣ въ комнату и разсказываетъ, что наканунѣ Пегасъ, воспользовавшись минутой свободы, зарылъ свой намордникъ! — Я не хотѣлъ дать этому вѣры; но нѣсколько мгновеній спустя, хозяйка моя снова вбѣгаетъ ко мнѣ и шопотомъ зоветъ меня поскорѣе за собою. Я выхожу на крыльцо — и что же я вижу? Пегасъ съ намордникомъ во рту пробирается по двору украдкой, словно на цыпочкахъ — и, забравшись въ сарай, принимается рыть въ углу лапами землю — и бережно закапываетъ въ нее свой намордникъ! Не было сомнѣнія въ томъ, что онъ воображаетъ такимъ образомъ навсегда отдѣлаться отъ ненавистнаго ему стѣсненія.

Какъ почти всѣ собаки, онъ терпѣть не могъ нищихъ и дурно одѣтыхъ людей — (дѣтей и женщинъ онъ никогда не трогалъ) — а главное: онъ никому не позволялъ ничего уносить; одинъ видъ ноши за плечами или въ рукѣ возбуждалъ его подозрѣнія — и тогда горе панталонамъ заподозрѣннаго человѣка — и, въ концѣ-концовъ, — горе моему кошельку! — Много пришлось мнѣ

за него переплатить денегъ! Однажды слышу я ужасный гвалтъ въ моемъ палисадникѣ. Выхожу — и вижу — за калиткой — человѣка дурно одѣтаго — съ разодранными «невыразимыми» — а передъ калиткой Пегасъ въ позѣ побѣдителя. Человѣкъ горько жаловался на Пегаса и кричалъ . . . но каменщики, работавшіе на противоположной сторонѣ улицы, съ громкимъ смѣхомъ сообщили мнѣ, что этотъ самый человѣкъ сорвалъ въ палисадникѣ яблоко съ дерева — и только тогда подвергся нападенію Пегаса.

Нрава онъ былъ — нечего грѣха таить — суроваго и крутого; но ко мнѣ привязался чрезвычайно, до нѣжности.

Мать Пегаса была въ свое время знаменитость — и тоже пресуровая нравомъ; даже къ хозяину она не ласкалась. — Братья и сестры его также отличались своими талантами; но изъ многочисленнаго его потомства ни одинъ даже отдаленно не могъ сравниться съ нимъ.

Въ прошломъ (1870) году онъ былъ еще превосходенъ — хотя начиналъ скоро уставать; но въ нынѣшнемъ ему вдругъ все измѣнило. — Я подозрѣваю, что съ нимъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ размягченія мозга. Даже умъ покинулъ его — а нельзя сказать, чтобъ онъ слишкомъ былъ старъ. — Ему всего девять лѣтъ. — Жалко было видѣть эту поистинѣ великую собаку, превратившуюся въ идіота; на охотѣ онъ то принимался безсмысленно искать — т.-е. бѣжалъ впередъ по прямой линіи, повѣсивъ хвостъ и понуривъ голову — то вдругъ останавливался и глядѣлъ на меня напряженно и тупо — какъ бы спрашивая меня, что̀ же надо дѣлать — и что̀ съ нимъ такое приключилось! — Sic transit gloria mundi! Онъ еще живетъ у меня на пенсіонѣ — но ужъ это не прежній Пегасъ —

это жалкая развалина! — Я простился съ нимъ не безъ грусти. — «Прощай! — думалось мнѣ: — мой несравненный песъ! Не забуду я тебя ввѣкъ, и уже не нажить мнѣ такого друга!»

Да едва ли я теперь буду охотиться больше.

Декабрь, 1871.
Парижъ.

О соловьяхъ

Посылаю вамъ, любезный и почтеннѣйшій С. Т., какъ любителю и знатоку всякаго рода охотъ, слѣдующій разсказъ о соловьяхъ, объ ихъ пѣньи, содержаньи, способѣ ловить ихъ и пр., списанный мною со словъ стараго и опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей. Я постарался сохранить всѣ его выраженія и самый складъ рѣчи.

Лучшими соловьями всегда считались курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить — въ началѣ мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ, и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ растетъ; болотные соловьи — самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ; иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ: ночью сдѣлался морозъ, и къ утру въ блинъ льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохенькій; только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся, кафтанъ снялъ, голову

закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтаномъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится, а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку пришпорить, за обѣ ножки привязать, а самому спрятаться да присвистывать дудочкой: такая дудочка дѣлается, въ родѣ пищика. А тайничокъ небольшой изъ сѣтки дѣлается — съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ приспособить надо, а другую только приткнуть — и бечевку къ ней привязать; соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ — тутъ и дернуть за бечевку, тайничокъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку; а другой остороженъ: сперва пониже спустится, да разглядываетъ — его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется сажень въ пять; осыпешь ею кустъ или сухой дромъ, а осыпать надо слабо; какъ только спустится соловей — встанешь и погонишь его въ сѣть; онъ все низомъ летитъ, ну, и повиснетъ въ петелькахъ. Сѣтью ловить можно и безъ самки, одною дудочкой. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску — такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравьиными яйцами — понемножку и почаще; они скоро привыкаютъ и принимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотный соловей не знаетъ муравьиныхъ яицъ — не видалъ никогда — ну, а какъ муравьи станутъ таскать яйца — въ задоръ войдетъ — станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь* дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя, всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то, вотъ еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ этакъ: тру и вдругъ: ви! — этакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна, — а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: Пульканіе — этакъ: пуль, пуль, пуль, пуль . . .

Второе: Клыканіе — клы, клы, клы, какъ желнà.

Третье: Дробь — выходитъ, примѣрно, какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: Раскатъ — трррррр . . .

Пятое: Пленканіе — почти понять можно: плень, плень, плень.

Шестое: Лѣшева дудка — этакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: ту!

Седьмое: Кукушкинъ перелетъ. Самое рѣдкое колѣно; я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: Гусачокъ. Га-га-га-га . . . У малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: Юлиная стукотня. Какъ юла — есть птица, на жаворонка похожая, — или какъ вотъ органчики бываютъ, — этакой круглый свистъ: фюіюіюіюію . . .

Десятое: Починъ — этакъ: тии-вить, нѣжно, малиновкой. Это, по-настоящему, не колѣно, а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго нотнаго соловья оно еще вотъ какъ

* Въ мценскомъ, чернскомъ и бѣлевскомъ уѣздахъ.

бываетъ: начнетъ — тии-вить — а тамъ: тукъ! — Это оттолчкой называется. Потомъ опять — тии-вить . . . тукъ! тукъ! Два раза оттолчка — и въ полъ-удара, этакъ лучше; въ третій разъ: тии-вить — да какъ разсыплетъ вдругъ, с . . . . . с . . , дробью или раскатомъ — едва на ногахъ устоишь — обожжетъ! Этакой соловей называется съ ударомъ или оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое — и смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій — нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать — не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно, дробь, что ли — сперва будто книзу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ — надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у мценскаго купца Ш . . . . ва — вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1,200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаньямъ, хорошаго соловья отъ дурного съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодого отъ стараго отличить можно. У молодого, когда растопыришь ему крылья, есть на перышкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а старый — сѣрѣе. Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый, и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1,200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш . . . въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ. Кормить его надо зимою пруса-

ками или сушеными муравьиными яйцами; только яйца надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловья не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты, подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было нёбко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная эта болѣзнь. Какой и переживетъ — на другую зиму навѣрное околѣетъ. Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать — хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ Рождества — и ближе, сперва потихоньку; съ Великаго поста, съ марта мѣсяца, настоящимъ голосомъ, а къ Петрову дню перестаютъ. Начинаютъ они обыкновенно съ пленканія . . . такъ жалобно, нѣжно: плень . . . плень . . . не громко, а по всей комнатѣ слышно. Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки, душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу — всякій разъ тронетъ, по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаются. Сейчасъ слезы — и вотъ онѣ. Выйдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ Петровки. Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ три, четыре часа, полдня просижу, а ужъ замѣчу мѣсто. Гнѣздо они вьютъ на землѣ — изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываетъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь да посадишь въ западню — сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь всю семейку въ куролеску, да муравьиныхъ яицъ насыплешь и животныхъ муравьевъ напустишь. Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ Петровки изъ гнѣзда

вынешь, живучѣе, и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывелъ, а о Петровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо — и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой ныряетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ — изъ того выйдетъ прокъ — въ двѣ недѣли, пожалуй, готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же вслѣдъ за старикомъ бурлитъ — тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ, да и то сомнительно. Иные охотники секретно, въ шляпахъ, приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ, гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. Оттого лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ — купцы: тысячи рублей не жалѣютъ. Мнѣ бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища, и лошадь была ихняя. Посылали меня къ Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные, хоть пятьдесятъ паръ, въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ; часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ — много это ему мѣшало. Разъ подъ Лебедянью, выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ, разсказываетъ — такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить — а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ.

Вотъ, однако, спустился, погналъ его товарищъ въ сѣть; ткнулся соловей въ сѣть — и повисъ. Сталъ его товарищъ брать — знать, руки у него дрожали — соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ — свистнулъ, запѣлъ и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувствовалъ, какъ кто-то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Что-жъ! Всяко бываетъ. Принялся онъ опять манить его — нѣтъ! не тутъ-то было: оробѣлъ, знать, смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете? Соловей хоть бы чукнулъ — такъ и пропалъ. А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку ȯ-земь грянетъ, да какъ начнетъ себя кулакомъ пȯ лбу бить . . . А то вдругъ остановится и закричитъ: «раскапывайте землю — въ землю уйти хочу, туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому» . . . Вотъ, какъ оно бываетъ чувствительно!

Случается, что другъ у друга норовятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На все нужно умѣнье; да и безъ счастья тоже нельзя. Случается также, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого — молитва. Разъ я-таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ, а ночь такая темная-претемная . . . И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужъ это не по-соловьиному что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ . . . Жутко мнѣ стало, такъ что и сказать нельзя . . . вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики — тѣ не мѣшаютъ: тѣмъ все равно; еще смѣются, пожалуй. Мужикъ грубъ: ему чтȯ соловей, чтȯ зябликъ — все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло — пахать, да на печи лежать съ бабой. А я вамъ теперь все разсказалъ.

Перепелка

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

Дѣло было лѣтомъ. — Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ, въ южной Россіи. Кругомъ хутора на нѣсколько верстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу, ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя, зеленыя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ овраговъ; кой-гдѣ, подъ самой кручью, виднѣлись роднички, съ чистой, какъ слеза, водою; къ нимъ вели протоптанныя тропинки — и возлѣ воды, на сырой грязцѣ, перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ; и какъ только не былъ занятъ по хозяйству — и погода стояла хорошая — онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Зайцами онъ пренебрегалъ, предоставляя ихъ псовымъ охотникамъ, которыхъ величалъ борзятниками. Другой дичи у насъ не водилось, развѣ вотъ осенью налетали вальдшнепы. Но перепеловъ и куропатокъ было много, особенно куропатокъ. По опушкамъ овраговъ то и дѣло попадались разрытые кружки

сухой пыли, мѣстечки гдѣ онѣ копались. Старый Трезоръ тотчасъ дѣлалъ стойку, при чемъ его хвостъ дрожалъ и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо блѣднѣло — и онъ осторожно взводилъ курки. Онъ часто бралъ меня съ собою . . . большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ черезъ плечо фляжку — и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ сапоги; но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ — такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора — съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ. Но отецъ объявилъ мнѣ, что раньше двадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ; и ружье онъ мнѣ дастъ одноствольное и стрѣлять позволитъ только жаворонковъ. Этихъ жаворонковъ въ нашихъ мѣстахъ водилось множество; бывало въ хорошій солнечный день, цѣлые десятки ихъ вились на ясномъ небѣ, поднимаясь все выше и выше и звеня какъ колокольчики. Я глядѣлъ на нихъ какъ на свою будущую добычу и прицѣливался въ нихъ палочкой, которую носилъ на плечѣ замѣсто ружья. Попасть въ нихъ очень легко, когда они въ двухъ, трехъ аршинахъ отъ земли останавливаются въ воздухѣ и трепещутся, прежде чѣмъ вдругъ плюхнуть въ траву. — Иногда далеко въ полѣ, на жнивьѣ или на зеленяхъ торчали драхвы; вотъ, думалось мнѣ, такую большую штуку убить — да послѣ

этого и жить не надо! Я указывалъ на нихъ отцу; но онъ всякій разъ говорилъ мнѣ, что драхва — птица осторожная и человѣка близко не подпускаетъ. Однако, разъ онъ попытался подкрасться къ одинокой драхвѣ, полагая, что она подстрѣленная и отстала отъ своего стада. Велѣлъ Трезору идти за нимъ слѣдомъ — а мнѣ такъ и вовсе остаться на мѣстѣ; зарядилъ ружье картечью, еще разъ обернулся къ Трезору, даже пригрозился ему, шопотомъ скомандовалъ: «арьеръ! арьеръ!» скорчился въ три погибели и пошелъ — не прямо къ драхвѣ, а стороною. Трезоръ хоть и не скорчился, но выступалъ тоже очень удивительно: раскарякой — и хвостъ поджалъ и одну губу закусилъ. — Я не вытерпѣлъ и чуть не ползкомъ отправился за отцомъ и за Трезоромъ. Однако, драхва и на триста шаговъ насъ не подпустила; сперва побѣжала, потомъ замахала крыльями и полетѣла. Отецъ выстрѣлилъ и только вслѣдъ ей посмотрѣлъ . . . Трезоръ выскочилъ впередъ и тоже посмотрѣлъ. Посмотрѣлъ и я . . . и такъ мнѣ обидно стало! Что бы, кажется, ей еще немного подождать! Картечь непремѣнно бы ее достала!

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подъ самый Петровъ день. Въ то время молодыя куропатки еще малы бываютъ, отецъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно — и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. — Когда я ходилъ туда съ сестрой или съ горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ

не рвалъ: я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: «пиль!» и изъ-подъ самаго носа Трезора вскочила перепелка — и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю — точно она была раненая или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею . . . онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ, онъ боялся, что зацѣпитъ дробью собаку. — И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ — и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. — Я подскочилъ. — Что это, говорю: она раненая была? — Нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ отецъ; она не была раненая; а у ней, должно-быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать. — Для чего же она это дѣлаетъ? спросилъ я. — А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. — Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла; ужъ слишкомъ притворилась — и Трезоръ ее поймалъ. — Такъ она не раненая? спросилъ я опять. — Нѣтъ . . . но живой ей не быть . . . Трезоръ ее, должно-быть, давнулъ зубомъ. — Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку — и глядѣла на меня сбоку своимъ каримъ глазкомъ. — И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: за что я умирать должна? — За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла; маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше — и вотъ попалась! Бѣдняжка

я! бѣдняжка! — Несправедливо это! Несправедливо!

— Папаша! сказалъ я, да, можетъ-быть, она не умретъ . . . и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: Нѣтъ! — Вотъ посмотри: у ней сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза. — Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза — я заплакалъ. — Чему ты? спросилъ отецъ и засмѣялся. — Жаль мнѣ ее, — сказалъ я. — Она долгъ свой исполняла, а ее убили! Это несправедливо! — Она схитрить хотѣла, отвѣтилъ мнѣ отецъ. — Только Трезоръ ее перехитрилъ. — Злой Трезоръ! — подумалъ я . . . да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ не добрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ — а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать — такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ-было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее . . . не очнется ли она? — Однако она не шевелилась. — Напрасно, братъ, — сказалъ отецъ: — ее не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается. — Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку — головка опять упала. — Тебѣ все ее жаль? — спросилъ меня отецъ. — А кто же маленькихъ кормить будетъ? — спросилъ я въ свою очередь. — Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня. — Не безпокойся, — говоритъ: — самецъ — перепелъ, отецъ ихъ, выкормитъ. Да вотъ постой, — прибавилъ онъ: — никакъ Трезоръ опятъ стойку дѣлаетъ . . . ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть.

И точно . . . въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ лежали

четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки — и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышатъ . . . точно дрожатъ! А ужъ оперились; пуху на нихъ нѣтъ — только хвостики еще очень короткіе. — Папа! папа! — закричалъ я благимъ матомъ . . . — отзови Трезора! а то онъ ихъ тоже убьетъ!

Отецъ крикнулъ на Трезора, и отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку . . . «Смотрите-молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!» Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу. — Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку? — спросилъ я его. — Изволь. Но что ты хочешь съ ней дѣлать? — Я хочу ее похоронить! — Похоронить?! — Да; возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ; я ей могилочку вырою. — Отецъ удивился. — Чтобъ дѣтки къ ней на могилу ходили? — спросилъ онъ. — Нѣтъ, — отвѣчалъ я: — а такъ . . . мнѣ хочется. — Ей будетъ тутъ хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда! — Отецъ ни слова не промолвилъ; досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку; поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку — и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. — Скоро мы съ отцомъ пошли дальше; но я все оглядывался . . . Крестъ былъ бѣленькій — и далеко виднѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я на небѣ; и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая,

какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у ней маленькій золотой вѣнчикъ; и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала!

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. — Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился. — Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ ихъ увелъ, ихъ отецъ; — и когда, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ . . . И я подумалъ: «Нѣтъ! Папа добрый!»

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ, и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье! Однако, когда я выросъ, я тоже началъ стрѣлять; но настоящимъ охотникомъ никогда не сдѣлался. Вотъ еще, что меня отучило.

Разъ, мы вдвоемъ съ товарищемъ охотились на тетеревовъ. Нашли выводокъ. Матка вскочила, мы выстрѣлили и попали въ нее; но она не упала, а полетѣла дальше, вмѣстѣ съ молодыми тетеревятами. Я было хотѣлъ пойти за ними, но товарищъ сказалъ мнѣ: «Лучше здѣсь присѣсть и подманить ихъ . . . всѣ сейчасъ здѣсь будутъ». Товарищъ отлично умѣлъ свистать, какъ свищутъ тетерева. Мы присѣли; онъ сталъ свистать. — И точно: сперва одинъ молодой откликнулся, потомъ другой, и вотъ слышимъ мы: сама матка квохчетъ да нѣжно такъ и близко. Я приподнялъ голову и вижу: сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшитъ, спѣшитъ, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце! И тутъ я самому себѣ показался такимъ

злодѣемъ! . . Всталъ и захлопалъ въ ладоши. Тетерка тотчасъ же улетѣла — и молодые затихли. Товарищъ разсердился; онъ за сумасшедшаго меня счелъ . . . «Ты, молъ, испортилъ всю охоту!»

Но мнѣ съ того дня все тяжелѣй и тяжелѣй стало убивать и проливать кровь.

Льговъ

— Поѣдемте-ка въ Льговъ, — сказалъ мнѣ однажды уже извѣстный читателямъ Ермолай: — мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго, но, за неимѣніемъ пока другой дичи (дѣло было въ началѣ сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бѣгать по полямъ за куропатками мнѣ надоѣло), я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ — большое степное село съ весьма древней, каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ по серединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то и дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у! Мы пошли-было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самаго берега

утка, птица осторожная, не держится; во-вторыхъ если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошного майера наши собаки не были въ состояніи: несмотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, — промолвилъ, наконецъ, Ермолай: — дѣло не ладно: надо достать лодку . . . Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу, изъ-за густой ракиты, выбѣжала довольно дрянная легавая собака и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блё-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами, небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали, — все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, — началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ Владиміръ . . . Услышавъ о

вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берегъ нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать, ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ, занимающій роли первыхъ любовниковъ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кое-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и, видимо, щеголялъ своими манерами; волокита тоже, должно-быть, былъ страшный и, по всѣмъ вѣроятіямъ, успѣвалъ: русскія дѣвушки любятъ краснорѣчіе. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно, но все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ, не слишкомъ образованный и уже вовсе не «субтильный», началъ-было его «тыкать». Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: «вы-съ» . . .

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? — спросилъ я его. — Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, — возразилъ онъ: — это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать — въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ, мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикулъ-съ, причемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки . . .

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ, и Ермолай, оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка́ есть дощаникъ*, — замѣтилъ Владиміръ: — да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? — спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви. Разсматривая могилы на кладбищѣ, наткнулся я на почернѣвшую, четырехугольную урну съ слѣдующими надписями: на одной сторонѣ, французскими буквами: «Ci gît Théophile-

* Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

Henri, vicomte de Blangy»; на другой: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло французскаго подданнаго, графа Бланжія; родился 1737, умре 1799 года, всего житія его было 62 года»; на третьей: «миръ его праху»; а на четвертой:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ французскій эмигрантъ:
Породу знатную имѣлъ онъ и талантъ.
Супругу и семью оплакавъ избіянну.
Покинулъ родину, тиранами попранну;
Россійскія страны достигнувъ береговъ,
Обрѣлъ на старости гостепріимный кровъ,
Училъ дѣтей, родителей покоилъ . . .
Всевышній Судія его здѣсь успокоилъ».

Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ — прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? — спросилъ я.

— Лодка есть, — отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась; да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! — подхватилъ Ермолай: — паклей затянуть можно.

— Извѣстно, можно, — подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, — съ важностью замѣтилъ мой охотникъ.

— Ну, — сказалъ я Ермолаю: — поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А, вѣдь, этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ? — сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, — отвѣчалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, — замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно спросонья: — да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины.* Однакоже, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ: — такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, — сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону, и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ, по старой привычкѣ, руки за спиной.

— Скажи, пожалуйста, — началъ я: — давно ты здѣсь рыбакомъ?

— Седьмой годъ пошелъ, — отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.

— А прежде чѣмъ ты занимался?

— Прежде ѣздилъ кучеромъ.

— Кто-жъ тебя изъ кучеровъ разжаловалъ?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что̀ насъ-то купила. Вы не изволите знать: Алёна Тимофѣвна, толстая такая . . . немолодая.

* Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

— Съ чего-жъ она вздумала тебя въ рыболовы произвести?

— А Богъ ее знаетъ. Пріѣхала къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ . . . А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: ты чѣмъ былъ? Говорю: кучеромъ. — Кучеромъ? ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, будь у меня рыболовомъ, и бороду сбрей. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь? . . Съ тѣхъ поръ, вотъ, я въ рыболовахъ и числюсь. — Да прудъ у меня, смотри, содержать въ порядкѣ . . . А какъ его содержать въ порядкѣ?

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергѣя Сергѣича Пехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами не долго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то, вотъ, я кучеромъ и ѣздилъ . . . да не въ городѣ — тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ.

— И ты смолоду все былъ кучеромъ?

— Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣичѣ, а прежде поваромъ былъ, — но не городскимъ поваромъ, а такъ, въ деревнѣ.

— У кого-жъ ты былъ поваромъ?

— А у прежняго барина, у Аѳанасія Нефедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди. Льговъ-то онъ купилъ, Аѳанасій Нефедычъ купилъ, а Сергѣю Сергѣичу имѣнье-то по наслѣдствію досталось.

— У кого купилъ?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вотъ, что̀ въ запрошломъ году умерла, подъ Болховымъ . . . то-бишь подъ Карачевымъ, въ дѣвкахъ . . . И замужемъ не бывала. Не изволите знать? Мы къ ней поступили отъ ея батюшки, отъ Василья Семеныча. Она-таки долго́нько нами владѣла . . . годиковъ двадцать.

— Что-жъ, ты у ней былъ поваромъ?

— Сперва, точно, былъ поваромъ, а то и въ кофишенки попалъ.

— Во что?

— Въ кофишенки.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ, и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время былъ кофише́нкомъ?

— Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ.

— Неужели?

— Какъ же, былъ . . . на кеятрѣ игралъ. Барыня наша кеятръ у себя завела.

— Какія же ты роли занималъ?

— Чего изволите-съ?

— Что ты дѣлалъ на театрѣ?

— А вы не знаете? Вотъ, меня возьмутъ и нарядятъ; я такъ и хожу наряженный, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что̀ говори, — я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ . . Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили . . . Какъ же!

— А потомъ чѣмъ былъ?

— А потомъ опять въ повара поступилъ.

— За что же тебя въ повара разжаловали?

— А братъ у меня сбѣжалъ.

Ну, а у отца твоей первой барыни чѣмъ ты былъ?

— А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.

— Доѣзжачимъ? . . И съ собаками ѣздилъ?

— Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошадью упалъ и лошадь зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ престрогій; велѣлъ меня выпороть, да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику.

— Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?

— Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцат слишкомъ.

— Какое-жъ тутъ ученье въ двадцат лѣтъ?

— Стало-быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро умеръ, — меня въ деревню и вернули.

— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучокъ приподнялъ свое худенькое и желтенькое лицо и усмѣхнулся.

— Да развѣ этому учатся? . . Стряпаютъ же бабы!

— Ну, — промолвилъ я: — видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что-жъ ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели. А то вотъ другого, такого же, какъ я, старика — Андрея Пупыря — въ бумажную фабрику, въ черпальную, барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть . . . А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить обѣщался объ немъ барынѣ, напомнить. Вотъ-те и напомнилъ! . . А Пупырь въ моихъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?

— Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница — царство ей небесное! — никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что̀ за баловство! чего имъ надо?

— Чѣмъ же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье! . . . Харчи выдаются — и то слава Тебѣ, Господи! много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!

Ермолай вернулся.

— Справлена лодка, — произнесъ онъ сурово. — Ступай за шестомъ — ты! . . .

Сучокъ побѣжалъ за шестомъ. Во все время моего разговора съ бѣднымъ старикомъ, охотникъ Владиміръ поглядывалъ на него съ презрительной улыбкой.

— Глупый человѣкъ-съ, — промолвилъ онъ, когда тотъ ушелъ: — совершенно необразованный человѣкъ, мужикъ-съ, больше ничего-съ. Дворовымъ человѣкомъ его назвать нельзя-съ . . . и все хвасталъ-съ . . . Гдѣ-жъ ему быть актеромъ-съ, сами извольте разсудить-съ! Напрасно изволили безпокоиться, изволили съ нимъ разговаривать-съ.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на дощаникѣ Сучка. (Собакъ мы оставили въ избѣ, подъ надзоромъ кучера Іегудіила) Намъ не очень было ловко, но охотники народъ не разборчивый. У тупого, задняго конца стоялъ Сучокъ и «пихался»; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой

длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, «срывались» съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ, выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними: весело было видѣть, какъ эти кургузыя птицы кувыркались на воздухѣ, тяжко шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли; иныя, убитыя наповалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но, все-таки, къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично, и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно; я — довольно плохо, по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: «вонъ, вонъ еще утица!» — и то-и-дѣло почесывалъ спину — не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ

посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника, — какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось, и торжественно пошло ко дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно; черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно-быть, по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу, ты, пропасть! — пробормоталъ онъ плюнувъ въ воду: — какая оказія! А все ты, старый чортъ! — прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виноватъ, — пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, — продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты . . .

Но Владиміру было ужъ не до возраженій: онъ дрожалъ какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безсмысленно улыбался. Куда

дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства!

Проклятый дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами . . . Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся; кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, виднѣлся берегъ. «Плохо», — подумалъ я.

— Какъ намъ быть? — спросилъ я Ермолая.

— А вотъ, посмотримъ: не ночевать же здѣсь, — отвѣтилъ онъ. — На̀, ты, держи ружье, — сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду, сыщу бродъ, — продолжалъ Ермолай съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ, — взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь ли плавать? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, — раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, — равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался, и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ, — жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ, умолкъ совершенно. Въ селѣ зазво-

нили къ вечернѣ. Межъ собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами; иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, «коломъ», и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашелъ . . . Пойдемте.

Мы хотѣли-было тотчасъ же отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухсотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: «лѣвѣй, — тутъ направо колдобина!» или: «правѣй, — тутъ налѣво завязнешь» . . . Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри. — «Ну, ну, ну!» — грозно кричалъ на него Ермолай, — и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки-выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, до берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ, и собирались ужинать. Кучеръ Іегудіилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый

на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно потчивалъ табакомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся) Сучокъ нюхалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ головку на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ . . . Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна . . . На селѣ раздавались пѣсни.

Часы

(Разсказъ старика)

I

Разскажу вамъ мою исторію съ часами . . .

Курьезная исторія!

Дѣло происходило въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1801 году. Мнѣ только-что пошелъ шестнадцатый годъ. Жилъ я въ Рязани, въ деревянномъ домикѣ, недалеко отъ берега Оки — вмѣстѣ съ отцомъ, теткой и двоюроднымъ братомъ. Мать свою я не помню: она скончалась года три послѣ замужества; кромѣ меня, у отца моего дѣтей не было. Звали его Порфиріемъ Петровичемъ. Человѣкъ онъ былъ смирный, собою неказистый, болѣзненный; занимался хожденіемъ по дѣламъ тяжебнымъ — и инымъ. Въ прежнія времена подобныхъ ему людей обзывали подьячими, крючками, крапивнымъ сѣменемъ; самъ онъ величалъ себя стряпчимъ. Нашимъ домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала его сестра, а моя тетка — старая, пятидесятилѣтняя дѣва; моему отцу тоже минулъ четвертый десятокъ. Большая она была богомолка — прямо сказать: ханжа, тараторка, всюду носъ свой совала; да и сердце у ней было не то, что у отца — недоброе. Жили мы — не бѣдно, а въ обрѣзъ. Былъ у моего отца еще братъ, Егоръ по имени; да того, за какіе-то якобы «возмутитель-

ные поступки и якобинскій образъ мыслей» (такъ именно стояло въ указѣ) сослали въ Сибирь еще въ 1797 году.

Егоровъ сынъ, Давыдъ, мой двоюродный братъ, остался у моего отца на рукахъ и проживалъ съ нами. Онъ былъ старше меня однимъ только годомъ; но я преклонялся передъ нимъ и повиновался ему, какъ будто онъ былъ совсѣмъ большой. Малый онъ былъ не глупый, съ характеромъ, изъ себя плечистый, плотный, лицо четыреугольное, весь въ веснушкахъ, волосы рыжіе, глаза сѣрые, небольшіе, губы широкія, носъ короткій, пальцы тоже короткіе — крѣпышъ что называется — и сила не по лѣтамъ! Тетка терпѣть его не могла; а отецъ — такъ даже боялся его . . . или, можетъ-быть, онъ передъ нимъ себя виноватымъ чувствовалъ. Ходила молва, что не проболтайся мой отецъ, не выдай своего брата, — Давыдова отца не сослали бы въ Сибирь! Учились мы оба въ гимназіи, въ одномъ классѣ, и оба порядочно; я даже нѣсколько получше Давыда . . . Память у меня была острѣй; но мальчики — дѣло извѣстное! — этимъ превосходствомъ не дорожатъ и не гордятся, и Давыдъ все-таки оставался моимъ вожакомъ.

II

Зовутъ меня — вы знаете — Алексѣемъ. Я родился 7-го, а именинникъ я 17-го марта. Мнѣ, по старозавѣтному обычаю, дали имя одного изъ тѣхъ святыхъ, праздникъ которыхъ приходится на десятый день послѣ рожденія. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ нѣкто Анастасій Анастасьевичъ Пучковъ, или собственно: Настасѣй Настасѣичъ; иначе никто его не величалъ. Сутяга былъ онъ страшный, кляузникъ,

взяточникъ — дурной человѣкъ совсѣмъ; его изъ губернаторской канцеляріи выгнали, и подъ судомъ онъ находился не разъ; отцу онъ бывалъ нуженъ . . . Они вмѣстѣ «промышляли». Изъ себя онъ былъ пухлый да круглый; а лицо — какъ у лисицы, носъ шиломъ; глаза каріе, свѣтлые, тоже какъ у лисицы. И все онъ ими двигалъ, этими глазами, направо да налѣво, и носомъ тоже водилъ — словно воздухъ нюхалъ. Башмаки носилъ безъ каблуковъ и пудрился ежедневно, что въ провинціи тогда считалось большою рѣдкостью. Онъ увѣрялъ, что безъ пудры ему быть нельзя, такъ какъ ему приходится знаться съ генералами и съ генеральшами.

И вотъ, наступилъ мой именинный день. Приходитъ Настасѣй Настасѣичъ къ намъ въ домъ и говоритъ:

— Ничѣмъ-то я досéлева, крестничекъ, тебя не дарилъ; зато, посмотри, каку штуку я тебѣ принесъ сегодня!

И достаетъ онъ тутъ изъ кармана серебряные часы луковицей, съ написаннымъ на циферблатѣ розаномъ и съ бронзовой цѣпочкой! Я такъ и сомлѣлъ отъ восторга, — а тетка, Пелагея Петровна, какъ закричитъ во все горло:

— Цѣлуй руку, цѣлуй руки, паршивый!

Я сталъ цѣловать у крестнаго отца руку, а тетка знай причитываетъ:

— Ахъ, батюшка, Настасѣй Настасѣичъ, зачѣмъ вы его такъ балуете! Гдѣ ему съ часами справиться? Уронитъ онъ ихъ, навѣрное, разобьетъ или сломаетъ!

Вошелъ отецъ, посмотрѣлъ на часы, поблагодарилъ Настасѣича — небрежно таково, да и позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. И слышу я, говоритъ отецъ, словно про себя:

— Коли ты, братъ, этимъ думаешь отдѣлаться . . .

Но я уже не могъ устоять на мѣстѣ, надѣлъ на себя часы и бросился стремглавъ показывать свой подарокъ Давыду.

III

Давыдъ взялъ часы, раскрылъ и внимательно разсмотрѣлъ ихъ. У него большія были способности къ механикѣ; онъ любилъ возиться съ желѣзомъ, мѣдью, со всякими металлами; онъ обзавелся разными инструментами, и поправить или даже заново сдѣлать винтъ, ключъ и т. п. — ему ничего не стоило.

Давыдъ повертѣлъ часы въ рукахъ и, пробурчавъ сквозь зубы (онъ вообще былъ неразговорчивъ):

— Старые . . . плохіе . . . — прибавилъ: — откуда?

Я ему сказалъ, что подарилъ мнѣ ихъ мой крестный.

Давыдъ вскинулъ на меня свои сѣрые глазки:

— Настасѣй?

— Да; Настасѣй Настасѣичъ.

Давыдъ положилъ часы на столъ и отошелъ прочь, молча.

— Они тебѣ нравятся? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не то . . . А я, на твоемъ мѣстѣ, отъ Настасѣя никакого подарка бы не принялъ.

— Почему?

— Потому что человѣкъ онъ дрянь; а дряни-человѣку одолжаться не слѣдуетъ. Еще спасибо ему говори. Чай, руку у него поцѣловалъ?

— Да, тетка заставила.

Давыдъ усмѣхнулся, — какъ-то особенно, въ носъ. Такая у него была повадка. Громко онъ

никогда не смѣялся: онъ считалъ смѣхъ признакомъ малодушія.

Слова Давыда, его безмолвная улыбка, меня глубоко огорчили. Стало-быть, подумалъ я, онъ меня внутренно порицаетъ! Стало-быть, я тоже дрянь въ его глазахъ! Самъ онъ никогда цо этого бы не унизился, не принялъ бы подачки отъ Настасѣя! Но что мнѣ теперь остается сдѣлать?

Отдать часы назадъ невозможно!

Я попытался-было заговорить съ Давыдомъ, спросить его совѣта. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что никому совѣтовъ не даетъ, и чтобъ я поступилъ, какъ знаю. — Какъ знаю?! Помнится, я всю ночь потомъ не спалъ: раздумье меня мучило. Жаль было лишиться часовъ — я ихъ положилъ возлѣ постели, на ночной столикъ; они такъ пріятно и забавно постукивали . . . Но чувствовать, что Давыдъ меня презираетъ . . . (Да, нечего обманываться! онъ презираетъ меня!) . . . это мнѣ казалось невыносимымъ! Къ утру во мнѣ созрѣло рѣшеніе . . . Я, правда, всплакнулъ — но и заснулъ зато, и какъ только проснулся — наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Я рѣшился отдать мои часы первому бѣдному, котораго встрѣчу.

IV

Я не успѣлъ отбѣжать далеко отъ дому, какъ уже наткнулся на то, что искалъ. Мнѣ попался мальчикъ лѣтъ десяти, босоногій оборвышъ который часто шлялся мимо нашихъ оконъ. Я тотчасъ подскочилъ къ нему, и не давъ ни ему, ни себѣ времени опомниться — предложилъ ему мои часы.

Мальчикъ вытаращилъ глаза, одной рукой заслонилъ ротъ, какъ бы боясь обжечься — и протянулъ другую.

— Возьми, возьми, — пробормоталъ я: — они мои, я тебѣ дарю ихъ — можешь продать ихъ и купить себѣ . . . ну, тамъ, что-нибудь нужное... Прощай!

Я всунулъ часы ему въ руку — и во всю прыть пустился домой. Постоявши немного въ нашей общей спальнѣ за дверью и переведя духъ, я приблизился къ Давыду, который только-что кончилъ свой туалетъ и причесывалъ себѣ волосы.

— Знаешь что, Давыдъ? — началъ я, какъ можно болѣе спокойнымъ голосомъ. — Я Настасѣевы часы-то отдалъ.

Давыдъ глянулъ на меня и провелъ щеткой по вискамъ.

— Да, — прибавилъ я все тѣмъ же дѣловымъ тономъ: — я ихъ отдалъ. Тутъ есть такой мальчикъ, очень бѣдный, нищій: такъ вотъ, ему.

Давыдъ положилъ щетку на умывальный столикъ.

— Онъ можетъ за деньги, которыя выручитъ, — продолжалъ я: — пріобрѣсти какую-нибудь полезную вещь. Все-таки, за нихъ онъ что-нибудь получитъ.

Я умолкъ.

— Ну, что-жъ! дѣло хорошее! — проговорилъ, наконецъ, Давыдъ, и пошелъ въ классную. Я послѣдовалъ за нимъ.

— А коли тебя спросятъ — куда ты ихъ дѣлъ? — обратился онъ ко мнѣ.

— Я скажу, что я ихъ обронилъ, — отвѣчалъ я небрежно.

Больше о часахъ между нами въ тотъ день уже не было рѣчи; а все-таки мнѣ сдавалось, что Давыдъ не только одобрялъ меня — но . . . до нѣкоторой степени . . . даже удивлялся мнѣ. — Право!

V

Прошло еще два дня. Случилось такъ, что никто у насъ въ домѣ часовъ не хватился. У отца вышла какая-то крупная непріятность съ однимъ изъ его довѣрителей: ему было не до меня и не до моихъ часовъ. Зато я безпрестанно думалъ о нихъ! Даже одобреніе . . . предполагаемое одобреніе Давыда меня не слишкомъ утѣшало. Онъ же ничѣмъ особенно его не выказывалъ: всего только разъ сказалъ — и то вскользь — что не ждалъ отъ меня такой удали. Рѣшительно: пожертвованіе мое приходилось мнѣ въ убытокъ, оно не уравновѣшивалось тѣмъ удовольствіемъ, которое мое самолюбіе мнѣ доставляло.

А тутъ еще, какъ нарочно, подвернись другой знакомый намъ гимназистъ, сынъ городского доктора — и начни хвастаться новыми, и не серебряными, а томпаковыми часами, которые подарила ему его бабушка . . .

Я не вытерпѣлъ, наконецъ, — и, тихомолкомъ выскользнувъ изъ дому, принялся отыскивать того самаго нищаго мальчика, которому я отдалъ свои часы.

Я скоро нашелъ его: онъ съ другими мальчиками игралъ у церковной паперти въ бабки. Я отозвалъ его въ сторону — и, задыхаясь и путаясь въ рѣчахъ, сказалъ ему, что мои родные гнѣваются на меня за то, что я отдалъ часы, — и что если онъ согласится мнѣ ихъ возвратить, то я ему съ охотой заплачу за нихъ деньгами . . . Я, на всякій случай, взялъ съ собою старинный, елизаветинскій рубль, весь мой наличный капиталъ . . .

— Да у меня ихъ нѣту-ти, часовъ-то вашихъ, — отвѣчалъ мальчикъ сердитымъ и плаксивымъ голосомъ: — батька мой увидалъ ихъ у меня,

да отнялъ; еще пороть меня собирался. Ты ихъ, — говоритъ, — должно, укралъ гдѣ-нибудь, — какой дуракъ тебя часами дарить станетъ!

— А кто твой отецъ?

— Мой отецъ? Трофимычъ.

— Да кто онъ такой? Какое его занятіе?

— Онъ — солдатъ отставной — сражантъ. А занятія у него никакого нѣту. Старые башмаки чинитъ, подметки строчаетъ. Вотъ и все его занятіе. Тѣмъ и живетъ.

— Гдѣ ваша квартира? Сведи меня къ нему.

— И то сведу. Вы ему скажите, батькѣ-то, что вы мнѣ часы подарили. А то, онъ меня все попрекаетъ. Воръ, да воръ! И мать туда же: въ кого, молъ, ты воромъ уродился?

Мы съ мальчикомъ отправились на его квартиру. Она помѣщалась въ курной избушкѣ, на заднемъ дворѣ давнымъ-давно сгорѣвшей и не отстроенной фабрики. И Трофимыча, и жену его мы застали дома. Отставной «сражантъ» былъ высокаго роста старикъ, жилистый и прямой, съ желто-сѣдыми бакенами, небритымъ подбородкомъ и цѣлой сѣтью морщинъ на щекахъ и на лбу. Жена его казалась старше его: красные ея глазки уныло моргали и ёжились посреди болѣзненно-припухлаго лица. На обоихъ висѣли какія-то темныя лохмотья вмѣсто одежды.

Я объяснилъ Трофимычу, въ чемъ было дѣло и зачѣмъ я пришелъ. Онъ выслушалъ меня молча, ни разу не смигнувъ и не спуская съ меня своего тупого и напряженнаго — прямо солдатскаго взгляда.

— Баловство! — промолвилъ онъ, наконецъ, хриплымъ, беззубымъ басомъ. — Развѣ такъ благородные господа поступаютъ? А коли если Петька точно часы не укралъ — такъ за это ему — ррразъ! Не балуй съ барчуками! А укралъ

бы — такъ я-бъ его не такъ! Рразъ! рразъ! рразъ! Фуктелями, по-калегвардски! чего смотрѣть-то? Что за притча? Ась?! Шпонтонами ихъ! Вотъ такъ исторія?! Тьфу!

Это послѣднее восклицаніе Трофимычъ произнесъ фальцетомъ. Онъ, очевидно, недоумѣвалъ.

— Если вы хотите возвратить мнѣ часы, — пояснилъ я ему . . . я не смѣлъ его «тыкать», даромъ, что онъ былъ простой солдатъ . . . — то я вамъ съ удовольствіемъ заплачу вотъ этотъ рубль. Больше они, я полагаю, не стоятъ.

— Ннну! — проворчалъ Трофимычъ, не переставая недоумѣвать и, по старой памяти, поѣдая меня глазами, словно я былъ начальникъ какой. — Эко дѣло — а? — Нуко-ся, раскуси его! . . Ульяна, молчи! — окрысился онъ на жену, которая разинула-было ротъ. — Вотъ часы, — прибавилъ онъ, раскрывая ящикъ стола: — коли они ваши точно — извольте получить; а рубль-то за что? Ась?

— Бери рубль, Трофимычъ, безпутный, — завопила жена. — Изъ ума выжилъ, старый! Алтына за душой нѣтъ, а туда же, важничаетъ! Косу тебѣ напрасно только отрубили, а то — та же баба! Какъ такъ — ничего не знамши . . . Бери деньги, коли ужъ часы отдавать вздумалъ!

— Ульяна, молчи, паскудница! — повторилъ Трофимычъ. — Гдѣ это видано — разговаривать? А? Мужъ — глава; а она — разговаривать? Петька, не шевелись, убью! . . Вотъ часы!

Трофимычъ протянулъ ко мнѣ часы, но не выпускалъ ихъ изъ пальцевъ.

Онъ задумался, потупился, потомъ уставилъ на меня тотъ же пристально-тупой взоръ — да вдругъ, какъ гаркнетъ во всю глотку:

— А гдѣ-жъ онъ? Рубль-то гдѣ?

— Вотъ онъ, вотъ, — поспѣшно промолвилъ я, и выхватилъ монету изъ кармана.

Но онъ ея не бралъ, и все смотрѣлъ на меня. Я положилъ рубль на столъ. Онъ вдругъ смахнулъ его въ ящикъ, швырнулъ мнѣ часы и, повернувшись налѣво кругомъ и сильно топнувъ ногою, прошипѣлъ на жену и на сына:

— Вонъ, сволочь!

Ульяна что-то залепетала — но я уже выскочилъ на дворъ, на улицу. Засунувъ часы въ самую глубь кармана и крѣпко стискивая ихъ рукою, я примчался домой.

VI

Я снова вступилъ во владѣніе часами, но удовольствія оно мнѣ не доставило никакого. Носить я ихъ не рѣшался: нужно было пуще всего скрыть отъ Давыда то, что я сдѣлалъ. Что бы онъ подумалъ обо мнѣ, о моей безхарактерности? Даже запереть въ ящикъ эти злополучные часы я не могъ: у насъ всѣ ящики были общіе. Приходилось прятать ихъ то на верху шкапа, то подъ матрацомъ, то за печкой... И, все-таки, мнѣ не удалось обмануть Давыда!

Однажды я, доставъ изъ-подъ половицы нашей комнаты часы, вздумалъ потереть ихъ серебряную спинку старой замшевой перчаткой. Давыдъ ушелъ куда-то въ городъ; я никакъ не ожидалъ, что онъ скоро вернется... вдругъ онъ — шасть въ дверь!

Я до того смутился, что чуть не выронилъ часовъ, и весь потерянный, съ зардѣвшимся до боли лицомъ принялся ёрзать ими по жилету, никакъ не попадая въ карманъ.

Давыдъ посмотрѣлъ на меня и, по своему обыкновенію, улыбнулся молча.

— Чего ты? — промолвилъ онъ, наконецъ. — Ты думаешь, я не зналъ, что часы опять у тебя? Я въ первый же день, какъ ты ихъ принесъ, увидѣлъ ихъ.

— Увѣряю тебя, — началъ я чуть не со слезами.

Давыдъ пожалъ плечомъ.

— Часы твои; ты воленъ съ ними дѣлать, что хочешь.

Сказавъ эти жестокія слова, онъ вышелъ.

На меня нашло отчаяніе. На этотъ разъ уже не было никакого сомнѣнія: Давыдъ дѣйствительно презиралъ меня!

Этого нельзя было такъ оставить.

«Докажу-жъ я ему», подумалъ я, стиснувъ зубы, и тотчасъ же, твердымъ шагомъ отправившись въ переднюю, отыскалъ нашего казачка Юшку и подарилъ ему часы!

Юшка сталъ-было отказываться, но я ему объявилъ, что если онъ не возьметъ у меня этихъ часовъ, я сію же минуту раздавлю, растопчу ихъ ногами, расшибу ихъ вдребезги, брошу въ помойную яму! Онъ подумалъ, хихикнулъ и взялъ часы. А я возвратился въ нашу комнату, и, увидавъ Давыда, читавшаго книгу, разсказалъ ему свой поступокъ.

Давыдъ не отвелъ глазъ отъ страницы и опять, пожавъ плечомъ и улыбнувшись про себя, промолвилъ, что часы, молъ, твои, и ты въ нихъ воленъ.

Но мнѣ показалось, что онъ уже немножко меньше презиралъ меня.

Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что никогда болѣе пе подвергнусь новому упреку въ безхарактерности, ибо эти часы, этотъ гадкій подарокъ моего гадкаго крестнаго, мнѣ вдругъ до такой степени опротивѣли, что я даже никакъ не въ

состоянiи былъ понять, какъ могъ я сожалѣть о нихъ, какъ могъ выканючивать ихъ у какого-то Трофимыча, который, къ тому же, еще въ правѣ думать, что обошелся со мною великодушно.

Прошло нѣсколько дней . . . Помнится, въ одинъ изъ нихъ достигла и до нашего города великая вѣсть: императоръ Павелъ скончался, и сынъ его, Александръ, про благодушiе и человѣколюбiе котораго носилась такая хорошая молва, вступилъ на престолъ. Вѣсть эта страшно взволновала Давыда: возможность свиданiя, близкаго свиданiя съ отцомъ тотчасъ представилась ему. Мой батюшка тоже обрадовался.

— Всѣхъ ссыльныхъ теперь возвратятъ изъ Сибири, и брата Егора, чай, не забудутъ, — повторялъ онъ, потирая руки, кашляя и въ то же время словно робѣя.

Мы съ Давыдомъ тотчасъ бросили работать и ходить въ гимназiю; мы даже не гуляли, а все сидѣли гдѣ-нибудь въ уголку, да разсчитывали и соображали, черезъ сколько мѣсяцевъ, сколько недѣль, сколько дней долженъ былъ вернуться «братъ Егоръ», и куда было ему писать, и какъ пойти ему навстрѣчу, и какимъ образомъ мы начнемъ жить потомъ? «Братъ Егоръ» былъ архитекторомъ: мы съ Давыдомъ рѣшили, что ему слѣдовало переселиться въ Москву и строить тамъ большiя училища для бѣдныхъ людей, а мы бы пошли ему въ помощники. О часахъ мы, разумѣется, забыли совершенно; къ тому-жъ у Давыда завелись новыя заботы . . . о нихъ рѣчь впереди; но часамъ было еще суждено напомнить о себѣ.

VII

Въ одно утро, мы только что успѣли позавтракать — я сидѣлъ одинъ подъ окномъ и

размышлялъ о возвращенiи дяди — апрѣльская оттепель па́рила и сверкала на дворѣ — вдругъ въ комнату вбѣжала Пульхерiя Петровна. Она во всякое время была очень проворна и егозлива, говорила пискливымъ голоскомъ и все размахивала руками, а тутъ она просто такъ и накинулась на меня.

— Ступай! ступай сейчасъ къ отцу, судырь! — затрещала она. — Что это за шашни ты тутъ затѣялъ, безстыдникъ этакой! Вотъ будетъ ужо вамъ обоимъ! Настасѣй Настасѣичъ всѣ ваши проказы на чистую воду вывелъ — ... Ступай! Отецъ тебя зоветъ . . . Сею минутою ступай!

Ничего еще не понимая, послѣдовалъ я за теткой — и перешагнувъ порогъ гостиной, увидалъ отца, ходившаго большими шагами взадъ и впередъ и ерошившаго хохолъ, Юшку въ слезахъ у двери, а въ углу, на стулѣ, моего крестнаго, Настасѣя Настасѣича — съ выраженiемъ какого-то особеннаго злорадства въ раздутыхъ ноздряхъ и загорѣвшихся, перекосившихся глазахъ.

Отецъ, какъ только я вошелъ, налетѣлъ на меня.

— Ты подарилъ часы Юшкѣ? сказывай!

Я взглянулъ на Юшку . . .

— Сказывай же! — повторилъ отецъ и затопалъ ногами.

— Да, — отвѣчалъ я, и немедленно получилъ размашистую пощечину, доставившую большое удовольствiе моей теткѣ. Я слышалъ, какъ она крякнула, словно глотокъ горячаго чаю отхлебнула. — Отецъ отъ меня перебѣжалъ къ Юшкѣ.

— А ты, подлецъ, не долженъ былъ смѣть принять часы въ подарокъ, — приговаривалъ онъ, таская его за волосы: — а ты ихъ еще продалъ, бездѣльникъ!

Юшка, дѣйствительно, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ простотѣ сердца снесъ мои часы къ сосѣднему часовщику. — Часовщикъ вывѣсилъ ихъ передъ окномъ; Настасѣй Настасѣичъ, проходя мимо, увидалъ ихъ, выкупилъ и принесъ къ намъ въ домъ.

Впрочемъ, расправа со мной и съ Юшкой продолжалась недолго: отецъ запыхался, закашлялся, да и не въ нравѣ его было сердиться.

— Братецъ, Порфирій Петровичъ, — промолвила тетка, какъ только замѣтила, не безъ нѣкотораго, конечно, сожалѣнія, что сердце съ отца, какъ говорится, соскочило: — вы больше не извольте безпокоиться: не сто̀итъ ручекъ вашихъ марать. А я вотъ что предлагаю: съ согласія почтеннаго Настасѣя Настасѣича, и по причинѣ такой большой неблагодарности вашего сынка — я часы эти возьму къ себѣ; а такъ какъ онъ поступкомъ своимъ доказалъ, что недостоинъ носить ихъ и даже цѣны имъ не понимаетъ, то я ихъ отъ вашего имени подарю одному человѣку, который очень будетъ чувствовать вашу ласку.

— Кому это? — спросилъ отецъ.

— А Хрисанѳу Лукичу, — промолвила тетка съ небольшой запинкой.

— Хрисашкѣ? — переспросилъ отецъ и, махнувъ рукой, прибавилъ: — мнѣ все едино. Хоть въ печку ихъ бросайте.

Онъ застегнулъ распахнувшійся камзолъ и вышелъ, корчась отъ кашля.

— А вы, родной, согласны? — обратилась тетка къ Настасѣю Настасѣичу.

— Съ истинной моей готовностью, — отвѣчалъ тотъ. — Въ продолженіе всей «расправы» онъ не шевелился на своемъ стулѣ, а только тихонько пофыркивая и тихонько потирая кончики пальцевъ поочередно направлялъ свои лисьи глаза

на меня, на отца, на Юшку. Истинное мы ему доставляли удовольствіе! . .

Предложеніе моей тетки возмутило меня до глубины души. Мнѣ не часовъ было жаль; но очень уже былъ мнѣ ненавистенъ человѣкъ, которому она собиралась подарить ихъ. — Этотъ Хрисанѳъ Лукичъ, по фамиліи Транквиллитатинъ, здоровенный, дюжій, долговязый семинаристъ, повадился ходить къ намъ въ домъ — чортъ знаетъ, зачѣмъ! «Заниматься съ дѣтьми», увѣряла тетка; но заниматься съ нами онъ уже потому не могъ, что самъ ничему не научился и глупъ былъ, какъ лошадь. Онъ вообще смахивалъ на лошадъ: стучалъ ногами, словно копытами, не смѣялся, а ржалъ, при чемъ обнаруживалъ всю свою пасть, до самой гортани — и лицо имѣлъ длинное, носъ съ горбиной и плоскія большія скулы; носилъ мохнатый фризовый кафтанъ, и пахло отъ него сырымъ мясомъ. Тетка въ немъ души не чаяла и величала его виднымъ мужчиной, кавалеромъ и даже гренадеромъ. — У него была привычка щелкать дѣтей (онъ и меня щелкалъ, когда я былъ моложе) по лбу — твердыми, какъ камень, ногтями своихъ длинныхъ пальцевъ — и щелкая, гоготать и удивляться: «какъ это у тебя-молъ голова звенитъ! Значитъ: пустая!» И этотъ-то олухъ будетъ владѣть моими часами! — Ни за что! рѣшилъ я въ умѣ своемъ, выбѣжавъ изъ гостиной и взобравшись съ ногами на кроватку, между тѣмъ какъ щека моя разгоралась и рдѣла отъ полученной пощечины — а нà сердцѣ тоже разгоралась горечь обиды и жажда мести . . . Ни за что! Не допущу, чтобы проклятый семинаръ надругался надо мною . . . Надѣнетъ часы, цѣпочку выпуститъ по животу, станетъ ржать отъ удовольствія . . . Ни за что!

Все такъ; но какъ это сдѣлать? какъ помѣшать? . .

Я рѣшился украсть часы у тетки!

VIII

Къ счастью, Транквиллитатинъ на ту пору отлучился куда-то изъ города: онъ не могъ придти къ намъ раньше завтрашняго дня; нужно было воспользоваться ночью! Тетка не запиралась у себя въ комнатѣ, да и у насъ въ цѣломъ домѣ ключи не дѣйствовали въ замка̀хъ; но куда она положитъ часы, гдѣ спрячетъ? До вечера она ихъ носила въ карманѣ и даже не разъ вынимала и разсматривала ихъ; но ночью — гдѣ они ночью будутъ? — Ну, ужъ это мое дѣло отыскать, — думалъ я, потрясая кулаками.

Я весь пылалъ отвагой и ужасомъ, и радостью близкаго желаннаго преступленья; я постоянно поводилъ головою сверху внизъ; я хмурилъ брови, я шепталъ: погодите! Я грозилъ кому-то, я былъ золъ, я былъ опасенъ . . . и я избѣгалъ Давыда! — Никто, ни даже онъ, не долженъ былъ имѣть малѣйшее подозрѣніе о томъ, что я собирался совершить . . .

Буду дѣйствовать одинъ — и одинъ отвѣчать буду!

Медленно проволокся день . . . потомъ вечеръ... наконецъ, настала ночь. Я ничего не дѣлалъ, даже старался не шевелиться: какъ гвоздь, засѣла мнѣ въ голову одна мысль. За обѣдомъ отецъ, у котораго сердце было, какъ я сказалъ, отходчиво, да и совѣстно ему немножко стало своей горячности — шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ уже не бьютъ по щекамъ — отецъ попытался приласкать меня; но я отклонилъ его ласку не изъ злопамятства, какъ онъ вообразилъ

тогда, а просто я боялся расчувствоваться: мнѣ нужно было въ цѣлости сохранить весь пылъ мести, весь закалъ безвозвратнаго рѣшенія! Я легъ очень рано; но, разумѣется, не заснулъ и даже глазъ не закрылъ, а напротивъ, таращилъ ихъ — хоть и натянулъ себѣ на голову одѣяло. Я не обдумывалъ заранѣе — какъ поступить; у меня не было никакого плана; я ждалъ только, когда это, наконецъ, все затихнетъ въ домѣ? Я принялъ одну лишь мѣру; не снялъ чулковъ. Комната моей тетки находилась во второмъ этажѣ. Надо было пройти столовую, переднюю, подняться по лѣстницѣ, пройти небольшой корридорчикъ — а тамъ . . . направо дверь! . . Не для чего было брать съ собою огарокъ или фонарикъ: въ углу теткиной комнаты, передъ кіотомъ, теплилась неугасимая лампадка: я это зналъ. Стало-быть, видно будетъ! Я продолжалъ лежать съ вытаращенными глазами, съ раскрытымъ и засохшимъ ртомъ; кровь стучала у меня въ вискахъ, въ ушахъ, въ горлѣ, въ спинѣ, во всемъ тѣлѣ! Я ждалъ . . . но словно бѣсъ какой потѣшался надо мною: время шло . . . шло, а тишина не водворялась.

IX

Никогда, казалось мнѣ, Давыдъ такъ поздно не засыпалъ . . . Давыдъ, молчаливый Давыдъ даже заговаривалъ со мною! Никогда такъ долго въ домѣ не стучали, не ходили, не бесѣдовали! И о чемъ это они толкуютъ, думалось мнѣ: — не наболтались съ утра! Наружные звуки тоже долго не прекращались: то собака лаяла тонкимъ, упорнымъ лаемъ; то пьяный мужикъ гдѣ-то все бурлилъ и не унимался; то какія-то ворота все скрипѣли; то телѣжонка на дряблыхъ колесахъ ѣхала, ѣхала и никакъ проѣхать не

хотѣла! Впрочемъ, эти звуки не раздражали меня: напротивъ, я былъ имъ почему-то радъ! Они, какъ будто, отвлекали вниманіе. — Но вотъ, кажется, наконецъ, все угомонилось. Одинъ лишъ маятникъ нашихъ старыхъ часовъ сипло и важно щелкаетъ въ столовой, да слышится мѣрное и протяжное, словно трудное дыханіе спящихъ людей. Я собираюсь приподняться ... но вотъ, опять что-то прошипѣло ... потомъ вдругъ охнуло . . . что-то мягкое упало — и шопотъ разносится, шопотъ скользитъ по стѣнамъ . . .

Или ничего этого нѣтъ — и только одно воображеніе меня дразнитъ?

Заглохло, наконецъ, все: стала самая сердцевина и темь, и глушь ночи. — Пора! Заранѣе весь похолодѣлый, я сбрасываю одѣяло, опускаю ноги на полъ, встаю . . . Шагъ; другой . . . Я крадусь. — Плюсны ногъ, словно чужія, тяжелыя, переступаютъ слабо и невѣрно. Стой! что это за звукъ? Пилитъ кто гдѣ, или скребетъ . . . или вздыхаетъ? Я прислушиваюсь . . . по щекамъ перебѣгаютъ мурашки, на глаза выступаютъ водянистыя, холодныя слезы ... Ничего! .. Я крадусь опять. Темно; но я знаю дорогу. Вдругъ я натыкаюсь на стулъ . . . Какой стукъ, и какъ больно! Ударъ пришелся прямо по голени . . . Замираю на мѣстѣ . . . Ну, проснутся? А! была! не была! Вдругъ является смѣлость и даже злость. Впередъ! впередъ! Вотъ, уже и столовая пройдена; вотъ, уже и дверь ощупана, раскрыта разомъ, съ размаху . . . Визгнула-таки петля проклятая . . . ну ее! Вотъ, уже я по лѣстницѣ поднимаюсь . . . Разъ! два! разъ, два! Хрустнула подъ ногой ступенька; я взглядываю на нее злобно — словно я видѣть ее могу. Вотъ, уже другую дверь я потянулъ за

ручку . . . Эта хоть бы чукнула! Такъ легохонько и распахнулась: милости просимъ-молъ . . . Вотъ, уже я въ корридорѣ!

Въ корридорѣ наверху, подъ потолкомъ, небольшое окошечко. Слабый ночной свѣтъ чуть сѣется сквозь темныя стекла. И видится мнѣ, при томъ брезжущемъ свѣтѣ, на полу, на войлокѣ, лежитъ, закинувъ обѣ руки за растрепанную голову, наша дѣвочка побѣгушка; крѣпко спитъ она, дышитъ проворно, а за самой ея головою роковая дверь. Я шагаю черезъ войлокъ, черезъ дѣвочку . . . Кто мнѣ отворилъ ту дверь . . . не знаю; но вотъ, уже я въ теткиной комнатѣ; вотъ лампадка въ одномъ углу и кровать въ другомъ, и тетка въ чепцѣ и кофтѣ на кровати, лицомъ ко мнѣ. Спитъ, не шевелится; даже дыханія не слыхать. Пламя лампадки тихонько колеблется, возмущенное притокомъ свѣжаго воздуха; и по всей комнатѣ, и по неподвижному, какъ воскъ желтому лицу тетки — заколебались тѣни . . .

А вотъ и часы! За кроватью, на стѣнѣ висятъ они на вышитой подушечкѣ. Экое счастье, подумаешь! . . Нечего мѣшкать! Но чьи это шаги, мягкіе и быстрые, за моей спиною? Ахъ, нѣтъ! это сердце стучитъ! . . Я заношу ногу впередъ . . . Боже! что-то круглое, довольно большое, толкаетъ меня ниже колѣна . . . разъ! и еще разъ! Я готовъ вскрикнуть, я готовъ упасть отъ ужаса . . . Полосатый котъ, нашъ домашній котъ стоитъ передо мною, сгорбивъ спину, задравъ хвостъ. Вотъ, онъ вскакиваетъ на кровать, — тяжело и мягко — оборачивается и сидитъ не мурлыча, словно судья какой; сидитъ и глядитъ на меня своими золотыми зрачками. — Кись! кись! — шепчу я чуть слышно. Я перегибаюсь черезъ тетку, я уже схватилъ часы . . . Она вдругъ приподнимается, широко раскры-

ваетъ вѣки . . . Создатель! что будетъ? . . Но вѣки ея вздрагиваютъ и закрываются, и съ слабымъ лепетомъ падаетъ голова на подушку.

Минута — и я уже опять въ своей комнатѣ, на своей постели, и часы у меня въ рукахъ . . .

Легче пуха примчался я назадъ! Я молодецъ, я воръ, я герой, я задыхаюсь отъ радости, мнѣ жарко, мнѣ весело — я хочу тотчасъ разбудить Давыда, все разсказать ему — и, невѣроятное дѣло! засыпаю, какъ убитый! Я открываю, наконецъ, глаза . . . Въ комнатѣ свѣтло; солнце уже встало. Къ счастью, еще никто не проснулся. Я вскакиваю, какъ ошпаренный, бужу Давыда, сообщаю ему все. Онъ выслушиваетъ, ухмыляется. — «Знаешь ли, что? — говоритъ онъ мнѣ, наконецъ. — Зароемъ мы эти дурацкіе часы въ землю, чтобы и духу ихъ больше не было!» Я нахожу его мысль безподобной. Въ нѣсколько мгновеній мы оба одѣты, бѣжимъ въ фруктовый садъ, расположенный позади нашего дома, — и подъ старой яблонью, въ глубокой ямѣ, торопливо вырытой въ рыхлой весенней землѣ большимъ Давыдовымъ ножомъ, скрывается навсегда ненавистный подарокъ крестнаго отца, такъ-таки не доставшійся въ руки противному Транквиллитатину! Мы утаптываемъ яму, набрасываемъ на нее щебню, и гордые, счастливые, никѣмъ не замѣченные, возвращаемся домой, ложимся въ наши постели и спимъ еще часокъ-другой — и какимъ легкимъ и блаженнымъ сномъ!

X

Можете себѣ представить, какой гвалтъ поднялся на слѣдующее утро, какъ только тетка проснулась и хватилась часовъ! До сихъ поръ звенитъ у меня въ ушахъ ея пронзительный крикъ. «Караулъ! Ограбили! ограбили!» —

пищала она и взбудоражила весь домъ. Она бѣсновалась, а мы съ Давыдомъ только улыбались про себя, и сладка была намъ наша улыбка. «Всѣхъ, всѣхъ пересѣчь надо! — кричала тетка: — изъ-подъ головы, изъ-подъ подушки вытащили часы!» Мы на все были готовы, мы ждали бѣды . . . но, противъ ожиданья, бѣды не стряслось надъ нами никакой. На первыхъ порахъ отецъ, точно, развоевался страшно — онъ даже о полиціи упомянулъ; но, знать, ему уже вчерашняя расправа прискучила, и онъ внезапно, къ неописанному изумленію тетки, накинулся не на насъ, а на нее! — «Надоѣли вы мнѣ пуще горькой рѣдьки, Пульхерія Петровна, — закричалъ онъ: — съ вашими часами. Слышать о нихъ я больше не хочу! Не колдовствомъ же они пропали, говорите вы; а мнѣ что за дѣло? Хоть бы колдовствомъ! Украли ихъ у васъ? ну, туда имъ и дорога! Настасѣй Настасѣичъ что скажетъ? А чортъ съ нимъ совсѣмъ, съ вашимъ Настасѣичемъ! Я отъ него, кромѣ пакости, да неудовольствій, ничего не вижу. Не смѣть меня больше безпокоить! Слышите!» — Отецъ хлопнулъ дверью и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Мы сперва съ Давыдомъ не поняли намека, заключавшагося въ его послѣднихъ словахъ; но потомъ мы узнали, что отецъ въ это самое время сильно негодовалъ на моего крестнаго, перебившаго у него выгодное дѣло. Такъ и осталась тетка съ носомъ. Она чуть не лопнула съ досады, но дѣлать было нечего. Она должна была ограничиться тѣмъ, что, проходя мимо меня и скрививъ ротъ въ мою сторону, рѣзкимъ шопотомъ твердила: «воръ, воръ, каторжникъ, мошенникъ!» — Укоризны тетки доставляли мнѣ истинное наслажденіе. Очень было также пріятно, проходя палисадникомъ, скользить при-

творно-равнодушнымъ глазомъ по самому тому мѣсту подъ яблоней, гдѣ покоились часы, и если Давыдъ находился тутъ же, вблизи, — обмѣняться съ нимъ значительной ужимкой . . .

Тетка вздумала-было натравить на меня Транквиллитатина; но я прибѣгнулъ къ помощи Давыда. Тотъ прямо объявилъ дюжему семинаристу, что распоретъ ему ножомъ брюхо, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ . . . Транквиллитатинъ испугался: онъ, хотя и гренадеръ былъ, и кавалеръ, по выраженію тетки, однако, храбростью не отличался. Такъ прошло недѣль пять . . . Но не думаете ли вы, что исторія съ часами такъ и кончилась? Нѣтъ, она не кончилась; только для того, чтобы продолжать мой разсказъ, мнѣ нужно ввести новое лицо; а чтобы ввести это новое лицо, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

XI

Мой отецъ былъ долгое время очень друженъ, даже коротокъ съ однимъ отставнымъ чиновникомъ, Латкинымъ, хроменькимъ, убогенькимъ человѣкомъ съ робкими и странными ухватками, однимъ изъ тѣхъ существъ, про которыхъ сложилась поговорка, что они самимъ Богомъ убиты. Подобно отцу моему и Настасѣю, онъ занимался хожденіемъ по дѣламъ и былъ тоже частнымъ «стряпчимъ» и повѣреннымъ; но, не обладая ни представительной наружностью, ни даромъ слова и слишкомъ мало на себя надѣясь, онъ не рѣшался дѣйствовать самостоятельно и примкнулъ къ моему отцу. Почеркъ у него былъ «настоящій бисеръ», законы онъ зналъ твердо и до тонкости постигъ всѣ завитушки просьбеннаго и приказнаго слога. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ орудовалъ различныя дѣла, дѣлилъ барыши

и убытки и, казалось, ничто не могло поколебать ихъ дружбу: и, со всѣмъ тѣмъ, она рухнула въ одинъ день — и навсегда. Отецъ навсегда разссорился съ своимъ сотрудникомъ. Если бы Латкинъ отбилъ у отца выгодное дѣло, на манеръ замѣнившаго его впослѣдствіи Настасѣя, — отецъ вознегодовалъ бы на него не болѣе, чѣмъ на Настасѣя, вѣроятно даже меньше: но Латкинъ, подъ вліяніемъ необъяснимаго, непонятнаго чувства — зависти, жадности — а быть-можетъ, и подъ мгновеннымъ наитіемъ честности — «подвелъ» моего отца, выдалъ его общему ихъ довѣрителю, богатому молодому купцу, открывъ глаза этому безпечному юношѣ на нѣкоторый . . . нѣкоторый кунштюкъ, долженствовавшій принести значительную пользу моему отцу. Не денежная утрата, какъ она велика ни была — нѣтъ! а измѣна оскорбила и взорвала отца. Онъ не могъ простить коварства!

— Вишь, святой выискался! — твердилъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва и стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Я находился тутъ же, въ комнатѣ, и былъ свидѣтелемъ этой безобразной сцены. — Добро! Съ нынѣшняго дня — аминь! Кончено между нами. Вотъ Богъ, а вотъ и порогъ! Ни я у тебя, ни ты у меня! Вы для насъ ужъ больно честны — гдѣ намъ съ вами общество водить! Но не быть же тебѣ ни дна, ни покрышки! — Напрасно Латкинъ умолялъ отца, кланялся ему земно; напрасно пытался объяснить то̀, что наполняло его собственную душу болѣзненнымъ недоумѣніемъ. — «Вѣдь безъ всякой пользы для себя, Порфирій Петровичъ, — лепеталъ онъ: — вѣдь самого себя зарѣзалъ!» — Отецъ остался непреклоненъ . . . Ноги Латкина уже больше не было въ нашемъ домѣ. Сама судьба, казалось, вознамѣрилась оправдать послѣднее

жестокое пожеланіе моего отца. Вскорѣ послѣ разрыва — (произошелъ онъ года за два до начала моего разсказа) жена Латкина, правда, уже давно больная, умерла; вторая его дочка, трехлѣтній ребенокъ, отъ страха онѣмѣла и оглохла въ одинъ день: пчелиный рой облѣпилъ ей голову; самъ Латкинъ подвергся апоплексическому удару — и впалъ въ крайнюю, окончательную бѣдность. Какъ онъ перебивался, чѣмъ существовалъ — трудно было даже представить. Жилъ онъ въ полуразрушенной хибарочкѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ нашего дома. Старшая его дочь, Раиса, тоже жила съ нимъ и хозяйничала по возможности. Эта Раиса была именно то новое лицо, которое я долженъ ввести въ разсказъ.

XII

Пока отецъ ея былъ друженъ съ моимъ, мы безпрестанно ее видали; она иногда по цѣлымъ днямъ сиживала у насъ и либо шила, либо пряла своими тонкими, проворными и ловкими руками. Это была стройная, немного сухощавая дѣвушка, съ умными карими глазами на блѣдномъ, длинноватомъ лицѣ. Она говорила мало, но толково, тихимъ и звонкимъ голосомъ, почти не раскрывая рта и не выказывая зубовъ; когда она смѣялась — что случалось рѣдко и никогда долго не продолжалось — они вдругъ выставлялись всѣ, большіе, бѣлые, какъ миндалины. Помню я также ея походку, легкую, упругую, съ маленькимъ подпрыгомъ на каждомъ шагу; мнѣ всегда казалось, что она сходитъ по ступенямъ лѣстницы, даже когда она шла по ровному мѣсту. Она держалась прямо, съ поджатыми на груди руками. И что бы она ни дѣлала, за что бы она ни принималась — ну, хоть бы

нитку въ ушко иголки вдѣвать, или юбку утюгомъ разглаживать — все выходило у нея красиво и какъ-то . . . вы не повѣрите . . . какъ-то трогательно. Христіанское ея имя было Раиса, но мы ее звали Черногубкой: у ней на верхней губѣ было родимое, темносинее пятнышко, точно она поѣла команики; но это ея не портило: напротивъ. Она была ровно годомъ старше Давыда. Я питалъ къ ней чувство въ родѣ уваженія, но она зналась со мною мало. Зато между Давыдомъ и ею завелась дружба — не дѣтская, странная, но хорошая дружба. Они какъ-то шли другъ къ другу. Они иногда по цѣлымъ часамъ не мѣнялись словомъ, но каждому чувствовалось, что имъ обоимъ хорошо — и потому именно хорошо, что они вмѣстѣ. Я другой такой дѣвушки не встрѣчалъ, право. Въ ней было что-то внимательное и рѣшительное, что-то честное, и печальное, и милое. Я не слыхивалъ отъ нея умнаго слова, зато я и пошлости отъ нея не слыхалъ, а умнѣе глазъ я не видывалъ. Когда произошелъ разрывъ между ея семействомъ и моимъ, я сталъ рѣдко ее видѣть: отецъ мой строжайше запретилъ мнѣ навѣщать Латкиныхъ — и она уже не показывалась у насъ въ домѣ. Но я встрѣчался съ нею на улицѣ, въ церкви, и Черногубка внушала мнѣ все тѣ же чувства: уваженіе и даже нѣкоторое удивленіе — скорѣй, чѣмъ жалость. Очень уже она хорошо переносила свое несчастье. «Кремень-дѣвка», сказалъ про нее однажды самый топорный Транквиллитатинъ. А по-настоящему, слѣдовало пожалѣть о ней: лицо ея приняло выраженіе озабоченное, утомленное, глаза осунулись и углубились: непосильная тягота легла ей на молоденькія плечи. Давыдъ видѣлъ ее гораздо чаще, чѣмъ я; онъ и въ домъ къ нимъ

ходилъ. Отецъ махнулъ на него рукою: онъ зналъ, что Давыдъ все-таки его не послушается. И Раиса отъ времени до времени появлялась у плетня нашего сада, выходившаго на проулокъ, и видалась тамъ съ Давыдомъ: не бесѣду она вела съ нимъ, а сообщала ему какое-нибудь новое затрудненіе или новую бѣду — спрашивала совѣта. Параличъ, поразившій Латкина, былъ свойства довольно страннаго. Руки, ноги его ослабѣли, но онъ не лишился ихъ употребленія, даже мозгъ его дѣйствовалъ правильно; зато языкъ его путался и, вмѣсто однихъ словъ, произносилъ другія: надо было догадываться, что именно онъ хочетъ сказать.

. . . «Чу-чу-чу», лепеталъ онъ съ усиліемъ — онъ всякую фразу начиналъ съ чу-чу-чу: — «ножницы мнѣ, ножницы» . . . А ножницы означали хлѣбъ. Отца моего онъ ненавидѣлъ всѣми оставшимися у него силами — онъ его заклятью приписывалъ всѣ свои бѣдствія и звалъ его то мясникомъ, то брильянтщикомъ. «Чу, чу, къ мяснику не смѣй ходить, Васильевна!» Онъ этимъ именемъ окрестилъ свою дочь, а звали его Мартиньяномъ. Съ каждымъ днемъ становился онъ болѣе требовательнымъ; нужды его росли . . . А какъ удовлетворять эти нужды? Откуда взять денегъ? Горе скоро старитъ; но жутко было слышать иныя слова въ устахъ семнадцатилѣтней дѣвушки.

XIII

Помнится, мнѣ пришлось присутствовать при ея бесѣдѣ у забора съ Давыдомъ, въ самый день кончины ея матери.

— Сегодня, на зорькѣ, матушка скончалась, — говорила она, поводивъ сперва кругòмъ своими темными, выразительными глазами, а тамъ

вперивъ ихъ въ землю: — кухарка взялась гробъ подешевле купить; да она у насъ ненадежная; пожалуй, еще деньги пропьетъ. Ты бы пришелъ, посмотрѣлъ, Давыдушко: тебя она побоится.

— Приду, — отвѣчалъ Давыдъ: — посмотрю... А что отецъ?

— Плачетъ; говоритъ: побалуйте, дескать, и меня. «Побалуйте» — должно, значитъ, — похороните. Теперь заснулъ. — Раиса вдругъ глубоко вздохнула. — Ахъ, Давыдушко, Давыдушко! — Она провела полусжатымъ кулачкомъ себѣ по лбу и по бровямъ, и было это движеніе и горько такъ . . . и такъ искренно, и такъ красиво, какъ всѣ ея движенія.

— Ты, однако, себя пожалѣй, — замѣтилъ Давыдъ. — Не спала, чай, вовсе . . . Да и что плакать? Горю не пособить.

— Мнѣ плакать некогда, — отвѣчала Раиса.

— Это богатые баловаться могутъ, плакать-то, — замѣтилъ Давыдъ.

Раиса пошла-было да вернулась.

— Желтую шаль у насъ торгуютъ, знаешь, изъ маменькинаго приданаго. Двѣнадцать рублей даютъ. Я думаю, мало.

— И то, мало.

— Мы-бъ ея не продали, — промолвила Раиса, помолчавъ немного: — да, вѣдь, на похороны нужно.

— И то, нужно. Только зря денегъ давать не слѣдуетъ. Попы эти — бѣда! Да вотъ, постой, я приду. Ты уходишь? — я скоро буду. Прощай, голубка.

— Прощай, братецъ, голубчикъ!

— Смотри же, не плачь!

— Какое, плакать? Либо обѣдъ варить, либо плакать. Одно изъ двухъ.

— Какъ: обѣдъ варить? — обратился я къ Давыду, какъ только Раиса удалилась: — развѣ она сама кушанье готовитъ?

— Да вѣдь ты слышалъ: кухарка гробъ пошла торговать.

«Готовитъ обѣдъ», подумалъ я, «а руки у ней всегда такія чистыя и одежда опрятная . . . Я бы посмотрѣлъ, какъ она, тамъ, въ кухнѣ . . . Необыкновенная дѣвушка!»

Помню я другой разговоръ «у забора». На этотъ разъ Раиса привела съ собою свою глухонѣмую сестричку. Это былъ хорошенькій ребенокъ, съ огромными, удивленными глазами и цѣлой громадой черныхъ, тусклыхъ волосъ на маленькой головкѣ (у Раисы волосы были тоже черные — и тоже безъ блеска). Латкинъ былъ уже пораженъ параличомъ.

— Ужъ я не знаю, какъ быть, — начала Раиса. — Докторъ рецептъ прописалъ, надо въ аптеку сходить; а тутъ нашъ мужичокъ (у Латкина осталась одна крѣпостная душа) дровецъ изъ деревни привезъ, да гуся. А дворникъ отнимаетъ: вы мнѣ, говоритъ, задолжали.

— Гуся отнимаетъ? — спросилъ Давыдъ.

— Нѣтъ, не гуся. Онъ, говоритъ, старый; ужъ больше не годится. Оттого, говоритъ, и мужичокъ вамъ его привезъ. А дрова отнимаетъ.

— Да онъ права не имѣетъ! — воскликнулъ Давыдъ.

— Права не имѣетъ, а отнимаетъ . . . Я пошла на чердакъ; тамъ у насъ сундукъ стоитъ, старый, престарый. Стала я въ немъ рыться . . . И что же я нашла: посмотри!

Она достала изъ-подъ косынки довольно большую зрительную трубку, въ мѣдной оправѣ, оклеенную пожелтѣлымъ сафьяномъ. Давыдъ,

какъ любитель и знатокъ всякаго рода инструментовъ, тотчасъ ухватился за нее.

— Англійская, — промолвилъ онъ, приставляя ее то къ одному глазу, то къ другому. — Морская!

— И стекла цѣлы, — продолжала Раиса. — Я показала батюшкѣ; онъ говоритъ: снеси, заложи брильянтщику! вѣдь, что ты думаешь? За нее дадутъ деньги? А намъ на что зрительная трубка? Развѣ на себя въ зеркало посмотрѣть, каковы мы есть красавцы. Да зеркала, жаль, нѣтъ.

И сказавши эти слова, Раиса вдругъ громко засмѣялась.

Сестричка ея, конечно, не могла ее услышать, но, вѣроятно, почувствовала сотрясеніе ея тѣла: она держала Раису за руку — и, поднявши на нее свои большіе глаза, испуганно перекосила личико и залилась слезами.

— Вотъ такъ-то она всегда, — замѣтила Раиса: — не любитъ, когда смѣются.

— Ну, не буду, Любочка, не буду, — прибавила она, проворно присѣвъ на корточки возлѣ ребенка и проводя пальцами по ея волосамъ. — Видишь?

Смѣхъ исчезъ съ лица Раисы, и губы ея, концы которыхъ какъ-то особенно мило закручивались кверху, стали опять неподвижны. Ребенокъ умолкъ. Раиса приподнялась.

— Такъ ты, Давыдушко, порадѣй . . . съ трубой-то. А то, дровъ жаль, — да и гуся, какой онъ ни на есть старый!

— Десять рублей непремѣнно дадутъ, — промолвилъ Давыдъ, переворачивая трубку во всѣ стороны. — Я ее у тебя куплю . . . чего лучше? А вотъ, пока, на аптеку — пятиалтынный . . . Довольно?

— Это я у тебя занимаю, — шепнула Раиса, принимая отъ него пятиалтынный.

— Еще бы! Съ процентами — хочешь? Да, вотъ, и залогъ у меня есть. Важнѣйшая вещь! .. Первый народъ — англичане.

— А, говорятъ, мы съ ними воевать будемъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Давыдъ: — мы теперь французовъ бьемъ.

— Ну — тебѣ лучше знать. Такъ порадѣй. Прощайте, господа!

XIV

А то, вотъ еще какой разговоръ происходилъ все у того же забора. Раиса казалась озабоченной больше обыкновеннаго.

— Пять копеекъ кочанъ капусты, да и кочанъ-то «махенькій-премахенькій», — говорила она, подперши рукою подбородокъ. — Вонъ, какъ дорого! А за шитье деньги еще не получены.

— Тебѣ кто долженъ? — спросилъ Давыдъ.

— Да все та же купчиха, что за валомъ живетъ.

— Эта, что въ шушунѣ зеленомъ ходитъ, толстая такая?

— Она, она.

— Вишь, толстая! Отъ жира не продышится, въ церкви такъ даже паромъ отъ нея шибаетъ, а долги не платитъ!

— Она заплатитъ . . . только когда? А то, вотъ еще, Давыдушко, новыя у меня хлопоты. Вздумалъ отецъ мнѣ сны свои разсказывать, — ты вѣдь знаешь, косноязыченъ онъ сталъ: хочетъ одно слово промолвить, анъ выходитъ другое. Насчетъ пищи или чего тамъ житейскаго — мы уже привыкли, понимаемъ; а сонъ и у здоровыхъ-то людей непонятенъ бываетъ, а у него — бѣда! Я, говоритъ, очень радуюсь; сегодня все по бѣлымъ птицамъ прохаживался; а Господь Богъ мнѣ пукетъ подарилъ, а въ пукетѣ Андрюша съ

ножичкомъ. — Онъ нашу Любочку Андрюшей зоветъ. — Теперь мы, говоритъ, будемъ здоровы оба. Только надо ножичкомъ — чиркъ! Эво такъ! и на горло показываетъ. — Я его не понимаю; говорю: хорошо, родной, хорошо; а онъ сердится, хочетъ мнѣ растолковать въ чемъ дѣло. Даже въ слезы ударился.

— Да ты бы ему что-нибудь такое сказала, — вмѣшался я: — солгала бы что-нибудь.

— Не умѣю я лгать-то, — отвѣчала Раиса, и даже руками развела.

И точно: она лгать не умѣла.

— Лгать не надо, — замѣтилъ Давыдъ: — да и убивать себя тоже не слѣдъ. Вѣдь спасибо никто тебѣ не скажетъ?

Раиса поглядѣла на него пристально.

— Что я хотѣла спросить у тебя, Давыдушко; какъ надо писать: «штопъ»?

— Что такое «штопъ»?

— Да вотъ, напримѣръ: я хочу, штопъ ты живъ былъ.

— Пиши: ша, твердо, онъ, буки, еръ!

— Нѣтъ, — вмѣшался я: — не ша, а червь!

— Ну, все равно, пиши: червь! А главное — сама-то ты живи!

— Мнѣ бы хотѣлось писать правильно, — замѣтила Раиса и слегка покраснѣла.

Она, когда краснѣла, тотчасъ удивительно хорошѣла.

— Пригодиться оно можетъ . . . Батюшка, въ свое время, какъ писалъ . . . На удивленіе! Онъ и меня выучилъ. Ну, теперь онъ даже буквы плохо разбираетъ.

— Ты только у меня живи, — повторилъ Давыдъ, понизивъ голосъ и не спуская съ нея глазъ. Раиса быстро глянула на него и пуще покраснѣла. — Живи ты . . . а писать . . . пиши,

какъ знаешь . . . О, чортъ, вѣдьма идетъ! (Вѣдьмой Давыдъ звалъ мою тетку) И что ее сюда носитъ? . . Уходи, душа!

Раиса еще разъ глянула на Давыда и убѣжала.

Давыдъ весьма рѣдко и неохотно говорилъ со мною о Раисѣ, объ ея семьѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ поджидать возвращенія своего отца. Онъ только и думалъ, что о немъ — и какъ мы потомъ жить будемъ. Онъ живо его помнилъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ описывалъ мнѣ его.

— Большой, сильный, одной рукой десять пудовъ поднимаетъ . . . Какъ крикнетъ: гей, малый! такъ по всему дому слышно. Славный такой, добрый . . . и молодецъ! Ни передъ кѣмъ, бывало, не струситъ. Отличное было наше житье, пока насъ не разорили! Говорятъ, онъ теперь совсѣмъ сѣдой сталъ, а прежде такой же былъ рыжій, какъ я. Си-и-лачъ!

Давыдъ никакъ не хотѣлъ допустить, что мы останемся въ Рязани.

— Вы-то уѣдете, — замѣтилъ я: — да я-то останусь.

— Пустяки! Мы тебя съ собой возьмемъ!

— А съ отцомъ-то какъ быть?

— Отца ты своего бросишь. А не бросишь — пропадешь.

— Что такъ?

Давыдъ не отвѣчалъ мнѣ и только нахмурилъ свои бѣлыя брови.

— Вотъ, какъ мы уѣдемъ съ батькой, — началъ онъ снова: — найдетъ онъ себѣ хорошее мѣсто, я женюсь . . .

— Ну, это еще не скоро, — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, отчего же? Я женюсь скоро.

— Ты?

— Да, я; а что?

— Ужъ нѣтъ ли у тебя невѣсты на примѣтѣ?

— Конечно, есть.

— Кто же она такая?

Давыдъ усмѣхнулся.

— Какой ты, однако, безтолковый! Конечно. Раиса.

— Раиса! — повторилъ я съ изумленіемъ. — Ты шутишь!

— Я, братъ, шутить и не умѣю, и не люблю.

— Да вѣдь она годомъ тебя старше?

— Что-жъ такое? А, впрочемъ, бросимъ этотъ разговоръ.

— Позволь мнѣ одно спросить, — промолвилъ я: — знаетъ она, что ты собираешься на ней жениться?

— Вѣроятно.

— Но ты ей ничего не открывалъ?

— Что тутъ открывать? Придетъ время, скажу. Ну, баста!

Давыдъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Оставшись наединѣ, я подумалъ . . . подумалъ . . . и рѣшилъ, наконецъ, что Давыдъ поступаетъ, какъ благоразумный и практическій человѣкъ; и мнѣ даже лестно стало, что я другъ такого практическаго человѣка!

А Раиса, въ своемъ вѣковѣчномъ черномъ шерстяномъ платьицѣ, мнѣ вдругъ показалась прелестной и достойной самой преданной любви!

XV

Давыдовъ отецъ все не ѣхалъ и даже писемъ не присылалъ. Лѣто давно стало, іюнь мѣсяцъ шелъ къ концу. Мы истомились въ ожиданіи.

Между тѣмъ, начали ходить слухи, что Латкину вдругъ гораздо похужѣло, и семья его — того и жди — съ голоду помретъ, а не то домъ завалится и крышей всѣхъ задавитъ. Давыдъ

даже въ лицѣ измѣнился и такой сталъ злой и угрюмый, что хоть не приступайся къ нему. Отлучаться онъ тоже сталъ чаще. Съ Раисой я не встрѣчался вовсе. Изрѣдка мелькала она вдали, быстро переходя черезъ улицу своей красивой, легкой походкой, прямая, какъ стрѣла, съ поджатыми руками, съ темнымъ и умнымъ взоромъ подъ длинными бровями, съ озабоченнымъ выраженіемъ на блѣдномъ и миломъ лицѣ — вотъ и все. Тетка, съ помощью своего Транквиллитатина, жучила меня попрежнему, и попрежнему укоризненно шептала мнѣ въ самое ухо: «воръ сударь, воръ!» Но я не обращалъ на нее вниманія; а отецъ захлопотался, корпѣлъ, разъѣзжалъ, писалъ и знать ничего не хотѣлъ.

Однажды, проходя мимо знакомой яблони, я, больше по привычкѣ, бросилъ косвенный взглядъ на извѣстное мѣстечко, и вдругъ мнѣ показалось, какъ-будто на поверхности земли, прикрывавшей нашъ кладъ, произошла нѣкоторая перемѣна . . . Какъ-будто горбинка появилась тамъ, гдѣ прежде было углубленіе, и куски щебня лежали уже не такъ! «Что это значитъ?» подумалось мнѣ. «Неужто кто-нибудь проникъ нашу тайну и вырылъ часы?»

Надо было удостовѣриться въ этомъ собственными глазами. Къ часамъ, ржавѣющимъ въ утробѣ земли, я, конечно, чувствовалъ полнѣйшее равнодушіе; но не позволить же другому воспользоваться ими! А потому на слѣдующій же день, я, снова поднявшись до зари и вооружившись ножомъ, отправился въ садъ, отыскалъ намѣченное мѣсто подъ яблоней, принялся рыть, и, вырывши чуть не аршинную яму, долженъ былъ убѣдиться, что часы пропали, что кто-то ихъ досталъ, вытащилъ, укралъ!

Но кто же могъ ихъ... вытащить, кромѣ Давыда?

Кто другой зналъ, гдѣ они находились?

Я засыпалъ яму и вернулся домой. Я чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ.

«Положимъ, — думалъ я, — часы понадобились Давыду для того, чтобы спасти отъ голодной смерти свою будущую жену, или ея отца . . . Что тамъ ни говори, часы эти чего-нибудь да стоятъ . . . Да какъ было не придти ко мнѣ и не сказать: «братъ — (я на мѣстѣ Давыда непремѣнно сказалъ бы: братъ) — братъ! я нуждаюсь въ деньгахъ; у тебя ихъ нѣтъ, я знаю, но позволь воспользоваться тѣми часами, которые мы вмѣстѣ съ тобою зарыли подъ старой яблонью? Они никому не приносятъ пользы, а я тебѣ такъ буду благодаренъ, братъ!» Съ какой бы радостью я согласился! Но дѣйствовать тайно, измѣннически, не довѣриться другу . . . Нѣтъ! Никакая страсть, никакая нужда этого не извиняетъ!»

Я повторяю, я былъ сильно оскорбленъ. Я началъ-было выказывать холодность, дуться . . .

Но Давыдъ былъ не изъ тѣхъ, которые это замѣчаютъ и тревожатся!

Я началъ дѣлать намеки . . .

Но Давыдъ, казалось, нисколько не понималъ моихъ намековъ!

Я говорилъ при немъ, какъ низокъ въ моихъ глазахъ тотъ человѣкъ, который, имѣя друга и даже понимая все значеніе этого священнаго чувства дружбы, не обладаетъ, однако, достаточно великодушіемъ, чтобы не прибѣгать къ хитрости; какъ будто можно что-нибудь скрыть!

Произнося эти послѣднія слова, я смѣялся презрительно.

Но Давыдъ и ухомъ не велъ!

Я, наконецъ, прямо спросилъ его: какъ онъ полагаетъ, часы наши шли еще нѣкоторое время,

будучи похоронены въ землю, или тотчасъ же остановились?

Онъ отвѣчалъ мнѣ: — А чортъ ихъ знаетъ! Вотъ, нашелъ о чемъ размышлять?!

Я не зналъ, что думать. У Давыда, очевидно, было что-то на сердцѣ . . . но только не похищеніе часовъ. Неожиданный случай доказалъ мнѣ его невинность.

XVI

Я возвращался однажды домой по одному проулочку, по которому я вообще избѣгалъ ходить, такъ какъ въ немъ находился флигель, гдѣ квартировалъ мой врагъ Транквиллитатинъ; но на этотъ разъ сама судьба привела меня туда. Проходя подъ закрытымъ окномъ одного трактирнаго заведенія, я вдругъ услышалъ голосъ нашего слуги Василья, молодого, развязнаго малаго, великаго «лѣнтяя и шалопая», какъ выражался мой отецъ, — но великаго также покорителя женскихъ душъ, на которыхъ онъ дѣйствовалъ острословіемъ, пляской и игрою на тòрбанѣ.

— И вѣдь, поди-жъ ты, что выдумали! — говорилъ Василій, котораго я видѣть не могъ, но слышалъ весьма явственно; онъ, вѣроятно, сидѣлъ тутъ же, возлѣ окна, съ товарищемъ, за парой чая — и, какъ это часто случается съ людьми въ запертомъ покоѣ, говорилъ громко, не подозрѣвая, что каждый прохожій на улицѣ слышитъ каждое слово: — что выдумали? Зарыли ихъ въ землю!

— Врешь! — проворчалъ другой голосъ.

— Я тебѣ говорю. Такіе у насъ барчуки необнаковенные! Особенно Давыдка этотъ . . . какъ есть іезопъ. На самой на зорькѣ всталъ я, да и подхожу этакъ къ окну . . . Гляжу:

что за притча? .. Идутъ наши два голубчика по саду, несутъ эти самые часы, подъ яблонкой яму вырыли — да туда ихъ, словно младенца какого! И землю потомъ заровняли, ей-Богу, такіе безпутные!

— Ахъ, шутъ ихъ возьми! — промолвилъ Васильевъ собесѣдникъ. — Съ жиру, значитъ. Ну, и что-жъ? Ты часы отрылъ?

— Понятное дѣло, отрылъ. Они и теперь у меня. Только показывать ихъ пока не приходится. Больно много изъ-за нихъ шума было. Давыдка-то ихъ у старухи у нашей въ ту самую ночь изъ-подъ хребта вытащилъ.

— О — о!

— Я тебѣ говорю. Безпардонный совсѣмъ. Такъ и нельзя ихъ показывать. Да вотъ, офицеры понаѣдутъ: продамъ кому, а не то въ карты разыграю.

Я не сталъ больше слушать, стремглавъ бросился домой и прямо къ Давыду.

— Братъ! — началъ я: — братъ! прости меня! Я былъ виноватъ передъ тобою! Я подозрѣвалъ тебя! Я обвинялъ тебя! Ты видишь, какъ я взволнованъ! Прости меня!

— Что съ тобой? — спросилъ Давыдъ. — Объяснись!

— Я подозрѣвалъ тебя, что ты наши часы изъ-подъ яблони вырылъ!

— Опять эти часы! Да развѣ ихъ тамъ нѣтъ?

— Нѣтъ ихъ тамъ; я думалъ, что ты ихъ взялъ, чтобы помочь твоимъ знакомымъ. И это все Василій!

Я передалъ Давыду все, что услышалъ подъ окномъ заведенія.

Но какъ описать мое изумленіе! Я, конечно, полагалъ, что Давыдъ вознегодуетъ; но я уже никакъ не могъ ожидать того, что произошло

съ нимъ! Едва я кончилъ мой разсказъ, онъ пришелъ въ ярость несказанную! Давыдъ, который не иначе какъ съ презрѣніемъ относился ко всей этой, по его словамъ, «пошлой» продѣлкѣ съ часами, тотъ самый Давыдъ, который не разъ увѣрялъ, что они выѣденнаго яйца не сто̀ятъ — тутъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, весь вспыхнулъ, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки. «Этого такъ оставить нельзя! — промолвилъ онъ, наконецъ. — Какъ онъ смѣетъ себѣ чужую вещь присвоивать? Я ему покажу, постой! Я ворамъ потачки не даю!» — Признаюсь, я до сихъ поръ не понимаю, что могло такъ взбѣсить Давыда: былъ ли онъ ужъ безъ того раздраженъ, и поступокъ Василья подлилъ только масла въ огонь; оскорбили ли его мои подозрѣнія, — не могу сказать; но я никогда не видывалъ его въ такомъ волненіи. Разинувъ ротъ, стоялъ я передъ нимъ, и только дивился, какъ это онъ такъ тяжело и сильно дышалъ.

— Что же ты намѣренъ сдѣлать? — спросилъ я, наконецъ.

— А вотъ, увидишь — послѣ обѣда, когда отецъ уляжется. Я этого пересмѣшника найду! Я съ нимъ потолкую!

«Ну, — подумалъ я: — не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ этого «пересмѣшника»! Что изъ этого выйдетъ, Господи, Боже мой!»

XVII

А вышло вотъ что.

Какъ только послѣ обѣда водворилась та сонная душная тишина, которая до сихъ поръ, какъ жаркій пуховикъ, ложится на русскій домъ и русскій людъ въ серединѣ дня, послѣ вкушенныхъ яствъ, Давыдъ (я съ замиравшимъ сердцемъ шелъ за его пятами) — Давыдъ

отправился въ людскую и вызвалъ оттуда Василья. Тотъ сперва не хотѣлъ идти, однако кончилъ тѣмъ, что повиновался и послѣдовалъ за нами въ садикъ.

Давыдъ сталъ передъ самой его грудью. Василій былъ цѣлой головой выше его.

— Василій Терентьевъ! — началъ твердымъ голосомъ мой товарищъ: — ты изъ-подъ самой этой яблони, недѣль шесть тому назадъ, вытащилъ спрятанные нами часы. Ты не имѣлъ права это сдѣлать, они тебѣ не принадлежали. Отдай ихъ сейчасъ!

Василій смутился-было, но тотчасъ оправился. «Какіе часы? Что вы говорите? Богъ съ вами! Никакихъ нѣтъ у меня часовъ!»

— Я знаю, что я говорю, а ты не лги. Часы у тебя. Отдай ихъ!

— Нѣтъ у меня вашихъ часовъ.

— А какъ же ты въ трактирѣ . . . — началъ-было я, но Давыдъ меня остановилъ.

— Василій Терентьевъ! — произнесъ онъ глухо и грозно. — Намъ доподлинно извѣстно, что часы у тебя. Говорятъ тебѣ честью: отдай ихъ. — А если ты не отдашь . . .

Василій нагло ухмылялся.

— И что же вы тогда со мною сдѣлаете? Ну-съ?

— Что? — Мы оба до тѣхъ поръ съ тобой драться будемъ, пока либо ты насъ побѣдишь, либо мы тебя.

Василій засмѣялся.

— Драться? — Это не барское дѣло! Съ холопомъ-то драться?

Давыдъ вдругъ вцѣпился Василію въ жилетъ.

— Да мы не на кулаки съ тобою драться будемъ, — произнесъ онъ со скрежетомъ зубовъ: — пойми ты! А я тебѣ дамъ ножъ и самъ возьму . . . Ну, и посмотримъ, кто кого? Алексѣй!

— скомандовалъ онъ мнѣ: — бѣги за моимъ большимъ ножомъ, знаешь, черенокъ у него костяной — онъ тамъ на столѣ лежитъ, а другой у меня въ карманѣ.

Василій вдругъ такъ и обмеръ. Давыдъ все держалъ его за жилетъ.

— Помилуйте . . . помилуйте, Давыдъ Егорычъ, — залепеталъ онъ; даже слезы выступили у него на глаза: — что вы это? Что вы? Пустите!

— Не выпущу я тебя. — И пощады тебѣ не будетъ! — Сегодня ты отъ насъ отвертишься, мы завтра опять начнемъ. — Алешка! гдѣ же ножъ?

— Давыдъ Егорычъ! — заревѣлъ Василій: — не дѣлайте убивства . . . Что же это такое? А часы . . . Я, точно . . . Я пошутилъ. Я ихъ вамъ сію минуту представлю. Какъ же это? То Хрисанѳу Лукичу брюхо пороть, то мнѣ! — Пустите меня, Давыдъ Егорычъ . . . Позвольте получить часы. Папенькѣ только не сказывайте.

Давыдъ выпустилъ изъ рукъ Васильевъ жилетъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: точно, — и не Василью можно было испугаться. Такое унылое . . . и холодное . . . и злое . . .

Василій вскочилъ въ домъ и немедленно вернулся оттуда съ часами въ рукѣ. — Молча отдалъ онъ ихъ Давыду, и только возвращаясь обратно въ домъ, громко воскликнулъ на порогѣ: «тьфу ты, оказія!»

На немъ все еще лица не было. Давыдъ качнулъ головой и пошелъ въ нашу комнату. Я опять поплелся за нимъ. «Суворовъ! Какъ есть Суворовъ!» думалъ я про себя. — Тогда, въ 1801 году, Суворовъ былъ нашъ первый, народный герой.

XVIII

Давыдъ заперъ за собою дверь, положилъ часы на столъ, скрестилъ руки и — о, чудо! — засмѣялся! — Глядя на него, я засмѣялся тоже.

— Этакая штука удивительная! — началъ онъ. — Никакъ мы отъ этихъ часовъ отбояриться не можемъ. Заколдованные они, право. И съ чего я вдругъ этакъ озлился?

— Да, съ чего? — повторилъ я. — Оставилъ бы ты ихъ у Василья . . .

— Ну, нѣтъ, — перебилъ Давыдъ. — Это шалишь! Но что мы съ ними теперь сдѣлаемъ?

— Да! Что?

Мы оба уставились на часы — и задумались. Украшенные голубымъ бисернымъ шнуркомъ — (злополучный Василій впопыхахъ не успѣлъ снять шнурокъ этотъ, который ему принадлежалъ) — они преспокойно дѣлали свое дѣло: чикали — правда, нѣсколько въ перебивку, — и медленно передвигали свою мѣдную минутную стрѣлку.

— Развѣ опять ихъ зарыть? Или ужъ въ печку ихъ? — предложилъ я, наконецъ. — Или вотъ еще: не поднести ли ихъ Латкину?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Давыдъ. — Это все не то. А вотъ что: при губернаторской канцеляріи завели комиссію, пожертвованія собираютъ въ пользу касимовскихъ погорѣльцевъ. Городъ Касимовъ, говорятъ, до тла сгорѣлъ, со всѣми церквами. И, говорятъ, тамъ все принимаютъ: не одинъ только хлѣбъ или деньги — но всякія вещи натурой. — Отдадимъ-ка мы туда эти часы! А?

— Отдадимъ! отдадимъ! — подхватилъ я. — Прекрасная мысль! Но, я полагалъ, такъ какъ семейство твоихъ друзей нуждается . . .

— Нѣтъ, нѣтъ; въ комиссію! Латкины и безъ нихъ обойдутся. — въ комиссію!

— Ну, въ комиссію — такъ въ комиссію. Только, я полагаю, надо при этомъ написать что-нибудь губернатору.

Давыдъ взглянулъ на меня. — Ты полагаешь?

— Да; конечно, много нечего писать. А такъ — нѣсколько словъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ . . . начать такъ: «будучи» . . . или вотъ еще: «движимые» . . . —

— «Движимые» . . . хорошо.

— Потомъ надо будетъ сказать: «сія малая наша лепта» . . .

— Лепта . . . хорошо тоже; ну, бери перо, садись, пиши, валяй!

— Сперва черновую, — замѣтилъ я.

— Ну, черновую; только пиши, пиши . . . А я ихъ пока мѣломъ почищу.

Я взялъ листъ бумаги, очинилъ перо; но не успѣлъ я вывести наверху листа: «его превосходительству, господину сіятельному князю» (у насъ тогда губернаторомъ былъ князь X.), какъ я остановился, пораженный необычнымъ шумомъ . . . внезапно поднявшимся у насъ въ домѣ. Давыдъ тоже замѣтилъ этотъ шумъ и тоже остановился, поднявъ часы въ лѣвой, тряпочку съ мѣломъ въ правой рукѣ. Мы переглянулись. Что за рѣзкій крикъ? Это тетка взвизгнула ... а это? — Это голосъ отца, хриплый отъ гнѣва. «Часы! часы!» оретъ кто-то, чуть ли не Транквиллитатинъ. — Ноги стучатъ, скрипятъ половицы, цѣлая орава бѣжитъ . . . несется прямо къ намъ. Я замираю отъ страха; да и Давыдъ бѣлъ, какъ глина, а смотритъ орломъ. «Василій, подлецъ, выдалъ», шепчетъ онъ сквозь зубы . . . Дверь отворяется настежь . . . и отецъ, въ халатѣ, безъ галстука, тетка въ пудрамантѣ, Транквиллитатинъ, Василій, Юшка, другой маль-

чикъ, поваръ Агапитъ — всѣ врываются въ комнату.

— Мерзавцы! — кричитъ отецъ, едва переводя дыханіе . . . — Наконецъ-то мы васъ накрыли! — И, увидавъ часы въ рукахъ Давыда: — подай! — вопитъ отецъ: — подай часы!

Но Давыдъ, не говоря ни слова, подскакиваетъ къ раскрытому окну — и прыгъ изъ него на дворъ — да на улицу!

Привыкшій подражать во всемъ моему образцу, я прыгаю тоже, я бѣгу вслѣдъ за Давыдомъ . . .

«Лови! держи!» гремятъ за нами дикіе, смѣшанные голоса.

Но мы уже мчимся по улицѣ, безъ шапокъ на головахъ, Давыдъ впередъ, я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него позади, а за нами топотъ и гвалтъ погони!

XIX

Много лѣтъ протекли со времени всѣхъ этихъ происшествій; я не разъ размышлялъ о нихъ — и до сихъ поръ такъ же не могу понять причины той ярости, которая овладѣла моимъ отцомъ, столь недавно еще запретившимъ самое упоминовеніе при немъ этихъ надоѣвшихъ ему часовъ, какъ я не могъ понять тогда бѣшенства Давыда при извѣстіи о похищеніи ихъ Васильемъ! — Поневолѣ приходитъ въ голову, что въ нихъ заключалась какая-то таинственная сила. Василій не выдалъ насъ, какъ это предполагалъ Давыдъ, — не до того ему было: онъ слишкомъ сильно перетрусился, — а просто, одна изъ нашихъ дѣвушекъ увидала часы въ его рукахъ и немедленно донесла объ этомъ теткѣ. Сыръ-боръ и загорѣлся.

Итакъ, мы мчались по улицѣ, по самой ея серединѣ. Попадавшіеся намъ прохожіе оста-

навливались или сторонились въ недоумѣніи. Помнится, одинъ отставной секундъ-маіоръ, извѣстный борзятникъ, внезапно высунулся изъ окна своей квартиры — и весь багровый, съ туловищемъ на перевѣсѣ, неистово заулюлюкалъ! «Стой! держи!» продолжало гремѣть за нами. — Давыдъ бѣжалъ, крутя часы надъ головою, изрѣдка вспрыгивая; я вспрыгивалъ тоже, и тамъ же, гдѣ онъ.

— Куда? — кричу я Давыду, видя, что онъ сворачиваетъ съ улицы въ переулокъ — и сворачивая вслѣдъ за нимъ.

— Къ Окѣ! — кричитъ онъ. — Въ воду ихъ, въ рѣку, къ чорту!

— Стой, стой! — ревутъ за нами . . .

Но мы уже летимъ по переулку. Вотъ, намъ навстрѣчу уже повѣяло холодкомъ — и рѣка передъ нами, и грязный, крутой спускъ, и деревянный мостъ съ вытянутымъ по немъ обозомъ, и гарнизонный солдатъ съ пикой возлѣ шлагбаума; — тогда солдаты ходили съ пиками... Давыдъ уже на мосту, мчится мимо солдата, который старается ударить его по ногамъ пикой — и попадаетъ въ проходившаго теленка. — Давыдъ мгновенно вскакиваетъ на перила — онъ издаетъ радостное восклицаніе . . . Что-то бѣлое, что-то голубое сверкнуло, мелькнуло въ воздухѣ — это серебряные часы вмѣстѣ съ бисернымъ Васильевымъ шнуркомъ полетѣли въ волны . . . Но тутъ совершается нѣчто невѣроятное! Вслѣдъ за часами ноги Давыда вскидываются вверхъ — и самъ онъ весь, головою внизъ, руки впередъ, съ разлетѣвшимися фалдами куртки, описываетъ въ воздухѣ крутую дугу — въ жаркій день такъ вспугнутыя лягушки прыгаютъ съ высокаго берега въ воду пруда — и мгновенно исчезаетъ за перилами моста . . . а тамъ — бухъ! и тяжкій всплескъ внизу . . .

Что со мною стало — я совершенно не въ силахъ описать. Я находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Давыда, когда онъ спрыгнулъ съ перилъ . . . но я даже не помню, закричалъ ли я; не думаю даже, что я испугался: я онѣмѣлъ, я одурѣлъ. Руки, ноги отнялись. Вокругъ меня толкались, бѣгали люди; нѣкоторые изъ нихъ мнѣ показались знакомыми: Трофимычъ вдругъ промелькнулъ, солдатъ съ пикой бросился куда-то въ сторону, лошади обоза поспѣшно проходили мимо, задравши кверху привязанныя морды . . . Потомъ все позеленѣло, и кто-то меня сильно толкнулъ въ затылокъ и вдоль всей спины . . . Это я въ обморокъ упалъ.

Помню, что я потомъ приподнялся и, видя, что никто не обращаетъ на меня вниманія, подошелъ къ периламъ, но не съ той стороны, съ которой спрыгнулъ Давыдъ: подойти къ ней мнѣ казалось страшнымъ, — а къ другой, и сталъ глядѣть на рѣку, бурливую, синюю, вздутую; помню, что недалеко отъ моста, у берега, я замѣтилъ причаленную лодку, а въ лодкѣ нѣсколько людей, и одинъ изъ нихъ, весь мокрый и блестящій на солнцѣ, перегнувшись съ края лодки, вытаскивалъ что-то изъ воды, что-то не очень большое, какую-то продолговатую, темную вещь, которую я сначала принялъ за чемоданъ или корзину; но всмотрѣвшись попристальнѣе, я увидалъ, что эта вещь была — Давыдъ! Тогда я весь встрепенулся, закричалъ благимъ матомъ и побѣжалъ къ лодкѣ, проталкиваясь сквозь народъ, а подбѣжавъ къ ней, оробѣлъ и сталъ оглядываться. Въ числѣ людей, обступившихъ ее, я узналъ Транквиллитатина, повара Агапита, съ сапогомъ въ рукѣ, Юшку, Василья . . . Мокрый, блестящій человѣкъ выволокъ подъ мышки изъ лодки тѣло Давыда, обѣ руки котораго

поднимались въ уровень лица, точно онъ закрыться хотѣлъ отъ чужихъ взоровъ, и положилъ его въ прибрежную грязь, на спину. Давыдъ не шевелился, словно вытянулся, свелъ пятки и выставилъ животъ. Лицо его было зеленовато, глаза подкатились, и вода капала съ волосъ. Мокрый человѣкъ, который его вытащилъ, фабричный по одеждѣ, началъ разсказывать, дрожа отъ холода и безпрестанно отводя волосы ото лба, какъ онъ это сдѣлалъ. Очень онъ прилично и старательно разсказывалъ.

— Вижу я, господа, что за причина? Какъ ахнетъ этта малецъ съ мосту . . . Ну! . . Я сейчасъ бѣгомъ по теченью внизъ, потому знаю — попалъ онъ въ самое стремя, пронесетъ его подъ мостомъ, ну, а тамъ . . . поминай, какъ звали! Смотрю: шапка такà мохнатенькая плыветъ, анъ это — его голова. Ну, я сейчасъ живымъ манеромъ въ воду, сгребъ его . . . Ну, а тутъ уже не мудрость!

Въ толпѣ послышалось два-три одобрительныхъ слова.

— Согрѣться теперь тебѣ надо, пойдемъ, шкальчикъ выкушаемъ, — замѣтилъ кто-то.

Но тутъ вдругъ кто-то судорожно продирается впередъ . . . Это Василій.

— Что же это вы, православные, — кричитъ онъ слезливо: — откачивать его надо. Это нашъ барчукъ!

— Откачивать его, откачивать, — раздается въ толпѣ, которая безпрестанно прибываетъ.

— За ноги повѣсить! Лучшее средство!

— На бочку брюхомъ, да и катай его взадъ и впередъ, пока что . . . Бери его, ребята!

— Не смѣй трогать! — вмѣшивается солдатъ съ пикой. — На гуптевахту стащить его надо.

— Сволочь! — доносится откуда-то басъ Трофимыча.

— Да онъ живъ, — кричу я вдругъ во все горло, почти съ ужасомъ.

Я приблизилъ-было свое лицо къ его лицу . . . «Такъ вотъ, каковы утопленники», думалось мнѣ, и душа замирала . . . И вдругъ я вижу — губы Давыда дрогнули, и его немножко вырвало водою . . .

Меня тотчасъ оттолкнули; оттащили, всѣ бросились къ нему.

— Качай его, качай! — зашумѣли голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, стой! — закричалъ Василій. — Домой его . . . домой!

— Домой, — подхватилъ самъ Транквиллитатинъ.

— Духомъ его сомчимъ, тамъ виднѣе будетъ, — продолжалъ Василїй . . . (Я съ того дня полюбилъ Василья) — Братцы! рогожки нѣтъ ли? А не то — берись за голову, за ноги . . .

— Постой! Вотъ рогожка! Клади! Подхватывай! Трогай! Важно: словно въ колымагѣ поѣхалъ.

И нѣсколько мгновеній спустя, Давыдъ, несомый на рогожѣ, торжественно вступилъ подъ кровъ нашего дома.

XX

Его раздѣли, положили на кровать. Уже на улицѣ онъ началъ подавать знаки жизни, мычалъ, махалъ руками . . . Въ комнатѣ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя. Но какъ только опасенія за жизнь его миновались, и возиться съ нимъ было уже не для чего — негодованіе вступило въ свои права: всѣ отступились отъ него, какъ отъ прокаженнаго.

— Покарай его Богъ! покарай его Богъ! — визжала тетка на весь домъ. — Сбудьте его куда-нибудь, Порфирій Петровичъ, а то онъ еще такую бѣду надѣлаетъ, что не расхлебаешь!

— Это, помилуйте, это аспидъ какой-то, да и бѣсноватый, — поддакивалъ Транквиллитатинъ.

— Злость, злость-то какая, — трещала тетка, подходя къ самой двери нашей комнаты, для того, чтобы Давыдъ ее непремѣнно услышалъ: — перво-на̀-перво укралъ часы, а потомъ ихъ въ воду... Не доставайся, молъ, никому... На-ка!

Всѣ, всѣ негодовали!

— Давыдъ, — спросилъ я его, какъ только мы остались одни: — для чего ты это сдѣлалъ?

— И ты туда же, — возразилъ онъ все еще слабымъ голосомъ: губы у него были синія, и весь онъ словно припухъ. — Что я такое сдѣлалъ?

— Да въ воду зачѣмъ прыгнулъ?

— Прыгнулъ! Не удержался на перилахъ, вотъ и вся штука. Умѣлъ бы плавать — нарочно бы прыгнулъ. Выучусь непремѣнно. А зато часы теперь — тю-тю!..

Но тутъ отецъ мой торжественнымъ шагомъ вошелъ въ нашу комнату.

— Тебя, любезный мой, — обратился онъ ко мнѣ: — я выпорю непремѣнно, не сомнѣвайся, хоть ты поперекъ лавки уже не ложишься. — Потомъ онъ подступилъ къ постели, на которой лежалъ Давыдъ. — Въ Сибири, — началъ онъ внушительнымъ и важнымъ тономъ: — въ Сибири, сударь ты мой, на каторгѣ, въ подземельяхъ живутъ и умираютъ люди, которые менѣе виноваты, менѣе преступны, чѣмъ ты! Самоубивецъ ты, или, просто, воръ, или уже вовсе дуракъ? — скажи ты мнѣ одно, на милость?!!

— Не самоубивецъ я, и не воръ, — отвѣчалъ Давыдъ: — а что правда, то правда: въ Сибирь попадаютъ хорошіе люди, лучше насъ съ вами . . . Кому же это знать, коли не вамъ?

Отецъ тихо ахнулъ, отступилъ шагъ назадъ, посмотрѣлъ пристально на Давыда, плюнулъ и, медленно перекрестившись, вышелъ вонъ.

— Не любишь? — проговорилъ ему вслѣдъ Давыдъ, и языкъ высунулъ. Потомъ онъ попытался подняться — однако не могъ. — Знать, какъ-нибудь расшибся, — промолвилъ онъ, кряхтя и морщась. — Помнится, о бревно меня водой толкнуло.

— Видѣлъ ты Раису? — прибавилъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ, не видѣлъ . . . Стой! стой! стой! Теперь я вспоминаю: ужъ не она ли стояла на берегу, возлѣ моста? — Да . . . Темное платьице, желтый платокъ на головѣ . . . Должно, она!

— Ну, а потомъ . . . видѣлъ ты ее?

— Потомъ . . . Я не знаю. Мнѣ не до того было. — Ты тутъ прыгнулъ . . .

Давыдъ всполошился.

— Голубчикъ, другъ, Алеша, сходи къ ней сейчасъ, скажи, что я здоровъ, что ничего со мною. Завтра же я у нихъ буду. Сходи скорѣе, братъ, одолжи!

Давыдъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки . . . Его высохшіе, рыжіе волосы торчали кверху забавными вихрами . . . но умиленное выраженіе его лица казалось отъ того еще болѣе искреннимъ. Я взялъ шапку и вышелъ изъ дому, стараясь не попасться на глаза отцу и не напомнить ему его обѣщанія.

XXI

«И въ самомъ дѣлѣ», размышлялъ я, идучи къ Латкинымъ: «какъ же это я не замѣтилъ Раисы? Куда она дѣлась? Должна же она была видѣть . . .»

И вдругъ я вспомнилъ: въ самый моментъ Давыдова паденія, у меня въ ушахъ зазвенѣлъ страшный, раздирающій крикъ . . .

Ужъ не она ли это? Но какъ же я потомъ ея не видѣлъ?

Передъ домикомъ, въ которомъ квартировалъ Латкинъ, разстилался пустырь, заросшій крапивой и обнесенный завалившимся плетнемъ. Едва перебрался я черезъ этотъ плетень (ни воротъ, ни калитки не было нигдѣ), какъ моимъ глазамъ представилось слѣдующее зрѣлище. На нижней ступенькѣ крылечка, передъ домомъ, сидѣла Раиса, облокотившись на колѣни и подперевъ подбородокъ скрещенными пальцами; она глядѣла прямо въ упоръ передъ собою; возлѣ нея стояла ея нѣмая сестричка и преспокойно помахивала кнутикомъ, а передъ крыльцомъ, спиной ко мнѣ, въ изорванномъ и истасканномъ камзолѣ, въ подштанникахъ и съ валенками на ногахъ, болтая локтями и кривляясь, сѣменилъ на мѣстѣ и подпрыгивалъ старикъ Латкинъ. Услышавъ мои шаги, онъ внезапно обернулся, присѣлъ на корточки — и, тотчасъ подскочивъ ко мнѣ, заговорилъ чрезвычайно быстро, трепетнымъ голосомъ, съ безпрестанными: чу, чу, чу! Я остолбенѣлъ. Я давно его не видалъ и, конечно, не узналъ бы его, если бы встрѣтился съ нимъ въ другомъ мѣстѣ. Это сморщенное, беззубое, красное лицо, эти круглые, тусклые глазки, взъерошенныя сѣдины, эти подергиванія, эти прыжки, эта безсмысленная, косноязычная рѣчь . . . Что это такое? Что за нечеловѣческое отчаяніе терзаетъ это несчастное существо? Что за «пляска смерти?»

— Чу, чу, — лепеталъ онъ, не переставая корчиться: — вотъ она, Васильевна, сейчасъ, чу, чу, вошла . . . Слышь! кор . . . рытомъ по

крышкѣ (онъ хлопнулъ себя рукою по головѣ) и сидитъ этакъ лопатой; и косая, косая, какъ Андрюшка; косая Васильевна! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: нѣмая.) Чу! косая моя Васильевна! Вотъ, онѣ обѣ теперь на одну корку . . . Полюбуйтесь, православные! Только у меня и есть эти двѣ лодочки! А?

Латкинъ, очевидно, сознавалъ, что говорилъ не то, неладно, и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы растолковать мнѣ, въ чемъ было дѣло. Раиса, казалось, не слышала вовсе, что говорилъ ея отецъ, а сестричка продолжала похлопывать кнутикомъ.

— Прощай, брильянтщикъ, прощай, прощай! — протянулъ Латкинъ нѣсколько разъ сряду, съ низкими поклонами, какъ бы обрадовавшись, что поймалъ, наконецъ, понятное слово.

У меня голова кругомъ пошла. — Что это все значитъ? — спросилъ я какую-то старуху, выглядывавшую изъ окна домика?

— Да что, батюшка, — отвѣчала та нараспѣвъ: — говорятъ, человѣкъ какой-то — и кто онъ, Господь его знаетъ — тонуть сталъ, а она это видѣла. Ну, перепугалась, что ли; пришла однако . . . ничего; да какъ сѣла на рундучокъ — съ той самой поры, вотъ, и сидитъ, какъ истуканъ какой; хоть ты говори ей, хоть нѣтъ. Знать, ей тоже безъ языка быть. Ахти-хти!

— Прощай, прощай, — повторялъ Латкинъ все съ тѣми же поклонами.

Я подошелъ къ Раисѣ и остановился прямо передъ нею.

— Раисочка, — закричалъ я: — что съ тобою?

Она ничего не отвѣчала; словно и не замѣтила меня. Лицо ея не поблѣднѣло, не измѣнилось — но какое-то каменное стало, и выраженіе на немъ такое ... какъ будто вотъ-вотъ, сейчасъ она заснетъ.

— Да косая же она, косая, — лепеталъ мнѣ въ ухо Латкинъ.

Я схватилъ Раису за руку. — Давыдъ живъ, — закричалъ я громче прежняго: — живъ и здоровъ, живъ Давыдъ, ты понимаешь? Его вытащили изъ воды, онъ теперь дома и велѣлъ сказать, что завтра придетъ къ тебѣ . . . Онъ живъ!

Раиса какъ бы съ трудомъ перевела глаза на меня; мигнула ими нѣсколько разъ, все болѣе и болѣе ихъ расширяя, потомъ нагнула голову на-бокъ, понемногу побагровѣла вся, губы ея раскрылись . . . Она медленно, полной грудью потянула въ себя воздухъ, сморщилась, какъ бы отъ боли, и, съ страшнымъ усиліемъ проговоривъ: «Да . . . Дав . . . жи . . . живъ», — порывисто встала съ крыльца и устремилась . . .

— Куда? — воскликнулъ я.

Но, слегка похохатывая и пошатываясь, она уже бѣжала черезъ пустырь . . .

Я, разумѣется, пустился за нею, между тѣмъ какъ позади меня поднялся дружный, старческій и дѣтскій вопль Латкина и глухо-нѣмой . . . Раиса мчалась прямо къ намъ.

«Вотъ, выдался денёкъ!» думалъ я, стараясь не отставать отъ мелькавшаго передо мною чернаго платьица . . . «Ну!»

XXII

Минуя Василья, тетку и даже Транквиллитатина, Раиса вбѣжала въ комнату, гдѣ лежалъ Давыдъ, и прямо бросилась ему на грудь. — Охъ . . . охъ . . . Да . . . выдушко, — зазвенѣлъ ея голосъ изъ подъ разсыпанныхъ ея кудрей: — охъ!

Сильно взмахнувъ руками, обнялъ ее Давыдъ и приникъ къ ней головою.

— Прости меня, сердце мое, — послышался и его голосъ.

И оба словно замерли отъ радости.

— Да отчего же ты ушла домой, Раиса, для чего не осталась? — говорилъ я ей . . . Она все еще не приподнимала головы. — Ты бы увидала, что его спасли . . .

— Ахъ, не знаю! Ахъ, не знаю! Не спрашивай! Не знаю, не помню, какъ это я домой попала. Помню только: вижу тебя на воздухѣ . . . что-то ударило меня . . . А что послѣ было . . .

— Ударило, — повторилъ Давыдъ, — и мы всѣ трое вдругъ дружно засмѣялись. Очень намъ было хорошо.

— Да что же это такое будетъ, наконецъ! — раздался за нами грозный голосъ, голосъ моего отца. Онъ стоялъ на порогѣ двери. — Прекратятся ли, наконецъ, эти дурачества, или нѣтъ? Гдѣ это мы живемъ? Въ россійскомъ государствѣ или во французской республикѣ?

Онъ вошелъ въ комнату.

— Во Францію ступай, кто хочетъ бунтовать, да безпутничать! А ты какъ смѣла сюда пожаловать? — обратился онъ къ Раисѣ, которая, тихонько приподнявшись и повернувшись къ нему лицомъ, видимо заробѣла, но продолжала улыбаться какой-то ласковой и блаженной улыбкой. — Дочь моего заклятаго врага! Какъ ты дерзнула? Еще обниматься вздумала! Вонъ сейчасъ! а не то . . .

— Дядюшка, — промолвилъ Давыдъ, и сѣлъ въ постели. — Не оскорбляйте Раисы. Она уйдетъ . . . только вы не оскорбляйте ее.

— А ты что мнѣ за уставщикъ? Я ее не оскорбляю, не ос . . . кор . . . бляю! а просто гоню ее. Я тебя еще самого къ отвѣту потяну.

Чужую собственность затратилъ, на жизнь свою посягнулъ, въ убытки ввелъ.

— Въ какіе это убытки? — перебилъ Давыдъ.

— Въ какіе? Платье испортилъ — это ты за ничто считаешь? Да на водку я далъ людямъ, которые тебя принесли! Всю семью перепугалъ, да еще фордыбачится! А коли сія дѣвица, забывъ стыдъ и самую честь . . .

Давыдъ рванулся съ постели. — Не оскорбляйте ее, говорятъ вамъ!

— Молчи!

— Не смѣйте . . .

— Молчи!

— Не смѣйте позорить мою невѣсту, — закричалъ Давыдъ во всю голову: — мою будущую жену!

— Невѣсту! — повторилъ отецъ и выпучилъ глаза. — Невѣсту! — Жену! Хо, хо, хо! . . (Ха, ха, ха, — отозвалась за дверью тетка) — Да тебѣ сколько лѣтъ-то? Безъ году недѣлю на свѣтѣ живетъ, молоко на губахъ не обсохло, недоросль! И жениться собирается! Да я! . . да ты . . .

— Пустите, пустите меня, — шепнула Раиса, и направилась къ двери. Она совсѣмъ помертвѣла.

— Я не у васъ позволенія буду просить, — продолжалъ кричать Давыдъ, опираясь кулаками на край постели: — а у моего родного отца, который не сегодня, завтра сюда пріѣхать долженъ! Онъ мнѣ указъ, а не вы; а что касается до моихъ лѣтъ, то намъ съ Раисой не къ спѣху . . . подождемъ, что вы тамъ ни толкуйте . . .

— Эй, Давыдка, опомнись! — перебилъ отецъ: — посмотри на себя: ты растерзанный весь . . . Приличіе всякое потерялъ!

Давыдъ захватилъ рукою на груди рубашку.

— Что вы ни толкуйте, — повторилъ онъ.

— Да зажми же ему ротъ, Порфирій Петровичъ, зажми ему ротъ, — запищала тетка изъ-за двери: — а эту потаскушку, эту негодницу . . . эту . . .

Но, знать, нѣчто необыкновенное пресѣкло въ этотъ мигъ краснорѣчіе моей тетки: голосъ ея порвался вдругъ и на мѣсто его послышался другой, старчески-сиплый и хилый . . .

— Братъ, — произнесъ этотъ слабый голосъ.
— Христіанская душа!

XXIII

Мы всѣ обернулись . . . Передъ нами, въ томъ же костюмѣ, въ какомъ его недавно видѣлъ, какъ привидѣніе, худой, жалкій, дикій, стоялъ Латкинъ.

— А Богъ! — произнесъ онъ какъ-то по-дѣтски, поднимая кверху дрожащій изогнутый палецъ и безсильнымъ взглядомъ осматривая отца: — Богъ покаралъ! а я за Ва . . . за Ра . . . да, да, за Раисочкой пришелъ! Мнѣ . . . чу! мнѣ что? Скоро въ землю — и какъ это бишь? Одна палочка, другая . . . перекладинка — вотъ что мнѣ . . . нужно . . . А ты братъ, бриль-янтщикъ . . . Смотри . . . вѣдь и я человѣкъ!

Раиса молча перешла черезъ комнату и, взявъ Латкина подъ руку, застегнула ему камзолъ.

— Пойдемъ, Васильевна, — заговорилъ онъ: — тутотка все святые; къ нимъ не ходи. И тотъ, что вонъ тамъ въ футлярѣ лежитъ, — онъ указалъ на Давыда, — тоже святой. А мы, братъ, съ тобою грѣшные. Ну, чу . . . простите, господа, старичка съ перчикомъ! Вмѣстѣ крали! — закричалъ онъ вдругъ: — вмѣстѣ крали! вмѣстѣ крали! — повторилъ онъ съ явнымъ наслажденіемъ: языкъ, наконецъ, послушался его.

Мы всѣ въ комнатѣ молчали.

— А гдѣ у васъ . . . икона тутъ? — спросилъ онъ, закидывая голову и подкатывая глаза: — почиститься надо.

Онъ сталъ молиться на одинъ изъ угловъ, умиленно крестясь, по нѣсколько разъ сряду, стуча пальцами то по одному плечу, то по другому и торопливо повторяя: «Помимуй мя, Го . . . мя Го . . . мя Го!» . . . Отецъ мой, который все время не сводилъ глазъ съ Латкина и слова не промолвилъ, вдругъ встрепенулся, всталъ съ нимъ рядомъ и тоже началъ креститься. Потомъ онъ обернулся къ нему, поклонился низко-низко, такъ, что одной рукой досталъ до полу и, проговоривъ: «прости меня и ты, Мартемьянъ Гаврилычъ», поцѣловалъ его въ плечо. Латкинъ ему въ отвѣтъ чмокнулъ губами въ воздухѣ и заморгалъ глазами: едва ли онъ хорошенько понималъ, чтó онъ такое дѣлаетъ. Потомъ отецъ мой обратился ко всѣмъ находившимся въ комнатѣ, къ Давыду, къ Раисѣ, ко мнѣ:

— Дѣлайте, что хотите, поступайте, какъ знаете, — промолвилъ онъ грустнымъ и тихимъ голосомъ, и удалился.

Тетка подъѣхала-было къ нему, но онъ окрикнулъ ее рѣзко и сурово. Онъ былъ потрясенъ.

— Мя Го . . . мя Го . . . помилуй! — повторилъ Латкинъ. — Я человѣкъ!

— Прощай, Давыдушко, — сказала Раиса, и вмѣстѣ со старикомъ тоже вышла изъ комнаты.

— Завтра у васъ буду, — крикнулъ ей вслѣдъ Давыдъ и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, прошепталъ: — усталъ я очень; теперь соснуть бы не худо, — и затихъ.

Я долго не выходилъ изъ нашей комнаты. Я прятался. Я не могъ забыть, чѣмъ отецъ

мнѣ погрозилъ. Но мои опасенія оказались напрасны. Онъ встрѣтилъ меня — и хоть бы слово проронилъ. Ему самому, казалось, было неловко. Впрочемъ, ночь скоро наступила — и все успокоилось въ домѣ.

XXIV

На слѣдующее утро Давыдъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а недолго спустя, въ одинъ и тотъ же день, совершились два важныхъ событія: утромъ старикъ Латкинъ умеръ, а къ вечеру пріѣхалъ въ Рязань дядя Егоръ, Давыдовъ отецъ. Не пославъ предварительнаго письма, никого не предупредивъ, свалился онъ, какъ снѣгъ на голову. Отецъ мой переполошился чрезвычайно и не зналъ, чѣмъ угостить, куда посадить дорогого гостя, метался, какъ угорѣлый, суетился, какъ виноватый; но, дядю, казалось, не слишкомъ трогало хлопотливое усердіе брата, онъ то и дѣло повторялъ: «къ чему это?» — да «не надо мнѣ ничего». Съ теткой онъ обошелся еще холоднѣе; впрочемъ, и она не больно его жаловала. Въ глазахъ ея онъ былъ безбожникомъ, еретикомъ, вольтеріанцемъ . . . (онъ, дѣйствительно, выучился французскому языку, чтобъ читать въ подлинникѣ Вольтера). Я нашелъ дядю Егора такимъ, какимъ описывалъ мнѣ его Давыдъ. Это былъ крупный, тяжелый мужчина, съ широкимъ, рябымъ лицомъ, важный и серьезный. Онъ постоянно носилъ шляпу съ плюмажемъ, манжеты, жабо̀ и табачнаго цвѣта камзолъ, съ стальною шпагою на бедрѣ. Давыдъ обрадовался ему несказанно — даже посвѣтлѣлъ и похорошѣлъ лицомъ, и глаза стали у него другіе — веселые, быстрые и блестящіе; но онъ всячески старался умѣрить свою радость и не высказывать ея словами: онъ

боялся смалодушничать. Въ первую же ночь послѣ пріѣзда дяди Егора, они оба — отецъ и сынъ — заперлись въ отведенной ему комнатѣ и долго бесѣдовали вполголоса; на другое утро я замѣтилъ, что дядя какъ-то особенно ласково и довѣрчиво посматривалъ на своего сына: очень онъ имъ казался доволенъ. Давыдъ повелъ его на панихиду къ Латкинымъ; я тоже пошелъ туда: отецъ мнѣ не препятствовалъ, но самъ остался дома. Раиса поразила меня своимъ спокойствіемъ: поблѣднѣла она и похудѣла очень, но слезъ она не проливала, и говорила, и держалась очень просто; и, со всѣмъ тѣмъ, странно сказать, я въ ней находилъ нѣкоторую величавость: невольную величавость горя, которое само себя забываетъ! Дядя Егоръ тутъ же, на паперти, познакомился съ нею; по тому, какъ онъ съ ней обращался, видно было, что Давыдъ ему уже говорилъ о ней. Она ему понравилась не хуже собственнаго сына: я это могъ прочесть въ Давыдовыхъ глазахъ, когда онъ глядѣлъ на нихъ обоихъ. Помню, какъ они заблистали, когда его отецъ сказалъ при немъ, говоря о ней: «умница, хозяйка будетъ». Въ домѣ у Латкиныхъ мнѣ разсказывали, что старикъ тихо погасъ, какъ догорѣвшая свѣчка, и пока не лишился силъ и сознанія, все гладилъ свою дочь по волосамъ и что-то приговаривалъ невнятное, но не печальное, и все улыбался. На похороны, въ церковь и на кладбище мой отецъ пошелъ, и очень усердно молился; даже Транквиллитатинъ пѣлъ на клиросѣ. Передъ могилой Раиса вдругъ зарыдала и упала лицомъ на землю; однако, скоро оправилась. Сестричка ея, глухо-нѣмая, озирала всѣхъ и все большими, свѣтлыми и немного дикими глазами; отъ времени до времени она жалась къ Раисѣ, но испуга

въ ней не замѣчалось. На другой же день послѣ похоронъ, дядя Егоръ, который, по всему было видно, пріѣхалъ изъ Сибири не съ пустыми руками (деньги на похороны далъ онъ, и Давыдова спасителя наградилъ щедро), но который о своемъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ ничего не разсказывалъ и никакихъ своихъ плановъ на будущее не сообщалъ, — дядя Егоръ внезапно объявилъ моему отцу, что не намѣренъ остаться въ Рязани, а уѣзжаетъ въ Москву вмѣстѣ съ сыномъ. Мой отецъ, приличія ради, высказалъ сожалѣніе и даже попытался — очень, правда, слабо — измѣнить дядино рѣшеніе; но въ глубинѣ души своей, онъ, я полагаю, очень ему обрадовался.

Присутствіе брата, съ которымъ у него было слишкомъ мало общаго, который не удостоилъ его даже упрека, который даже не пренебрегалъ, а просто брезгалъ имъ, — угнетало его . . . да и разстаться съ Давыдомъ не составляло для него особеннаго горя. Меня, разумѣется, разлука эта уничтожила; я словно осиротѣлъ на первыхъ порахъ, и потерялъ всякую опору въ жизни и всякую охоту къ ней.

Такъ-таки дядя уѣхалъ и увезъ съ собою не только Давыда, но, къ великому изумленію и даже негодованію всей нашей улицы, и Раису, и ея сестричку . . . Узнавъ о таковомъ его поступкѣ, тетка немедленно назвала его туркой, и называла его туркой до самаго конца своей жизни.

А я остался одинъ, одинъ . . . Но дѣло не обо мнѣ . . .

XXV

Вотъ и конецъ моей исторіи съ часами. Что еще сказать вамъ? Пять лѣтъ спустя, Давыдъ женился на своей Черногубкѣ, а въ 1812 году,

въ чинѣ артиллерійскаго поручика, погибъ славной смертью въ день бородинской битвы, защищая шевардинскій редутъ.

Съ тѣхъ поръ много утекло воды, и много часовъ у меня перебывало; я дошелъ даже до такого великолѣпія, что пріобрѣлъ себѣ настоящій брегетъ, съ секундной стрѣлкой, обозначеніемъ чиселъ и репетиціей . . . Но въ потаенномъ ящикѣ моего письменнаго стола хранятся старинные серебряные часы съ розаномъ на циферблатѣ; я ихъ купилъ у жида-разносчика, пораженный ихъ сходствомъ съ часами, нѣкогда подаренными мнѣ моимъ крестнымъ отцомъ. — Отъ времени до времени, когда я одинъ и никого къ себѣ не жду, я вынимаю ихъ изъ ящика и, глядя на нихъ, вспоминаю молодые дни и товарища тѣхъ дней, безвозвратно улетѣвшихъ . . .

Парижъ. — 1875 г.

Касьянъ съ Красивой-Мечи

Я возвращался съ охоты въ тряской телѣжкѣ и, подавленный душнымъ зноемъ лѣтняго облачнаго дня (извѣстно, что въ такіе дни жара̀ бываетъ иногда еще несноснѣе, чѣмъ въ ясные, особенно когда нѣтъ вѣтра), дремалъ и покачивался, съ угрюмымъ терпѣніемъ предавая всего себя на съѣденіе мелкой, бѣлой пыли, безпрестанно поднимавшейся съ выбитой дороги изъ-подъ разсохшихся и дребезжавшихъ колесъ, — какъ вдругъ вниманіе мое было возбуждено необыкновеннымъ безпокойствомъ и тревожными тѣлодвиженіями моего кучера, до этого мгновенія еще крѣпче дремавшаго, чѣмъ я. Онъ задергалъ вожжами, завозился на облучкѣ и началъ покрикивать на лошадей, то-и-дѣло поглядывая куда-то въ сторону. Я осмотрѣлся. Мы ѣхали по широкой распаханной равнинѣ; чрезвычайно пологими, волнообразными раскатами сбѣгали въ нее невысокіе, тоже распаханные холмы; взоръ обнималъ всего какихъ-нибудь пять верстъ пустыннаго пространства: вдали — небольшія березовыя рощи своими округленно-зубчатыми верхушками однѣ нарушали почти прямую черту небосклона. Узкія тропинки тянулись по полямъ пропадали въ лощинкахъ, вились по пригоркамъ, и на одной изъ нихъ, которой въ пятистахъ шагахъ впереди отъ насъ приходилось пересѣкать

нашу дорогу, различилъ я какой-то поѣздъ. На него-то поглядывалъ мой кучеръ.

Это были похороны. Впереди, въ телѣгѣ, запряженной одной лошадкой, шагомъ ѣхалъ священникъ; дьячокъ сидѣлъ возлѣ него и правилъ; за телѣгой четыре мужика, съ обнаженными головами, несли гробъ, покрытый бѣлымъ полотномъ; двѣ бабы шли за гробомъ. Тонкій, жалобный голосокъ одной изъ нихъ вдругъ долетѣлъ до моего слуха; я прислушался: она голосила. Уныло раздавался среди пустыхъ полей этотъ переливчатый, однообразный, безнадежно-скорбный напѣвъ. Кучеръ погналъ лошадей: онъ желалъ предупредить этотъ поѣздъ. Встрѣтить на дорогѣ покойника — дурная примѣта. Ему, дѣйствительно, удалось проскакать по дорогѣ прежде чѣмъ покойникъ успѣлъ добраться до нея; но мы еще не отъѣхали и ста шаговъ, какъ вдругъ нашу телѣгу сильно толкнуло, она накренилась, чуть не завалилась. Кучеръ остановилъ разбѣжавшихся лошадей, махнулъ рукой и плюнулъ.

— Что тамъ такое? — спросилъ я.

Кучеръ мой слѣзъ молча и не торопясь.

— Да что такое?

— Ось сломалась . . . перегорѣла, — мрачно отвѣчалъ онъ, и съ такимъ негодованіемъ поправилъ вдругъ шлею на пристяжной, что та совсѣмъ покачнулась-было на бокъ, однако устояла, фыркнула, встряхнулась и преспокойно начала чесать себѣ зубомъ ниже колѣна передней ноги.

Я слѣзъ и постоялъ нѣкоторое время на дорогѣ, смутно предаваясь чувству непріятнаго недоумѣнія. Правое колесо почти совершенно подвернулось подъ телѣгу и, казалось, съ нѣмымъ отчаяніемъ поднимало къ верху свою ступицу.

— Что теперь дѣлать? — спросилъ я, наконецъ.

— Вонъ кто виноватъ! — сказалъ мой кучеръ, указывая кнутомъ на поѣздъ, который успѣлъ уже свернуть на дорогу и приближался къ намъ: — ужъ я всегда это замѣчалъ, — продолжалъ онъ: — это примѣта вѣрная — встрѣтить покойника . . . Да.

И онъ опять обезпокоилъ пристяжную, которая, видя его нерасположеніе и суровость, рѣшилась остаться неподвижною, и только изрѣдка и скромно помахивала хвостомъ. Я походилъ немного взадъ и впередъ и опять остановился передъ колесомъ.

Между тѣмъ покойникъ нагналъ насъ. Тихо свернувъ съ дороги на траву, потянулось мимо нашей телѣги печальное шествіе. Мы съ кучеромъ сняли шапки, раскланялись съ священникомъ, переглянулись съ носильщиками. Они выступали съ трудомъ; высоко поднимались ихъ широкія груди. Изъ двухъ бабъ, шедшихъ за гробомъ, одна была очень стара и блѣдна; неподвижныя ея черты, жестоко искаженныя горестью, хранили выраженіе строгой, торжественной важности. Она шла молча, изрѣдка поднося худую руку къ тонкимъ, ввалившимся губамъ. У другой бабы, молодой женщины лѣтъ двадцати пяти, глаза были красны и влажны, и все лицо опухло отъ плача; поровнявшись съ нами, она перестала голосить и закрылась рукавомъ . . . Но вотъ, покойникъ миновалъ насъ, выбрался опять на дорогу, и опять раздалось ея жалобное, надрывающее душу пѣніе. Безмолвно проводивъ глазами мѣрно колыхавшійся гробъ, кучеръ мой обратился ко мнѣ.

— Это Мартына плотника хоронятъ, — заговорилъ онъ: — что съ Рябой.

— А ты почему знаешь?

— Я по бабамъ узналъ. Старая-то — его мать, а молодая — жена.

— Онъ боленъ былъ, что ли?

— Да . . . горячка . . . Третьяго дня за дохтуромъ посылалъ управляющій, да дома дохтура не застали . . . А плотникъ былъ хорошій; зашибалъ маненько, а хорошій былъ плотникъ. Вишь баба-то его какъ убивается . . . Ну, да, вѣдь извѣстно: у бабъ слезы-то не купленныя. Бабьи слезы та же вода . . . Да.

И онъ нагнулся, пролѣзъ подъ поводомъ пристяжной и ухватился обѣими руками за дугу.

— Однако, — замѣтилъ я: — что-жъ намъ дѣлать?

Кучеръ мой сперва уперся колѣномъ въ плечо коренной, тряхнулъ раза два дугой, поправилъ сѣделку, потомъ опять пролѣзъ подъ поводомъ пристяжной и, толкнувъ ее мимоходомъ въ морду, подошелъ къ колесу — подошелъ и, не спуская съ него взора, медленно досталъ изъ-пóдъ полы кафтана тавлинку, медленно вытащилъ за ремешокъ крышку, медленно всунулъ въ тавлинку своихъ два толстыхъ пальца (и два-то едва въ ней умѣстились), помялъ-помялъ табакъ, перекосилъ заранѣе носъ, понюхалъ съ разстановкой, сопровождая каждый пріемъ продолжительнымъ кряхтѣніемъ, и, болѣзненно щурясь и моргая прослезившимися глазами, погрузился въ глубокое раздумье.

— Ну, что? — проговорилъ я, наконецъ.

Кучеръ мой бережно вложилъ тавлинку въ карманъ, надвинулъ шляпу себѣ на брови, безъ помощи рукъ, однимъ движеніемъ головы, задумчиво полѣзъ на облучокъ.

— Куда же ты? — спросилъ я его не безъ изумленія.

— Извольте садиться, — спокойно отвѣчалъ онъ и подобралъ вожжи.

— Да какъ же мы поѣдемъ?

— Ужъ поѣдемъ-съ.

— Да ось . . .

— Извольте садиться.

— Да ось сломалась . . .

— Сломалась-то она, сломалась; ну, а до выселокъ доберемся . . . шагомъ, то-есть. Тутъ вотъ, за рощей, направо, есть выселки: Юдиными прозываются.

— И ты думаешь, мы доѣдемъ?

Кучеръ мой не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Я лучше пѣшкомъ пойду, — сказалъ я.

— Какъ угодно-съ . . .

И онъ махнулъ кнутомъ. Лошади тронулись.

Мы, дѣйствительно, добрались до выселковъ, хотя правое переднее колесо едва держалось и необыкновенно странно вертѣлось. На одномъ пригоркѣ оно чуть-чуть не слетѣло; но кучеръ мой закричалъ озлобленнымъ голосомъ, и мы благополучно спустились.

Юдины выселки состояли изъ шести низенькихъ и маленькихъ избушекъ, уже успѣвшихъ скривиться на бокъ, хотя ихъ, вѣроятно, поставили недавно: дворы не у всѣхъ были обнесены плетнемъ. Въѣзжая въ эти выселки, мы не встрѣтили ни одной живой души; даже курицъ не было видно на улицѣ, даже собакъ; только одна, черная, съ куцымъ хвостомъ, торопливо выскочила при насъ изъ совершенно высохшаго корыта, куда ее, должно-быть, загнала жажда, и тотчасъ, безъ лая, опрометью бросилась подъ ворота. Я зашелъ въ первую избу, отворилъ дверь въ сѣни, окликнулъ хозяевъ, — никто не отвѣчалъ мнѣ. Я кликнулъ еще разъ: голодное мяуканье кошки раздалось за другой дверью. Я толкнулъ ее ногой: худая кошка шмыгнула мимо меня, сверкнувъ во тьмѣ зелеными глазами. Я всунулъ голову въ комнату, посмотрѣлъ:

темно, дымно и пусто. Я отправился на дворъ, и тамъ никого не было . . . Въ загородкѣ теленокъ промычалъ; хромой, сѣрый гусь отковылялъ немного въ сторону. Я перешелъ во вторую избу, — и во второй избѣ ни души. Я на дворъ . . .

По самой серединѣ ярко освѣщеннаго двора, на самомъ, какъ говорится, припёкѣ, лежалъ, лицомъ къ землѣ и накрывши голову армякомъ, какъ мнѣ показалось, мальчикъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, возлѣ плохой телѣжонки, стояла, подъ соломеннымъ навѣсомъ, худая лошаденка въ оборванной сбруѣ. Солнечный свѣтъ, падая струями сквозь узкія отверстія обветшалаго намета, пестрилъ небольшими свѣтлыми пятнами ея косматую, красно-гнѣдую шерсть. Тутъ же, въ высокой скворешницѣ, болтали скворцы, съ спокойнымъ любопытствомъ поглядывая внизъ изъ своего воздушнаго домика. Я подошелъ къ спящему и началъ его будить . . .

Онъ поднялъ голову, увидалъ меня и тотчасъ вскочилъ на ноги . . . «Что, что надо? что такое?» забормоталъ онъ спросонья.

Я не тотчасъ ему отвѣтилъ: до того поразила меня его наружность. Вообразите себѣ карлика лѣтъ пятидесяти, съ маленькимъ, смуглымъ и сморщеннымъ лицомъ, острымъ носикомъ, карими, едва замѣтными глазками и курчавыми, густыми, черными волосами, которые, какъ шляпка на грибѣ, широко сидѣли на крошечной его головкѣ. Все тѣло его было чрезвычайно тщедушно и худо, и рѣшительно нельзя передать словами, до чего былъ необыкновененъ и страненъ его взглядъ.

— Что надо? — спросилъ онъ меня опять.

Я объяснилъ ему, въ чемъ было дѣло; онъ слушалъ меня, не спуская съ меня своихъ медленно моргавшихъ глазъ.

— Такъ нельзя ли намъ новую ось достать? — сказалъ я-наконецъ: — я бы съ удовольствіемъ заплатилъ.

— А вы кто такіе? охотники, что ли? — спросилъ онъ, окинувъ меня взоромъ съ ногъ до головы.

— Охотники.

— Пташекъ небесныхъ стрѣляете, небось? . . звѣрей лѣсныхъ? . . И не грѣхъ вамъ Божьихъ пташекъ убивать, кровь проливать неповинную?

Странный старичокъ говорилъ очень протяжно. Звукъ его голоса также изумилъ меня. Въ немъ не только не слышалось ничего дряхлаго, — онъ былъ удивительно сладокъ, молодъ и почти женски нѣженъ.

— Оси у меня нѣтъ, — прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — эта вотъ не годится (онъ указалъ на свою телѣжку), — у васъ, чай, телѣга большая.

— А въ деревнѣ найти можно?

— Какая тутъ деревня! . . Здѣсь ни у кого нѣтъ . . . Да и до̀ма нѣтъ никого: всѣ на работѣ. Ступайте, — промолвилъ онъ вдругъ, и легъ опять на землю.

Я никакъ не ожидалъ этого заключенія.

— Послушай, старикъ, — заговорилъ я, коснувшись до его плеча: — сдѣлай одолженіе, помоги.

— Ступайте съ Богомъ! Я усталъ: въ городъ ѣздилъ, — сказалъ онъ мнѣ, и потащилъ себѣ армякъ на голову.

— Да сдѣлай же одолженіе, — продолжалъ я: — я . . . я заплачу.

— Не надо мнѣ твоей платы.

— Да пожалуйста, старикъ . . .

Онъ приподнялся до половины и сѣлъ, скрестивъ свои тонкія ножки.

— Я бы тебя свелъ, пожалуй, на ссѣчки*. Тутъ у насъ купцы рощу купили, — Богъ имъ судья, сводятъ рощу-то, и контору выстроили, Богъ имъ судья. Тамъ бы ты у нихъ ось и заказалъ, или готовую купилъ.

— И прекрасно! — радостно воскликнулъ я. — Прекрасно! . . пойдемъ.

— Дубовую ось, хорошую, — продолжалъ онъ, не поднимаясь съ мѣста.

— А далеко до тѣхъ ссѣчекъ?

— Три версты.

— Ну, что-жъ! мы можемъ на твоей телѣжкѣ доѣхать!

— Да нѣтъ . . .

— Ну, пойдемъ, — сказалъ я: — пойдемъ, старикъ! Кучеръ насъ на улицѣ дожидается.

Старикъ неохотно всталъ и вышелъ за мной на улицу. Кучеръ мой находился въ раздраженномъ состояніи духа: онъ собрался-было попоить лошадей, но воды въ колодцѣ оказалось чрезвычайно мало, и вкусъ ея былъ нехорошій, а это, какъ говорятъ кучерà, первое дѣло . . . Однако, при видѣ старика, онъ осклабился, закивалъ головой и воскликнулъ:

— А, Касьянушка! здорово!

— Здорово, Ерофей, справедливый человѣкъ! — отвѣчалъ Касьянъ унылымъ голосомъ.

Я тотчасъ сообщилъ кучеру его предложеніе; Ерофей объявилъ свое согласіе и въѣхалъ на дворъ. Пока онъ, съ обдуманной хлопотливостью, отпрягалъ лошадей, старикъ стоялъ, прислонясь плечомъ къ воротамъ, и невесело посматривалъ то на него, то на меня. Онъ какъ будто недоумѣвалъ: его, сколько я могъ замѣтить, не слишкомъ радовало наше внезапное посѣщеніе.

---

* Срубленное мѣсто въ лѣсу.

— А развѣ и тебя переселили? — спросилъ его вдругъ Ерофей, снимая дугу.

— И меня.

— Экъ! — проговорилъ мой кучеръ сквозь зубы. — Знаешь, Мартынъ-то плотникъ . . . ты вѣдь рябовскаго Мартына знаешь?

— Знаю.

— Ну, онъ умеръ. Мы сейчасъ его гробъ повстрѣчали.

Касьянъ вздрогнулъ.

— Умеръ? — проговорилъ онъ и потупился.

— Да, умеръ. Что-жъ ты его не вылѣчилъ, а? Вѣдь ты, говорятъ, лѣчишь, ты лѣкарка.

Мой кучеръ видимо потѣшался, глумился надъ старикомъ.

— А это твоя телѣга, что ли? — прибавилъ онъ, указывая на нее плечомъ.

— Моя.

— Ну, телѣга . . телѣга! — повторилъ онъ, и, взявъ ее за оглобли, чуть не опрокинулъ кверху дномъ . . . Телѣга! . . . А на чемъ же вы на ссѣчки поѣдете? . . Въ эти оглобли нашу лошадь не впряжешь: наши лошади большiя, — а это что такое?

— А не знаю, — отвѣчалъ Касьянъ: — на чемъ вы поѣдете; развѣ вотъ на этомъ животикѣ, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— На этомъ-то? — подхватилъ Ерофей и, подойдя къ Касьяновой клячонкѣ, презрительно ткнулъ ее третьимъ пальцемъ правой руки въ шею. — Ишь, — прибавилъ онъ съ укоризной: — заснула, ворона!

Я попросилъ Ерофея заложить ее поскорѣй. Мнѣ самому захотѣлось съѣздить съ Касьяномъ на ссѣчки: тамъ часто водятся тетерева̀. Когда уже телѣжка была совсѣмъ готова, и я кое-какъ вмѣстѣ съ своей собакой уже умѣстился на ея

покоробленномъ лубочномъ днѣ, и Касьянъ, сжавшись въ комочекъ и съ прежнимъ унылымъ выраженіемъ на лицѣ, тоже сидѣлъ на передней грядкѣ, — Ерофей подошелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ прошепталъ:

— И хорошо сдѣлали, батюшка, что съ нимъ поѣхали. Вѣдь онъ такой, вѣдь онъ юродивецъ и прозвище-то ему: Блоха. Я не знаю, какъ вы понять-то его могли . . .

Я хотѣлъ-было замѣтить Ерофею, что до сихъ поръ Касьянъ мнѣ казался весьма разсудительнымъ человѣкомъ; но кучеръ мой тотчасъ продолжалъ, тѣмъ же голосомъ:

— Вы только смотрите, того, туда ли онъ васъ привезетъ. Да ось-то сами извольте выбрать: поздоровѣе ось извольте взять . . . А что, Блоха, — прибавилъ онъ громко: — что, у васъ хлѣбушкомъ можно разжиться?

— Поищи; можетъ, найдется, — отвѣчалъ Касьянъ, дернулъ вожжами, и мы покатили.

Лошадка его, къ истинному моему удивленію, бѣжала очень недурно. Въ теченіе всей дороги Касьянъ сохранялъ упорное молчаніе и на мои вопросы отвѣчалъ отрывисто и нехотя. Мы скоро доѣхали до ссѣчекъ, а тамъ добрались и до конторы, высокой избы, одиноко стоявшей надъ небольшимъ оврагомъ, на скорую руку перехваченнымъ плотиной и превращеннымъ въ прудъ. Я нашелъ въ этой конторѣ двухъ молодыхъ купеческихъ приказчиковъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ зубами, сладкими глазами, сладкой и бойкой рѣчью и сладко-плутоватой улыбочкой, сторговалъ у нихъ ось и отправился на ссѣчки. Я думалъ, что Касьянъ останется при лошади, будетъ дожидаться меня; но онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ.

— А что, пташекъ стрѣлять идешь? — заговорилъ онъ: — а?

— Да, если найду.
— Я пойду съ тобой . . . Можно?
— Можно, можно.

И мы пошли. — Вырубленнаго мѣста было всего съ версту. Я, признаюсь, больше глядѣлъ на Касьяна, чѣмъ на свою собаку. Недаромъ его прозвали Блохой. Его черная, ничѣмъ не прикрытая головка (впрочемъ, его волосы могли замѣнить любую шапку) такъ и мелькала въ кустахъ. Онъ ходилъ необыкновенно проворно и словно все подпрыгивалъ на ходу, безпрестанно нагибался, срывалъ какія-то травки, совалъ ихъ за пазуху, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и все поглядывалъ на меня и на мою собаку, да такимъ пытливымъ, страннымъ взглядомъ. Въ низкихъ кустахъ, «въ мелочахъ», и на ссѣчкахъ часто держатся маленькія сѣрыя птички, которыя то-и-дѣло перемѣщаются съ деревца на деревцо и посвистываютъ, внезапно ныряя на лету. Касьянъ ихъ передразнивалъ, перекликался съ ними; поршокъ* полетѣлъ, чиликая, у него изъ-подъ ногъ, — онъ зачиликалъ ему вслѣдъ; жаворонокъ сталъ спускаться надъ нимъ, трепеща крылами и звонко распѣвая — Касьянъ подхватилъ его пѣсенку. Со мной онъ все не заговаривалъ . . .

Погода была прекрасная, еще прекраснѣе, чѣмъ прежде; но жара̀ все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака, изжелта-бѣлыя, какъ весенній запоздалый снѣгъ, плоскія и продолговатыя, какъ опустившіеся паруса̀. Ихъ узорчатые края, пушистые и легкіе, какъ хлопчатая бумага, медленно, но видимо измѣнялись съ каждымъ мгновеніемъ: они таяли, эти облака, и отъ нихъ не падало тѣни. Мы долго бродили съ Касьяномъ по ссѣчкамъ. Молодые отпрыски, еще не успѣвшіе

* Молодой перепелъ.

вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почернѣвшіе, низкіе пни; круглые губчатые наросты съ сѣрыми коймами, тѣ самые наросты, изъ которыхъ вываривають трутъ, лѣпились къ этимъ пнямъ; земляника пускала по нимъ свои розовые усики; грибы тутъ же тѣсно сидѣли семьями. Ноги безпрестанно путались и цѣплялись въ длинной травѣ, пресыщенной горячимъ солнцемъ; всюду рябило въ глазахъ отъ рѣзкаго металлическаго сверканія молодыхъ, красноватыхъ листьевъ на деревцахъ; всюду пестрѣли голубые гроздья журавлинаго гороха, золотыя чашечки куриной слѣпоты, на половину лиловые, на половину желтые цвѣты Ивана-да-Марьи; кое-гдѣ, возлѣ заброшенныхъ дорожекъ, на которыхъ слѣды колесъ обозначались полосами красной, мелкой травки, возвышались кучки дровъ, потемнѣвшихъ отъ вѣтра и дождя, сложенныя саженями; слабая тѣнь падала отъ нихъ косыми четвероугольниками, — другой тѣни не было нигдѣ. Легкій вѣтерокъ то просыпался, то утихалъ: подуетъ вдругъ прямо въ лицо и какъ будто разыграется, — все весело зашумитъ, закиваетъ и задвижется кругомъ, граціозно закачаются гибкіе концы папоротниковъ, — обрадуешься ему . . . но вотъ, ужъ онъ опять замеръ, и все опять стихло. Одни кузнечики дружно трещатъ, словно озлобленные, — и утомителенъ этотъ непрестанный, кислый и сухой звукъ. Онъ идетъ къ неотступному жару полудня; онъ словно рожденъ имъ, словно вызванъ имъ изъ раскаленной земли.

Не наткнувшись ни на одинъ выводокъ, дошли мы, наконецъ, до новыхъ ссѣчекъ. Тамъ недавно срубленныя осины печально тянулись по землѣ, придавивъ собою и траву, и мелкій кустарникъ; на иныхъ листья еще зеленые, но уже мертвые,

вяло свѣшивались съ неподвижныхъ вѣтокъ; на другихъ они уже засохли и покоробились. Отъ свѣжихъ, золотисто-бѣлыхъ щепокъ, грудами лежавшихъ около ярко-влажныхъ пней, вѣяло особеннымъ, чрезвычайно пріятнымъ, горькимъ запахомъ. Вдали, ближе къ рощѣ, глухо стучали топоры, и по временамъ, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево.

Долго не находилъ я никакой дичи; наконецъ, изъ широкаго дубоваго куста, насквозь проросшаго полынью, полетѣлъ коростель. Я ударилъ; онъ перевернулся на воздухѣ и упалъ. Услышавъ выстрѣлъ, Касьянъ быстро закрылъ глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядилъ ружья и не поднялъ коростеля. Когда же я отправился далѣе, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ упала убитая птица, нагнулся къ травѣ, на которую брызнуло нѣсколько капель крови, покачалъ головой, пугливо взглянулъ на меня . . . Я слышалъ послѣ, какъ онъ шепталъ: «Грѣхъ! . . Ахъ, вотъ это грѣхъ!»

Жара заставила насъ, наконецъ, войти въ рощу. Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный клёнъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ на толстый конецъ срубленной березы. Я глядѣлъ на него. Листья слабо колебались въ вышинѣ, и ихъ жидко-зеленоватыя тѣни тихо скользили взадъ и впередъ по его тщедушному тѣлу, кое-какъ закутанному въ темный армякъ, — по его маленькому лицу. Онъ не поднималъ головы. Наскучивъ его безмолвіемъ, я легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ, свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы

смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается надъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень. Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плёса, какъ-будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя, круглыя облака, — и вотъ, вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ — все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: — та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше, и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и не возможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины …

— Баринъ, а баринъ! — промолвилъ вдругъ Касьянъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ приподнялся; до сихъ поръ онъ едва отвѣчалъ на мои вопросы, а то вдругъ самъ заговорилъ.

— Что тебѣ? — спросилъ я.

— Ну, для чего ты пташку убилъ? — началъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

— Какъ для чего? . . Коростель — это дичь: его ѣсть можно.

— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

— Да, вѣдь, ты самъ, небось, гусей или курицъ, напримѣръ, ѣшь?

— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель — птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой, — и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла . . . А человѣку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлѣбъ — Божья благодать, да вòды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его лились свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важностію, изрѣдка закрывая глаза.

— Такъ и рыбу, по-твоему, грѣшно убивать? — спросилъ я.

— У рыбы кровь холодная, — возразилъ онъ съ увѣренностію: — рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая . . . Кровь, — продолжалъ онъ, помолчавъ: — святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется . . . великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ . . . Охъ, великій!

Онъ вздохнулъ и потупился. Я, признаюсь, съ совершеннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на страннаго старика. Его рѣчь звучала не мужичьей

рѣчью: такъ не говорять простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ, обдуманно-торжественный и странный . . . Я не слыхалъ ничего подобнаго.

— Скажи, пожалуйста, Касьянъ, — началъ я, не спуская глазъ съ его слегка раскраснѣвшагося лица: — чѣмъ ты промышляешь?

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ на мой вопросъ. Его взглядъ безпокойно забѣгалъ на мгновеніе.

— Живу, какъ Господь велитъ, — промолвилъ онъ, наконецъ: — а чтобы, то-есть, промышлять — нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразуменъ я больно, съ мальства; работаю, пока мочно, — работникъ-то я плохой . . . гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы. Ну, весной соловьевъ ловлю.

— Соловьевъ ловишь? . . . А какъ же ты говорилъ, что всякую лѣсную и полевую и прочую тамъ тварь не надо трогать?

— Убивать ее не надо, точно; смерть и такъ свое возьметъ. Вотъ, хоть бы Мартынъ-плотникъ: жилъ Мартынъ-плотникъ, и не долго жилъ, и померъ; жена его теперь убивается о мужѣ, о дѣткахъ малыхъ . . . Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить. Смерть и не бѣжитъ, да и отъ нея не убѣжишь; да помогать ей не должно . . . А я соловушекъ не убиваю, — сохрани Господи! Я ихъ не на муку ловлю, не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселіе.

— Ты въ Курскъ ихъ ловить ходишь?

— Хожу я и въ Курскъ, и подалѣ хожу, какъ случится. Въ болотахъ ночую да въ залѣсьяхъ, въ полѣ ночую одинъ, во глуши: тутъ кулички разсвистятся, тутъ зайцы кричатъ, тутъ селезни стрекочутъ . . . По вечеркамъ замѣчаю, по утренничкамъ выслушиваю, по зарямъ обсыпаю сѣткой

кусты . . . Иной соловушко такъ жалостно поетъ, сладко, жалостно даже.

— И продаешь ты ихъ?

— Отдаю добрымъ людямъ.

— А что-жъ ты еще дѣлаешь?

— Какъ дѣлаю?

— Чѣмъ ты занятъ?

Старикъ помолчалъ.

— Ничѣмъ я этакъ не занятъ . . . Работникъ я плохой. Грамотѣ, однако, разумѣю.

— Ты грамотный?

— Разумѣю грамотѣ. Помогъ Господь, да добрые люди.

— Что, ты семейный человѣкъ?

— Нѣту-ти, безсемейный.

— Что такъ? . . Перемерли, что ли?

— Нѣтъ, а такъ: задачи въ жизни не вышло. Да это все подъ Богомъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; а справедливъ долженъ быть человѣкъ, — вотъ что! Богу угоденъ, то-есть.

— И родни у тебя нѣтъ?

— Есть . . . да . . . такъ . . .

Старикъ замялся.

— Скажи, пожалуйста, — началъ я: — мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, что, дескать, отчего ты не вылѣчилъ Мартына? Развѣ ты умѣешь лѣчить?

— Кучеръ твой справедливый человѣкъ, — задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ: — а тоже не безъ грѣха. Лѣкаркой меня называютъ . . . Какая я лѣкарка! . . и кто можетъ лѣчить? Это все отъ Бога. А есть . . . есть травы, цвѣты есть: помогають, точно. Вотъ, хоть череда, напримѣръ, трава добрая для человѣка; вотъ, подорожникъ тоже; объ нихъ и говорить не зазорно; чистыя травки — Божіи. Ну, а другія не такъ: и помогаютъ-то онѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ.

Еще съ молитвой развѣ . . . Ну, конечно, есть и слова такія . . . А кто вѣруетъ — спасется, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Ты ничего Мартыну не давалъ? — спросилъ я.

— Поздно узналъ, — отвѣчалъ старикъ. — Да что! — кому какъ на роду написано. Не жилецъ былъ плотникъ Мартынъ, не жилецъ на землѣ: ужъ это такъ. Нѣтъ, ужъ какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другого, и хлѣбушекъ тому не въ прокъ, — словно что его отзываетъ . . . Да; упокой Господь его душу!

— Давно васъ переселили къ намъ? — спросилъ я, послѣ небольшого молчанія.

Касьянъ встрепенулся.

— Нѣтъ, недавно: года четыре. При старомъ баринѣ мы все жили на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а вотъ опека переселила. Старый баринъ у насъ былъ кроткая душа, смиренникъ, — царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно, ужъ такъ пришлось.

— А вы гдѣ прежде жили?

— Мы съ Красивой-Мечи.

— Далеко это отсюда?

— Верстъ сто.

— Что-жъ, тамъ лучше было?

— Лучше . . . лучше. Тамъ мѣста привольныя. рѣчныя, гнѣздо наше, а здѣсь тѣснота, сухмень... Здѣсь мы осиротѣли. Тамъ у насъ, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь — и Господи, Боже мой, что это? а? . . И рѣка-то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече. Вотъ, какъ далеко видно . . . смотришь, смотришь, ахъ ты, право! Ну, здѣсь, точно, земля лучше: суглинокъ, хорошій суглинокъ, говорятъ крестьяне;

да съ меня хлѣбушка-то всюду вдоволь народится.

— А что, старикъ, скажи правду: тебѣ, чай, хочется на родинѣ-то побывать?

— Да, посмотрѣлъ бы. А впрочемъ, вездѣ хорошо. Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ. Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь, — подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ: — и полегчитъ, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ, смотришь, — трава какая растетъ; ну, замѣтишь, — сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну напьешься, — замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя . . . А то, за Курскомъ пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленіе, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія-то благодать! И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости . . . И вотъ, ужъ, я бы туда пошелъ . . . Вѣдь я мало ли куда ходилъ! И въ Ромёнъ ходилъ, и въ Синбирскъ славный-градъ, и въ самую Москву золотыя-маковки; ходилъ на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видалъ, добрыхъ хрестьянъ, и въ городахъ побывалъ честныхъ . . . Ну, вотъ, пошелъ бы я туда . . . и вотъ . . . и ужъ и . . . И не одинъ я грѣшный . . . много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ . . . да! . . А то, что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ, — вотъ оно что . . .

Эти послѣднія слова Касьянъ произнесъ скороговоркой, почти невнятно; потомъ онъ еще что-то

сказалъ, чего я даже разслышать не могъ, а лицо его такое странное приняло выраженіе, что мнѣ невольно вспомнилось названіе «юродивца». Онъ потупился, откашлянулся и какъ будто пришелъ въ себя.

— Эко солнышко! — промолвилъ онъ вполголоса: — эка благодать, Господи! эка теплынь въ лѣсу!

Онъ повелъ плечами, помолчалъ, разсѣянно глянулъ и запѣлъ потихоньку. Я не могъ уловить всѣхъ словъ его протяжной пѣсенки; слѣдующія послышались мнѣ:

А зовутъ меня Касьяномъ,
А по прозвищу Блоха . . .

«Э!» подумалъ я: «да онъ сочиняетъ» . . . Вдругъ онъ вздрогнулъ и умолкъ, пристально всматриваясь въ чащу лѣса. Я обернулся и увидѣлъ маленькую крестьянскую дѣвочку, лѣтъ восьми, въ синемъ сарафанчикѣ, съ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ и плетенымъ кузовкомъ на загорѣлой, голенькой рукѣ. Она, вѣроятно, никакъ не ожидала насъ встрѣтить; какъ говорится, наткнулась на насъ, и стояла неподвижно въ зеленой чащѣ орѣшника, на тѣнистой лужайкѣ, пугливо посматривая на меня своими черными глазами. Я едва успѣлъ разглядѣть ее: она тотчасъ нырнула за дерево.

— Аннушка! Аннушка! подь сюда, не бойся, — кликнулъ старикъ ласково.

— Боюсь, — раздался тонкій голосокъ.

— Не бойся, поди ко мнѣ.

Аннушка молча покинула свою засаду, тихо обошла кругомъ, — ея дѣтскія ножки едва шумѣли по густой травѣ, — и вышла изъ чащи подлѣ самаго старика. Это была дѣвушка не восьми лѣтъ, какъ мнѣ показалось сначала, по небольшому ея росту, — но тринадцати или

четырнадцати. Все ея тѣло было мало и худо, но очень стройно и ловко, а красивое личико поразительно сходно съ лицомъ самого Касьяна, хотя Касьянъ красавцемъ не былъ. Тѣ же острыя черты, тотъ же странный взглядъ, лукавый и довѣрчивый, задумчивый и проницательный, и движенья тѣ же . . . Касьянъ окинулъ ее глазами; она стояла къ нему бокомъ.

— Что, грибы собирала? — спросилъ онъ.

— Да, грибы, — отвѣчала она съ робкой улыбкой.

— Много нашла?

— Много. (Она быстро глянула на него и опять улыбнулась)

— И бѣлые есть?

— Есть и бѣлые.

— Покажь-ка, покажь . . . (Она спустила кузовъ съ руки и приподняла до половины широкій листъ лопуха, которымъ грибы были покрыты.) — Э! — сказалъ Касьянъ, нагнувшись надъ кузовомъ: — да какіе славные! Ай да Аннушка!

— Это твоя дочка, Касьянъ, что ли? — спросилъ я. (Лицо Аннушки слабо вспыхнуло)

— Нѣтъ, такъ, сродственница, — проговорилъ Касьянъ съ притворной небрежностью. — Ну, Аннушка, ступай, — прибавилъ онъ тотчасъ: — ступай съ Богомъ. Да смотри . . .

— Да зачѣмъ же ей пѣшкомъ идти? — прервалъ я его. — Мы бы ее довезли . . .

Аннушка загорѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, ухватилась обѣими руками за веревочку кузовка и тревожно поглядѣла на старика.

— Нѣть, дойдетъ, — возразилъ онъ тѣмъ же равнодушно-лѣнивымъ голосомъ. — Что ей? . . Дойдетъ и такъ . . . Ступай.

Аннушка проворно ушла въ лѣсъ. Касьянъ поглядѣлъ за нею вслѣдъ, потомъ потупился и

усмѣхнулся. Въ этой долгой усмѣшкѣ, въ немногихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннушкѣ, въ самомъ звукѣ его голоса, когда онъ говорилъ съ ней, была неизъяснимая, страстная любовь и нѣжность. Онъ опять поглядѣлъ въ сторону, куда она пошла, опять улыбнулся и, потирая себѣ лицо, нѣсколько разъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ ты ее такъ скоро отослалъ? — спросилъ я его: — я бы у нея грибы купилъ . . .

— Да вы тамъ, все равно, дома купите, когда захотите, — отвѣчалъ онъ мнѣ, въ первый разъ употребляя слово «вы».

— А она у тебя прехорошенькая.

— Нѣтъ . . . какое . . . такъ — отвѣтилъ онъ, какъ бы нехотя, и съ того же мгновенья впалъ въ прежнюю молчаливость.

Видя, что всѣ мои усилія заставить его опять разговориться оставались тщетными, я отправился на ссѣчки. Притомъ же, и жара немного спала; но неудача или, какъ говорятъ у насъ, незадача моя продолжалась, и я съ однимъ коростелемъ и съ новой осью вернулся въ выселки. Уже подъѣзжая ко двору, Касьянъ вдругъ обернулся ко мнѣ.

— Баринъ, а баринъ, — заговорилъ онъ: — вѣдь я виноватъ передъ тобой: вѣдь это я тебѣ дичь-то всю отвелъ.

— Какъ такъ?

— Да ужъ это я знаю. А вотъ, и ученый пёсъ у тебя, и хорошій, а ничего не смогъ. Подумаешь, люди что, люди, а? Вотъ и звѣрь, а что изъ него сдѣлали?

Я бы напрасно сталъ убѣждать Касьяна въ невозможности «заговорить» дичь, и потому ничего не отвѣчалъ ему. Притомъ же, мы тотчасъ повернули въ ворота.

Въ избѣ Аннушки не было; она уже успѣла придти и оставить кузовъ съ грибами. Ерофей приладилъ новую ось, подвергнувъ ее сперва строгой и несправедливой оцѣнкѣ; а черезъ часъ я выѣхалъ, оставивъ Касьяну немного денегъ, которыя онъ сперва-было не принялъ, но потомъ, подумавъ и подержавъ ихъ на ладони, положилъ за пазуху. Въ теченіе этого часа онъ не произнесъ почти ни одного слова; онъ попрежнему стоялъ, прислонясь къ воротамъ, не отвѣчалъ на укоризны моего кучера и весьма холодно простился со мной.

Я, какъ только вернулся, успѣлъ замѣтить, что Ерофей мой снова находился въ сумрачномъ расположеніи духа . . . И въ самомъ дѣлѣ, ничего съѣстного онъ въ деревнѣ не нашелъ, водопой для лошадей былъ плохой. Мы выѣхали. Съ неудовольствіемъ, выражавшимся даже на его затылкѣ, сидѣлъ онъ на козлахъ и страхъ желалъ заговорить со мной, но, въ ожиданіи перваго моего вопроса, ограничивался легкимъ ворчаньемъ вполголоса и поучительными, а иногда язвительными рѣчами, обращенными къ лошадямъ. — «Деревня!» бормоталъ онъ: «а еще деревня! Спросилъ хошь квасу — и квасу нѣтъ . . . Ахъ ты, Господи! А вода — просто, тьфу! (Онъ плюнулъ вслухъ) Ни огурцовъ, ни квасу — ничего . . . Ну, ты, — прибавилъ онъ громко, обращаясь къ правой пристяжной: — я тебя знаю, потворница этакая! Любишь себѣ потворствовать небось . . . (И онъ ударилъ ее кнутомъ) — Совсѣмъ отлукавилась лошадь, а вѣдь какой прежде согласный былъ животъ . . . Ну-ну, оглядывайся! . .»

— Скажи, пожалуйста, Ерофей, — заговорилъ я: — что за человѣкъ этотъ Касьянъ?

Ерофей не скоро мнѣ отвѣчалъ: онъ, вообще, человѣкъ былъ обдумывающій и неторопливый;

но я тотчасъ могъ догадаться, что мой вопросъ его развеселилъ и успокоилъ.

— Блоха-то? — заговорилъ онъ, наконецъ, передернувъ вожжами: — чудной человѣкъ: какъ есть, юродивецъ; такого чудного человѣка и не скоро найдешь другого. Вѣдь, напримѣръ, вѣдь онъ ни дать, ни взять нашъ вотъ саврасый: отъ рукъ отбился тоже . . . отъ работы, то-есть. Ну, конечно, что онъ за работникъ, — въ чемъ душа держится, — ну, а все-таки . . . Вѣдь онъ сызмальства такъ. Сперва онъ со дядьями со своими въ извозъ ходилъ: они у него были троечные; ну, а потомъ, знать, наскучило — бросилъ. Сталъ дома жить, да и дома-то не усиживался: такой безпокойный, — ужъ точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, добрый — не принуждалъ. Вотъ, онъ такъ съ тѣхъ поръ все и болтается, что овца безпредѣльная. И вѣдь такой удивительный. Богъ его знаетъ: то молчитъ, какъ пень, то вдругъ заговоритъ, — а что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Развѣ это манеръ? Это не манеръ. Несообразный человѣкъ, какъ есть. Поетъ, однако, хорошо. Этакъ важно — ничего, ничего.

— А что, онъ лѣчитъ, точно?

— Какое лѣчитъ? . . Ну, гдѣ ему! Таковскій онъ человѣкъ! Меня, однако, отъ золотухи вылѣчилъ . . . Гдѣ ему! глупый человѣкъ, какъ есть, — прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Ты его давно знаешь?

— Давно. Мы имъ по Сычовкѣ сосѣди, на Красивой-то на Мечи.

— А что эта, намъ въ лѣсу попалась, дѣвушка, Аннушка, что, она ему родня?

Ерофей посмотрѣлъ на меня черезъ плечо и осклабился во весь ротъ.

— Хе! . . да, сродни. Она сирота; матери у ней нѣту, да и неизвѣстно, кто ея мать-то была.

Ну, а должно-быть, что сродственница: больно на него смахиваетъ . . . Ну, живетъ у него. Вострая дѣвка, нечa сказать; хорошая дѣвка, и онъ, старый, въ ней души не чаетъ: дѣвка хорошая. Да вѣдь онъ, вы вотъ не повѣрите, а вѣдь онъ, пожалуй, Аннушку-то свою грамотѣ учить вздумаетъ. Ей-ей, отъ него это станется: ужъ такой онъ человѣкъ неабнакавенный. Непостоянный такой, несоразмѣрный даже . . . Э-э-э! — вдругъ перервалъ самого себя мой кучеръ и, остановивъ лошадей, нагнулся на бокъ и принялся нюхать воздухъ. — Никакъ гарью пахнетъ? Такъ и есть! Ужъ эти мнѣ новыя оси . . . А, кажется, на что мазалъ . . . Пойти, водицы добыть: вотъ, кстати, и прудикъ.

И Ерофей медлительно слѣзъ съ облучка, отвязалъ ведерку, пошелъ къ пруду и, вернувшись, не безъ удовольствія слушалъ, какъ шипѣла втулка колеса, внезапно охваченная водою . . . Разъ шесть приходилось ему на какихъ-нибудь десяти верстахъ обливать разгоряченную ось, и уже совсѣмъ завечерѣло, когда мы возвратились домой.

Пунинъ и Бабуринъ

(Разсказъ Петра Петровича Б.)

. . . Я теперь и старъ, и боленъ — и чаще всего размышляю о смерти, съ каждымъ днемъ болѣе близкой; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь иногда — зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ; лѣтомъ, расхаживая тихимъ шагомъ по тѣнистой аллеѣ, — припоминаю я минувшіе годы, событія, лица; но не на зрѣлой порѣ моей жизни и не на молодости останавливаются тогда мои мысли. Онѣ переносятъ меня либо въ раннее дѣтство, либо въ первое отроческое время. Вотъ и теперь: я вижу себя въ деревнѣ у моей строгой и гнѣвной бабушки — мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ — и возникаютъ въ моемъ воображеніи два существа . . .

Но стану разсказывать по порядку и въ связи.

I

1830 г.

Старый лакей Филиппычъ вошелъ, по обыкновенью, на цыпочкахъ, съ повязаннымъ въ видѣ розетки галстукомъ, съ крѣпко стиснутыми — «чтобы не отдавало духомъ» — губами, съ сѣденькимъ хохолкомъ на самой серединѣ лба; вошелъ, поклонился и подалъ на желѣзномъ

подносѣ моей бабушкѣ большое письмо съ гербовой печатью. Бабушка надѣла очки, прочла письмо . . .

— Самъ онъ тутъ? — спросила она.

— Чего изволите? — робко проговорилъ Филиппычъ.

— Безтолковый! Тотъ, кто привезъ письмо — тутъ?

— Тутот-ка, тутот-ка . . . Въ конторѣ сидитъ.

Бабушка погремѣла своими янтарными четками . . . — Вели ему явиться . . . А ты, сударь, — обратилась она ко мнѣ: — сиди смирно.

Я и такъ не шевелился въ своемъ уголку, на присвоенномъ мнѣ табуретѣ.

Бабушка держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ!

Минутъ пять спустя, вошелъ въ комнату человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, черноволосый, смуглый, съ широкоскулымъ, рябымъ лицомъ, крючковатымъ носомъ и густыми бровями, изъ-подъ которыхъ спокойно и печально выглядывали небольшіе сѣрые глаза. Цвѣтъ этихъ глазъ и выраженіе ихъ не соотвѣтствовали восточному складу остального лица. Одѣтъ былъ вошедшій человѣкъ въ степенный, долгополый сюртукъ. Онъ остановился у самой двери и поклонился — одной головою.

— Твоя фамилія Бабуринъ? — спросила бабушка, и тутъ же прибавила про себя: «Il a l'air d'un arménien».

— Точно такъ-съ, — отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки: «твоя» — брови его слегка дрогнули. Ужъ не ожидалъ ли онъ, что она будетъ его «выкать», говорить ему: вы?

— Ты русскій? православный?

— Точно такъ-съ.

Бабушка сняла очки, и окинула Бабурина медлительнымъ взоромъ съ головы до ногъ. Онъ не опустилъ глазъ и только руки за спину заложилъ. Собственно меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но такихъ синихъ щекъ и подбородка я отроду не видывалъ!

— Яковъ Петровичъ, — начала бабушка: — въ письмѣ своемъ очень тебя рекомендуетъ, какъ человѣка «тверёзаго» и трудолюбиваго; однако, отчего же ты отъ него отошелъ?

— Имъ, сударыня, въ ихъ хозяйствѣ другого качества люди нужны.

— Другого . . . качества? Этого я что-то не понимаю. — Бабушка снова погремѣла чётками. — Яковъ Петровичъ мнѣ пишетъ, что за тобою двѣ странности водятся. Какія странности?

Бабуринъ легонько пожалъ плечами.

— Не могу знать, что имъ угодно было назвать странностями. Развѣ вотъ, что я . . . тѣлеснаго наказанія не допускаю.

Бабушка удивилась. — Неужто-жъ Яковъ Петровичъ тебя наказывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я имѣю правиломъ не употреблять тѣлеснаго наказанія . . . надъ крестьянами.

Бабушка удивилась больше прежняго, даже руки приподняла.

— А! — промолвила она, наконецъ, и нагнувши голову нѣсколько на бокъ, еще разъ пристально осмотрѣла Бабурина. — Это твое правило? Ну, это мнѣ совершенно все равно; я тебя не въ приказчики прошу, а въ конторщики, въ писцы. Почеркъ у тебя каковъ?

— Пишу я хорошо-съ, безъ ошибокъ орѳографическихъ.

— И это мнѣ все равно. Мнѣ — главное, чтобы чётко было, да безъ этихъ прописныхъ новыхъ буквъ съ хвостами, которыхъ я не люблю. А какая твоя другая странность?

Бабуринъ помялся на мѣстѣ, кашлянулъ . . .

— Быть-можетъ . . . господинъ помѣщикъ изволилъ намекать на то, что я не одинъ.

— Ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ . . . но . . .

Бабушка нахмурилась.

— Со мной живетъ одно лицо . . . мужескаго пола . . . товарищъ, убогій человѣкъ, съ которымъ я не разстаюсь . . . вотъ уже, почитай, десятый годъ.

— Онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ-съ, не родственникъ — товарищъ. Неудобствъ отъ него никакихъ по хозяйству произойти не можетъ, — поспѣшилъ прибавить Бабуринъ, какъ бы предупреждая возраженія. — Живетъ онъ на моихъ харчахъ, помѣщается въ одной со мной комнатѣ; скорѣй пользу онъ долженъ принесть, такъ какъ грамотѣ онъ обученъ, безъ лести сказать, въ совершенствѣ, и нравственность имѣетъ примѣрную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожевывая губами и щурясь.

— Онъ на твоемъ иждивеніи живетъ?

— На моемъ-съ.

— Ты его изъ милости содержишь?

— По справедливости . . . такъ какъ бѣднаго человѣка обязанность есть — помогать другому бѣдному.

— Вотъ какъ! Впервое слышу. Я до сихъ поръ полагала, что это скорѣй обязанность богатыхъ людей.

— Для богатыхъ, осмѣлюсь доложить, это занятіе . . . а для нашего брата . . .

— Ну, довольно, довольно, хорошо, — перебила бабушка и, подумавъ немного, промолвила въ носъ, что всегда было дурнымъ знàкомъ: — А какихъ онъ лѣтъ, твой нахлѣбникъ?

— Моихъ лѣтъ-съ.

— Твоихъ? — Я полагала, онъ твой воспитанникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; онъ мой товарищъ — и притомъ . . .

— Довольно, — вторично перебила бабушка. — Ты, значитъ, филантропъ. Яковъ Петровичъ правъ: въ твоемъ званіи — это странность большая. А теперь поговоримъ-ка о дѣлѣ. Я тебѣ растолкую, какія будутъ твои занятія. Да, вотъ еще насчетъ жалованья . . . — Que faites vous ici? — прибавила вдругъ бабушка, обративъ ко мнѣ свое сухое и желтое лицо. — Allez étudier votre devoir de mythologie.

Я вскочилъ, подошелъ къ бабушкиной ручкѣ и отправился, — не изучать миѳологію, а просто въ садъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ, и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, поросшіе снизу верескомъ и зорей. Лишь кое-гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки съ изумрудно-зеленой, шелковистой, тонкой травой, среди

которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣжки и свѣтлыми пятнами загорались золотые шарики «куриной слѣпоты». Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада — и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣстныя, — такъ, по крайней мѣрѣ, я воображалъ! — только мнѣ одному. Вышедши изъ бабушкинаго кабинета, я прямо отправился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною «Швейцаріей». Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до «Швейцаріи», я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидалъ, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная-длинная фигура, въ желтомъ фризовомъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбленномъ мною мѣстечкѣ! Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное, мягкое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручокъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губки, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленные дружка противъ дружки на вышинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ бы прислушиваясь. Я пододвинулся еще поближе, вглядѣлся еще внимательнѣе . . . Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнятъ и заставляютъ

пѣть канареекъ. Сукъ хрустнулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпые глазенки въ чащу и попятился-было . . . да наткнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте, — промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!

Мнѣ не понравилось, что онъ меня назвалъ барчукомъ. Что за фамильярность!

— Что вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ я строго.

— А вотъ, видите, — отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться. — Птичекъ на пѣніе вызываю. — Онъ показалъ мнѣ свои чашечки. — Зяблики отлично отвѣтствуютъ! Васъ, по младости вашихъ лѣтъ, пѣніе пернатыхъ должно услащать безпремѣнно! Извольте прислушать: я стану щебетать — а онѣ за мною сейчасъ — какъ пріятно!

Онъ началъ тереть свои чашечки. Точно, зябликъ отозвался на ближней рябинѣ. Незнакомецъ засмѣялся беззвучно и подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Смѣхъ этотъ и это подмигиваніе — каждое движеніе незнакомца, его шепелявый, слабый голосъ, выгнутыя колѣни, худощавыя руки, самый его картузъ, его длинный балахонъ — все въ немъ дышало добродушіемъ, чѣмъ-то невиннымъ и забавнымъ.

— Вы давно сюда пріѣхали? — спросилъ я.

— А сегодня.

— Да вы не тотъ ли, о которомъ . . .

— Господинъ Бабуринъ съ барыней говорилъ? Тотъ самый, тотъ самый.

— Вашего товарища Бабуринымъ зовутъ, а васъ?

— А меня — Пунинымъ. Пунинъ моя фамилія, Пунинъ. Онъ Бабуринъ, а я Пунинъ. — Онъ опять зажужжалъ чашечками. — Слышите, слышите зяблика . . . Какъ заливается!

Мнѣ этотъ чудакъ вдругъ «ужасно» полюбился. Какъ почти всѣ мальчики, я съ чужими либо робѣлъ, либо важничалъ, а съ этимъ я словно вѣкъ былъ знакомъ.

— Пойдемте со мною, — сказалъ я ему: — я знаю мѣстечко еще лучше этого; тамъ есть скамейка: мы сѣсть можемъ, и плотина оттуда видна.

— Извольте, пойдемте, — отвѣчалъ нараспѣвъ мой новый пріятель. Я пропустилъ его впередъ. На ходу онъ переваливался, шмыгалъ ногами и затылокъ назадъ закидывалъ.

Я замѣтилъ, что у него сзади на балахонѣ, подъ воротникомъ, болталась небольшая кисточка. — Что это у васъ такое виситъ? — спросилъ я.

— Гдѣ? — переспросилъ онъ, и пощупалъ воротникъ рукою. — А! Эта кисточка? Пущай ее! Значитъ, для красы пришита. Не мѣшаетъ.

Я привелъ его къ скамейкѣ, сѣлъ; онъ помѣстился рядомъ. — Здѣсь хорошо! — промолвилъ онъ и вздохнулъ глубоко, глубоко — Охъ, хорошохонько! Отличнѣйшій у васъ садъ! Охъ, охъ-хо!

Я посмотрѣлъ на него сбоку. — Какой у васъ картузъ, — невольно воскликнулъ я. — Покажите-ка!

— Извольте, барчукъ, извольте. — Онъ снялъ картузъ; я протянулъ-было руку, но поднялъ глаза и — такъ и прыснулъ. Пунинъ былъ совершенно лысъ; ни одного волосика не виднѣлось на заостренномъ его черепѣ, покрытомъ гладкой и бѣлой кожей.

Онъ провелъ по немъ ладонью и засмѣялся тоже. Когда онъ смѣялся, онъ словно захлебывался, раскрывалъ широко ротъ, закрывалъ глаза — а по лбу пробѣгали морщины снизу вверхъ, въ три ряда, какъ волны. — Что? — сказалъ онъ, наконецъ. — Не правда ли, настоящее яйцо?

— Настоящее, настоящее яйцо! — подхватилъ я съ восторгомъ. — И давно вы такіе?

— Давно; а какіе были волосы! — Золотое руно, подобное тому, за которымъ аргонавты переплывали морскія пучины.

Хотя мнѣ всего было двѣнадцать лѣтъ, однако, я, по милости моихъ миѳологическихъ занятій, зналъ, кто были аргонавты; тѣмъ болѣе удивился я, услышавъ это слово въ устахъ человѣка, одѣтаго чуть не въ рубище.

— Вы, стало-быть, учились миѳологіи? — спросилъ я, переворачивая въ рукахъ картузъ, который оказался на ватѣ, съ мѣховымъ облѣзлымъ околышкомъ и картоннымъ надломаннымъ козырькомъ.

— Изучалъ этотъ предметъ, барчучёночекъ мой миленькій; въ жизни моей всего было достаточно! А теперь возвратите-тка мнѣ покрышку, ею же защищается нагота главы моея.

Онъ нахлобучилъ картузъ, и, перекосивъ свои бѣловатыя брови, спросилъ меня: кто я собственно такой и кто мои родители?

— Я внукъ здѣшней помѣщицы, — отвѣчалъ я. — Я у ней одинъ. Папа и мама умерли.

Пунинъ перекрестился. — Царство имъ небесное! Значитъ: сирота; ну, и наслѣдникъ. Дворянская-то кровь сейчасъ видна: такъ въ глазенкахъ и бѣгаетъ, такъ и играетъ . . . ж . . . ж . . . ж . . . ж . . . — Онъ представилъ пальцами, какъ играетъ кровь. — Ну — а не знаете

ли, ваше благородіе, поладилъ ли мой товарищъ съ бабенькой вашей, получилъ ли мѣсто, которое ему обѣщали?

— Этого я не знаю.

Пунинъ крякнулъ. — Эхъ! кабы здѣсь пристроиться! хотя бы на время! А то странствуешь, странствуешь, пріюта не обрѣтается, тревоги житейскія не прекращаются, душа сомущается . . .

— Скажите, — перебилъ я его: — вы изъ духовнаго званія?

Пунинъ обернулся ко мнѣ и прищурился. — А какая сему вопросу причина, отроче мой любезный?

— Да вы такъ говорите — вотъ, какъ въ церкви читаютъ.

— Что славянскія-то реченія я употребляю? Но это не должно васъ удивлять. Положимъ, въ обыкновенной бесѣдѣ подобныя реченья не всегда умѣстны, но какъ только воспаришь духомъ — такъ сейчасъ и слогъ является возвышенный. Неужто же вашъ учитель — преподаватель словесности россійской — вѣдь вамъ ее преподаютъ? — неужто же онъ вамъ этого не объясняетъ?

— Нѣтъ, не объясняетъ, — отвѣтилъ я. — Когда мы въ деревнѣ живемъ — у меня и учителя нѣтъ. Въ Москвѣ у меня много учителей.

— А долго ли вы въ деревнѣ проживать изволите?

— Мѣсяца два, не больше: бабушка говоритъ, что я въ деревнѣ балуюсь. Гувернантка со мной есть и тутъ.

— Французенка?

— Француженка.

Пунинъ почесалъ у себя за ухомъ. — Сирѣчь, мамзель?

— Да; ее зовутъ мадмуазель Фрикэ. — Мнѣ вдругъ показалось постыднымъ, что у меня, двѣнадцатилѣтняго мальчика, не гувернеръ, а гувернантка, точно у дѣвочки! — Да я ея не слушаюсь, — прибавилъ я съ пренебреженіемъ. — Мнѣ что!

Пунинъ покачалъ головою. — Охъ, дворянчики, дворянчики! полюбились вамъ иностранчики! Отъ россійскаго вы отклонилися, — на чужое преклонилися, къ иноземцамъ обратилися . . .

— Что это? Вы стихами говорите? — спросилъ я.

— А вы какъ полагаете? Я могу завсегда, сколько угодно; потому, сіе мнѣ природно . . .

Но въ это самое мгновеніе раздался въ саду, за нами, сильный и рѣзкій свистъ. Собесѣдникъ мой проворно поднялся съ лавки. — Простите, барчукъ, это товарищъ меня зоветъ, ищетъ меня . . . Что-то онъ мнѣ скажетъ? простите, не взыщите . . .

Онъ юркнулъ въ кусты и исчезъ, а я посидѣлъ еще на скамейкѣ. Я чувствовалъ недоумѣнье и какое-то другое, довольно пріятное чувство . . . я никогда еще не встрѣчался и не говорилъ съ такимъ человѣкомъ. Понемногу я размечтался, но вспомнилъ миѳологію — и побрелъ домой.

Дома я узналъ, что бабушка сошлась съ Бабуринымъ: ему отвели небольшую комнату въ людской избѣ, на конномъ дворѣ. Онъ тотчасъ поселился въ ней съ своимъ товарищемъ.

На другое утро, я, напившись чаю и не отпросившись у мадмуазель Фрикэ, отправился въ людскую избу. Мнѣ хотѣлось опять поболтать со вчерашнимъ чудакомъ. Не постучавшись въ дверь — этого обычая у насъ и въ

заводѣ не было — я прямо вошелъ въ комнату. Я засталъ въ ней не того, кого я искалъ, не Пунина, а покровителя его — филантропа Бабурина. Онъ стоялъ передъ окномъ, безъ верхней одежды, широко растопыривъ ноги, и тщательно вытиралъ себѣ голову и шею длиннымъ полотенцемъ.

— Вамъ что угодно? — промолвилъ онъ, не опуская рукъ и насупивъ брови.

— Пунина нѣтъ дома? — спросилъ я самымъ развязнымъ манеромъ и не снимая шапки.

— Господина Пунина, Никандра Вавилыча, въ сію минуту, точно, нѣтъ дома, — отвѣчалъ, не торопясь, Бабуринъ: — но позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ: развѣ прилично — такъ, не спросясь, входить въ чужую комнату?

Я!.. молодой человѣкъ!.. какъ онъ смѣетъ!.. Я вспыхнулъ отъ гнѣва.

— Вы, должно-быть, меня не знаете, — произнесъ я уже не развязно, а надменно: — я здѣшней барыни внукъ.

— Это мнѣ все едино, — возразилъ Бабуринъ, снова принимаясь за полотенце. — Вы хоть и барскій внукъ — а не имѣете права входить въ чужую комнату.

— Какая же она чужая? Что вы?! Я здѣсь — вездѣ — дома.

— Нѣтъ, извините, здѣсь дома — я; потому, что комната эта назначена мнѣ, по условію, — за мои труды.

— Не учите меня, пожалуйста, — перебилъ я его: — я лучше васъ знаю, что . . .

— Васъ надобно учить, — перебилъ онъ меня въ свою очередь: — потому, что вы въ такомъ возрастѣ обрѣтаетесь . . . Я знаю свои обязанности, но и права свои знаю тоже очень хорошо,

и если вы будете продолжать такимъ образомъ со мною бесѣдовать — то мнѣ придется попросить васъ отсюда выйти.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось наше препираніе, если-бъ въ эту минуту, шмыгая и раскачиваясь, не вошелъ Пунинъ. Онъ, вѣроятно, догадался, по выраженію нашихъ лицъ, что между нами произошло что-то неладное, и тотчасъ обратился ко мнѣ съ самыми любезными изъявленіями радости.

— А, барчукъ! барчукъ! — воскликнулъ онъ, безпорядочно взмахивая руками и заливаясь своимъ беззвучнымъ смѣхомъ: — миленькій! меня навѣстить пришелъ! пришелъ, миленькій! (Что это? подумалъ я: неужто же онъ мнѣ — «ты» говоритъ?) Ну, пойдемъ, пойдемъ со мною въ садъ. Я тамъ нѣчто такое нашелъ . . . Что въ духотѣ сидѣть-то! пойдемъ.

Я послѣдовалъ за Пунинымъ, однако, на порогѣ двери почелъ за нужное обернуться и бросить вызывающій взоръ на Бабурина. Я, молъ, тебя не боюсь!

Онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и даже фукнулъ въ полотенце — вѣроятно, для того, чтобы хорошенько дать мнѣ почувствовать, до какой степени онъ меня презираетъ!

— Какой нахалъ вашъ пріятель! — сказалъ я Пунину, какъ только дверь затворилась за мною.

Пунинъ чуть не съ испугомъ поворотилъ ко мнѣ свое пухлое лицо.

— Это вы о комъ такъ выражаетесь? — спросилъ онъ, выпуча глаза.

— Да, конечно, о немъ . . . какъ вы его называете? объ этомъ . . . Бабуринѣ.

— О Парамонѣ Семеновичѣ?

— Ну, да; вотъ объ этомъ . . . черномазомъ.

— Э . . . э . . . э! . . — промолвилъ съ ласковой укоризной Пунинъ. — Какъ это вы можете такъ говорить, барчукъ, барчукъ! — Парамонъ Семенычъ человѣкъ достойнѣйшій, строжайшихъ правилъ, изъ ряду вонъ! Ну, конечно, — себя онъ въ обиду не дастъ, потому — цѣну себѣ знаетъ. Большими познаніями обладаетъ сей человѣкъ — и не такое бы ему занимать мѣсто! Съ нимъ, мой миленькій, надо обходиться вѣжливенько, вѣдь онъ . . . тутъ Пунинъ наклонился къ самому моему уху — республиканецъ!

Я уставился на Пунина. Этого я никакъ не ожидалъ. Изъ учебника Кайданова и другихъ историческихъ сочиненій я вычиталъ, что существовали когда-то, въ древности, республиканцы, греки и римляне, и даже почему-то воображалъ ихъ всѣхъ въ шлемахъ, съ круглыми щитами на рукахъ и голыми большими ногами; но чтобы въ дѣйствительности, въ настоящее время, особенно въ Россіи, въ . . . . ой губерніи, могли находиться республиканцы — это сбивало всѣ мои понятія, совершенно путало ихъ!

— Да, мой миленькій, да; Парамонъ Семенычъ республиканецъ, — повторилъ Пунинъ; — вотъ, вы и знайте впередъ, какъ о такомъ человѣкѣ отзываться! — А теперь пойдемте въ садъ. Представьте, что я тамъ нашелъ! Кукушкино яйцо въ гнѣздѣ у горихвостки! чудеса!

Я отправился въ садъ вмѣстѣ съ Пунинымъ; но мысленно все твердилъ: республиканецъ! рес . . . пу . . . бликанецъ!

«То-то, — рѣшилъ я, наконецъ, — у него такая синяя борода!»

Мои отношенія къ этимъ двумъ личностямъ — Пунину и Бабурину — опредѣлились окон-

чательно съ самаго того дня. Бабуринъ возбуждалъ во мнѣ чувство враждебное, къ которому, однако, въ скоромъ времени примѣшалось нѣчто похожее на уваженіе. И боялся же я его! Я не пересталъ бояться его даже тогда, когда въ его обращеніи со мною исчезла прежняя рѣзкая строгость. Нечего говорить, что я Пунина не боялся; я даже не уважалъ его, я считалъ его — говоря безъ обиняковъ — за шута; но полюбилъ я его всею душою! Проводить цѣлые часы въ его обществѣ, быть съ нимъ наединѣ, слушать его разсказы — стало для меня истиннымъ наслажденьемъ. Бабушкѣ очень не нравилась эта «intimité» съ человѣкомъ изъ «простецовъ» — «du commun»; но я, какъ только мнѣ удавалось вырваться, тотчасъ бѣжалъ къ моему забавному, дорогому, странному другу. Свиданія наши стали особенно часты послѣ удаленія мадмуазель Фрикэ, которую бабушка отправила обратно въ Москву въ наказаніе за то, что она вздумала пожаловаться заѣзжему армейскому штабсъ-капитану на скуку, господствовавшую въ нашемъ домѣ. И Пунинъ, съ своей стороны, не тяготился продолжительными бесѣдами съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; онъ словно самъ искалъ ихъ. Сколько переслушалъ я его разсказовъ, сидя съ нимъ въ пахучей тѣни, на сухой и гладкой травѣ, подъ навѣсомъ серебристыхъ тополей, или въ камышахъ надъ прудомъ, на крупномъ и сыроватомъ песку обвалившагося берега, изъ котораго, странно сплетаясь, какъ большія черныя жилы, какъ змѣи, какъ выходцы подземнаго царства, торчали узловатые коренья! Пунинъ въ подробности разсказалъ мнѣ свою жизнь, всѣ свои счастливые и несчастные случаи, которымъ я всегда такъ искренно сочувствовалъ!

Его отецъ былъ дьякономъ; — «чудесный былъ человѣкъ — однако, подъ хмелемъ строгъ до безпамятства».

Самъ Пунинъ учился въ семинаріи; но, не выдержавъ «поронцій» и не ощущая въ себѣ расположенія къ духовному званію, сдѣлался міряниномъ, вслѣдствіе чего произошелъ всѣ мытарства и сталъ, наконецъ, бродягой. — «И не встрѣться я съ благодѣтелемъ моимъ Парамономъ Семенычемъ», прибавлялъ обыкновенно Пунинъ (онъ иначе не величалъ Бабурина), «погрязъ бы я въ пучинѣ бѣдствій, безобразія и пороковъ!» Пунинъ любилъ высокопарныя выраженія — и если не ко лжи, то къ сочинительству и преувеличиванію поползновеніе имѣлъ сильное; всему-то онъ дивился, отъ всего приходилъ въ восторгъ . . . И я, въ подражаніе ему, тоже пускался преувеличивать и восторгаться. — «Да ты какой-то бѣсноватый сталъ — перекрестись, что ты это», — говаривала мнѣ старая няня. Разсказы Пунина занимали меня чрезвычайно; но больше даже его разсказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мною. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынникъ или добрый духъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой и, украдкой кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ, удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ, мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ, мы сидимъ уже рядкомъ, вотъ, уже и книга медленно раскрывается, издавая

рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плѣсени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лицо, въ губы Пунина — въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ польется сладостная рѣчь! Раздаются, наконецъ, первые звуки чтенія! Все вокругъ исчезаетъ . . . нѣтъ, не исчезаетъ, а становится далекимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собою одно лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго! — Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокія травы заслоняютъ, укрываютъ насъ отъ всего остального міра; никто не знаетъ, гдѣ мы, что мы — а съ нами поэзія, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у насъ происходитъ важное, великое, тайное дѣло . . . Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ — звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пиѳія! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, вполголоса, какъ бы бормоча . . . Это онъ называлъ читать начерно̀; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ набѣло, и вдругъ вскочитъ, подниметъ руки — не то молитвенно, не то повелительно . . . Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу) — но даже «Россіаду» Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая «Россіада», меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли,

какъ только оно упоминалось! — «Да», говаривалъ бывало Пунинъ, значительно кивая головою: «Херасковъ — тотъ спуску не даетъ. Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ — просто, зашибетъ . . . Только держись! . . Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ — вонъ гдѣ! и трубитъ, трубитъ, аки кимвалонъ! Зато ужъ и имя ему дано! одно слово: Херрасковъ!!» Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели піита. Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу, на поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ непристойное и пошлое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а «кантами»; всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ либо съ гадливостью отвернуться отъ Пунина — онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки, — либо, увлеченный и побѣжденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ . . . Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или, какъ выражалась бабушка, воспѣвать канты . . . даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защелкалъ . . .

Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанья.

Увы! всѣ эти попытки и волненія, и восторги, наши уединенныя чтенія, наша жизнь вдвоемъ, наша поэзія — все покончилось разомъ. Какъ громовой ударъ, на насъ внезапно обрушилась бѣда.

Бабушка во всемъ любила чистоту и порядокъ, ни дать ни взять — тогдашніе исполнительные генералы; въ чистотѣ и порядкѣ долженъ былъ содержаться и садъ нашъ. А потому отъ времени до времени въ него «нагоняли» безтягольныхъ мужиковъ-бобылей, заштатныхъ или опальныхъ дворовыхъ — и заставляли ихъ чистить дорожки, полоть гряды, просѣвать и разрыхлять землю подъ клумбы и т. п. Вотъ, однажды, въ самый разналъ именно такого пригона, бабушка отправилась въ садъ, и меня съ собой взяла. Всюду, между деревьевъ, по луговинамъ, мелькали бѣлыя, красныя, сизыя рубахи; всюду слышался скрежетъ и лязгъ скребущихъ лопатъ, глухой стукъ земляныхъ комьевъ о косо-поставленныя сита. Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ, и шапку снялъ какъ будто нехотя. Это былъ очень еще молодой парень, съ испитымъ лицомъ и впалыми тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь порванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это? — спросила бабушка у Филиппыча, на цыпочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы . . . про кого . . . изволите . . . — залепеталъ-было Филиппычъ.

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ, стоитъ — не работаетъ.

— Этотъ-съ! Да-съ . . . Э . . . э . . . это Ермилъ, Павла Аѳанасьева покойнаго сынокъ.

Этотъ Павелъ Аѳанасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но внезапно впавъ въ немилость, превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше, кубаремъ, очутился, наконецъ, въ курной избѣ заглазной деревни на пудѣ муки мѣсячины, и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

— Ага! — промолвила бабушка; — яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что исподлобья смотрятъ, — не надобно.

Бабушка вернулась домой — и распорядилась. Часа черезъ три, Ермила, совершенно «снаряженнаго», привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась крестьянская телѣжёнка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена! — Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съеженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета, и, приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго. Въ кабинетѣ, кромѣ ея, находились въ ту минуту четыре человѣка: дворецкій, Бабуринъ, дневальный казачокъ и я.

Бабушка качнула головою сверху внизъ.

— Сударыня, — раздался вдругъ хриплый, почти сдавленный голосъ. Я оглянулся. Лицо

у Бабурина покраснѣло . . . покраснѣло до темноты; подъ насупленными бровями появились маленькія, свѣтлыя, острыя точки . . . Не было сомнѣнія: это онъ, это Бабуринъ произнесъ слово: «Сударыня!»

Бабушка тоже оглянулась, и перевела свой лорнетъ съ Ермила на Бабурина.

— Кто тутъ . . . говоритъ? — произнесла она медленно, въ носъ. Бабуринъ слегка выступилъ впередъ.

— Сударыня, — началъ онъ: — это я . . . рѣшился. Я полагалъ . . . Я осмѣливаюсь доложить вамъ, что вы напрасно изволите поступать такъ . . . какъ вы сейчасъ поступить изволили.

— То-есть? — повторила бабушка тѣмъ же голосомъ и не отводя лорнета.

— Я имѣю честь . . . — продолжалъ Бабуринъ отчетливо, хотя съ видимымъ трудомъ выговаривая каждое слово: — я изъясняюсь на счетъ этого парня, что ссылается на поселеніе . . . безо всякой съ его стороны вины. Такія распоряженія, смѣю доложить, ведутъ лишь къ неудовольствіямъ . . . и къ другимъ — чего Боже сохрани! — послѣдствіямъ — и суть не что иное, какъ превышеніе данной господамъ помѣщикамъ власти.

— Ты . . . гдѣ учился? — спросила бабушка послѣ нѣкотораго молчанія, и опустила лорнетъ.

Бабуринъ изумился. — Чего изволите-съ? — пробормоталъ онъ.

— Я спрашиваю тебя: гдѣ ты учился? — Ты такія мудреныя слова употребляешь.

— Я . . . воспитаніе мое . . . — началъ-было Бабуринъ.

Бабушка презрительно пожала плечомъ. — Стало-быть, — перебила она: — тебѣ мои рас-

поряженія не нравятся. Это мнѣ совершенно все равно — въ своихъ подданныхъ я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю, — только я не привыкла, чтобы въ моемъ присутствіи разсуждали, и не въ свое дѣло мѣшались. Мнѣ ученые филантропы изъ разночинцевъ не надобны; мнѣ слуги надобны безотвѣтные. Такъ я до тебя жила, и послѣ тебя я такъ жить буду. Ты мнѣ не годишься: ты уволенъ. Николай Антоновъ, — обратилась бабушка къ дворецкому: разсчитай этого человѣка; чтобы сегодня же къ обѣду его здѣсь не было! Слышишь? Не введи меня въ гнѣвъ. Да и другого, того . . . дурака-приживальщика съ нимъ отправить. — Чего-жъ Ермилка ждетъ? — прибавила она, снова глянувъ въ окно. — Я его осмотрѣла. Ну, чего еще? — Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо: — ступайте всѣ люди вонъ!

Всѣ мы удалились, всѣ, кромѣ казачка-дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому, что онъ не былъ «человѣкомъ».

Приказъ бабушки былъ исполненъ въ точности. Къ обѣду и Бабуринъ, и другъ мой Пунинъ выѣхали изъ усадьбы. Не берусь описать мое горе, мое искреннее, прямо дѣтское отчаяніе. Оно было такъ сильно, что заглушало даже то чувство благоговѣйнаго удивленія, которое внушила мнѣ смѣлая выходка республиканца Бабурина. Послѣ разговора съ бабушкой, онъ тотчасъ отправился къ себѣ въ комнату и началъ укладываться. Меня онъ не удостоивалъ ни словомъ, ни взглядомъ, хотя я все время вертѣлся

около него, то-есть, въ сущности — около Пунина. Этотъ совсѣмъ потерялся, и тоже ничего не говорилъ, зато безпрестанно взглядывалъ на меня, и въ глазахъ его стояли слезы . . . все однѣ и тѣ же слезы: онѣ не проливались и не высыхали. Онъ не смѣлъ осуждать своего «благодѣтеля»: — Парамонъ Семенычъ не могъ ни въ чемъ ошибиться, — но очень ему было томно и грустно. Мы съ Пунинымъ попытались-было прочесть на прощаніе нѣчто изъ «Россіады»; мы даже заперлись для этого въ чуланъ — нечего было думать идти въ садъ — но на первомъ же стихѣ запнулись оба, и я разревѣлся какъ теленокъ, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ и претензіи быть большимъ. Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился, наконецъ, ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: «Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный . . . Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!» Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду . . . буду помнить, что обѣщаюсь . . . сдѣлаю . . . непремѣнно . . . непремѣнно . . .

Но тутъ на Пунина, съ которымъ мы передъ тѣмъ разъ двадцать обнялись — (мои щеки горѣли отъ прикосновенія его небритой бороды, и весь я былъ пропитанъ его запахомъ) — тутъ на Пунина нашло внезапное изступленіе! Онъ вскочилъ на сидѣнье тарантаса, поднялъ обѣ руки кверху и началъ громовымъ голосомъ (откуда онъ у него взялся!) декламировать извѣстное переложеніе Давидова псалма Дер-

жавинымъ, піитой на этотъ разъ, а не царедворцемъ:

Возсталъ Всесильный Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ! . .
Доколь вамъ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы . . .

— Сядь! — сказалъ ему Бабуринъ.

Пунинъ сѣлъ, но продолжалъ:

Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ. . .

Пунинъ при словѣ «сильныхъ» — указалъ пальцемъ на барскій домъ, а потомъ ткнулъ имъ въ спину сидѣвшаго на козлахъ кучера:

Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!
Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ . . .

Прибѣжавшій изъ барскаго дома Николай Антоновъ закричалъ во все горло кучеру: «Пошелъ! ворона! пошелъ, не зѣвай!» и тарантасъ покатился. Только издали еще слышалось:

Воскресни Боже, Боже правый! . .
Приди суди, карай лукавыхъ —
И будь одинъ Царемъ земли!

— Экой паяцъ! — замѣтилъ Николай Антоновъ.

— Недостаточно пороли въ юности, — доложилъ появившійся на крылечко дьяконъ. Онъ приходилъ освѣдомиться, въ которомъ часу угодно барынѣ назначить всенощную.

Старые портреты

. . . Верстахъ въ сорока отъ нашего села, проживалъ, много лѣтъ тому назадъ, двоюродный дядя моей матери, отставной гвардіи сержантъ и довольно богатый помѣщикъ, Алексѣй Сергѣичъ Телѣгинъ — въ родовомъ своемъ имѣніи Суходолѣ. Онъ самъ никуда не выѣзжалъ, а потому и не посѣщалъ насъ; но меня, раза два въ годъ, посылали къ нему на поклонъ — сперва съ гувернеромъ, а потомъ одного. Алексѣй Сергѣичъ принималъ меня всегда очень радушно — и я гащивалъ у него дня по три, по четыре. Зазналъ я его уже старикомъ: въ первый мой пріѣздъ мнѣ, помнится, было лѣтъ двѣнадцать; а ему уже за семьдесятъ лѣтъ перевалило. Родился онъ еще при императрицѣ Елизаветѣ — въ послѣдній годъ ея царствованія. — Онъ жилъ одинъ съ своей женой, Маланьей Павловной; она была лѣтъ на десять моложе его. Двухъ дочерей онъ съ ней прижилъ, но онѣ уже давно вышли замужъ и рѣдко посѣщали Суходолъ; между ними и ихъ родителями черная кошка пробѣжала, и Алексѣй Сергѣичъ почти никогда не упоминалъ о нихъ.

Вижу, какъ теперь, этотъ старинный, ужъ точно дворянскій, степной домъ. Одноэтажный, съ громаднымъ мезониномъ, построенный, въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ удивительно

толстыхъ сосновыхъ бревенъ — такія бревна привозились тогда изъ-за Жиздринскихъ боровъ — ихъ теперь и въ поминѣ нѣтъ! — онъ былъ очень обширенъ и вмѣщалъ множество комнатъ, довольно, правда, низкихъ и темныхъ: окна въ стѣнахъ были прорублены маленькія, теплоты ради. Какъ водится — (по-настоящему слѣдуетъ сказать: какъ водилось) — службы, дворовыя избы окружали господскій домъ со всѣхъ сторонъ — и садъ къ нему примыкалъ небольшой, но съ хорошими фруктовыми деревьями, наливными яблоками и безсѣмянными грушами; на десять верстъ кругомъ, тянулась плоская, жирно-черноземная степь. Никакого высокаго предмета для глаза: ни дерева, ни даже колокольни; гдѣ-гдѣ развѣ торчитъ вѣтряная мельница съ прорѣхами въ крыльяхъ; ужъ точно: Суходолъ! — Внутри дома комнаты были наполнены зауряднoю, нехитрою мебелью; нѣсколько необычнымъ являлся стоявшій на окнѣ залы верстовой столбикъ со слѣдующими надписями: «Если ты 68 разъ пройдешь вокругъ сей залы — то сдѣлаешь версту; если ты 87 разъ пройдешь отъ крайняго угла гостиной до праваго угла бильярда — то сдѣлаешь версту» — и т. п. Но пуще всего поражало въ первый разъ пріѣхавшаго гостя великое количество картинъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, бо̀льшей частью работы такъ называемыхъ итальянскихъ мастеровъ: все какіе-то старинные пейзажи, да миѳологическіе и религіозные сюжеты. Но такъ какъ всѣ эти картины очень почернѣли и даже покоробились, то въ глаза били одни пятна тѣлеснаго цвѣта, а не то̀ — волнистое красное драпери на незримомъ туловищѣ, или арка, словно въ воздухѣ висящая, или растрепанное дерево съ голубой листвой, или грудь нимфы съ большимъ сосцомъ,

подобная крышкѣ съ суповой чаши, взрѣзанный арбузъ съ черными сѣмечками, чалма съ перомъ надъ лошадиной головой, или вдругъ выпячивалась гигантская коричневая нога какого-то апостола, съ мускулистой икрой и задранными къ верху пальцами. Въ гостиной, на почетномъ мѣстѣ, висѣлъ портретъ императрицы Екатерины II во весь ростъ, копія съ извѣстнаго портрета Лампи, предметъ особаго поклоненія, можно сказать, обожанія хозяина. Съ потолковъ спускались стеклянныя люстры, въ бронзовыхъ оправахъ, очень маленькія и очень пыльныя.

Самъ Алексѣй Сергѣичъ былъ приземистый, пузатенькій старичокъ съ одноцвѣтнымъ, пухлымъ, но пріятнымъ лицомъ, съ ввалившимися губками и очень живыми глазками подъ высокими бровями. Онъ зачесывалъ на затылокъ свои рѣдкіе волосики: онъ только съ 1812 года пересталъ пудриться. Ходилъ Алексѣй Сергѣичъ постоянно въ сѣромъ «реденготѣ», съ тремя воротниками, падавшими на плечи, полосатомъ жилетѣ, замшевыхъ штанахъ и темно-красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ сердцевидными вырѣзами и кисточками на верху голенищъ; носилъ бѣлый кисейный галстукъ, жабо, манжеты и двѣ золотыя англійскія «луковицы», по одной въ каждомъ карманѣ жилета. Въ правой рукѣ онъ обыкновенно держалъ эмальированную табакерку съ «шпанскимъ» табакомъ, а лѣвой опирался на трость съ серебрянымъ, отъ долгаго употребленія гладко вытертымъ набалдашникомъ. Голосокъ имѣлъ Алексѣй Сергѣичъ носовой, пискливый, и постоянно улыбался, ласково, но какъ бы свысока, не безъ нѣкоторой самодовольной важности. Онъ и смѣялся тоже ласково, тонкимъ, какъ бисеръ мелкимъ смѣхомъ. Вѣжливъ и привѣтливъ онъ былъ до крайности — на старинный

Екатерининскій манеръ — и двигалъ руками медленно и округло, тоже по-старинному. По слабости ногъ онъ не могъ ходить, а перебѣгалъ торопливыми шажками съ кресла на кресло, въ которое садился вдругъ — скорѣе падалъ — мягко, какъ подушка.

Какъ я уже сказалъ, Алексѣй Сергѣичъ никуда не выѣзжалъ и съ сосѣдями знался мало, хотя и любилъ общество, ибо словоохотливъ былъ! Правда, общества у него вдоволь водилось и дома: разные Никаноры Никанорычи, Севастѣи Севастѣичи, Федулычи, Михеичи, все бѣдные дворянчики въ поношенныхъ казакинахъ и камзолахъ, часто съ барскаго плеча, проживали подъ его кровомъ, не говоря уже о бѣдныхъ дворяночкахъ въ ситцевыхъ платьяхъ, черныхъ платкахъ въ накидку и съ гарусными ридикюлями въ крѣпко-стиснутыхъ пальцахъ — разныхъ Авдотіяхъ Савишнахъ, Пелагеяхъ Мироновнахъ и просто Ѳеклушкахъ и Аринкахъ, пріютившихся на женской половинѣ. За столъ у Алексѣя Сергѣича никогда меньше пятнадцати человѣкъ не садилось . . . Такой онъ былъ хлѣбосолъ! Между всѣми этими приживальщиками особенно выдавались двѣ личности: карликъ, по прозвищу Янусъ или Двулицый, датскаго — а иные утверждали — еврейскаго происхожденія, да сумасшедшій князь Л. Въ противность тогдашнимъ обычаямъ, карликъ этотъ вовсе не служилъ потѣхой для господъ и не былъ шутомъ; напротивъ: онъ постоянно молчалъ, видъ имѣлъ озлобленный и суровый, хмурилъ брови и скрипѣлъ зубами, какъ только обращались къ нему съ вопросами. Алексѣй Сергѣичъ звалъ его также филосо̀фомъ и даже уважалъ его; за столомъ ему всегда первому послѣ гостей и хозяевъ подавали блюда. — «Богъ его обидѣлъ»,

говаривалъ Алексѣй Сергѣичъ; «на то Его Господня воля; а ужъ мнѣ-то его не обижать стать». — Почему же онъ филозо̀фъ? спросилъ я однажды. (Меня Янусъ не жаловалъ; бывало, лишь только я подойду къ нему, онъ тотчасъ окрысится и проворчитъ хрипло: Чужакъ! не приставай!) — «Какъ же, помилуй Богъ! не филозо̀фъ?» — отвѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ. «Ты, сударикъ, посмотри, какъ онъ таково хорошо молчитъ!» — А почему же онъ двулицый? — «А потому, сударикъ, что наружу-то у него одно лицо — вотъ вы, верхогляды, и судите . . . А другое, настоящее, онъ скрываетъ. И то лицо знаю я одинъ — и люблю его за это . . . Потому: хорошее то лицо. Ты, напримѣръ, и глядишь, да ничего не видишь . . . а я и безъ словъ вижу: осуждаетъ онъ меня за нѣчто; потому: онъ строгій! И всегда-то за дѣло. Сего ты, сударикъ, не поймешь; но только вѣрь мнѣ, старику!» — Настоящей исторіи двулицаго Януса — откуда онъ прибылъ, какъ попалъ къ Алексѣю Сергѣичу — никто не вѣдалъ; зато исторія князя Л. была хорошо всѣмъ извѣстна. 20-лѣтнимъ юношей, изъ богатой и знатной фамиліи, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на службу въ гвардейскомъ полку; на первомъ же куртагѣ императрица Екатерина его замѣтила и, остановившись передъ нимъ, да указавъ на него вѣеромъ, громко промолвила, обратясь къ одному изъ своихъ приближенныхъ: «Посмотри, Адамъ Васильевичъ, какой красавчикъ! Настоящая куколка!» Кровь бросилась бѣдному мальчику въ голову: вернувшись домой, онъ велѣлъ заложить коляску и, надѣвъ на себя аннинскую ленту, пустился разъѣзжать по городу, словно онъ и точно въ случай попалъ. — «Дави всѣхъ, — кричалъ онъ кучеру, — кто не посторонится!»

— Тотчасъ же все это было доведено до высочайшаго свѣдѣнія; вышелъ приказъ — объявить его сумасшедшимъ и отдать на поруки двумъ его братьямъ; а тѣ, нимало не медля, отвезли его въ деревню и посадили въ каменный мѣшокъ на цѣпь. Желая воспользоваться его имѣніемъ, они не выпустили несчастнаго даже тогда, когда онъ опомнился и пришелъ въ себя, и такъ и продержали его взаперти, пока онъ дѣйствительно не сошелъ съ ума. Но не въ прокъ пошло имъ ихъ злодѣйство: князь Л. пережилъ своихъ братьевъ и, послѣ долгихъ мытарствъ, очутился на попеченіи Алексѣя Сергѣича, которому доводился родственникомъ. Это былъ толстый, совершенно лысый человѣкъ, съ длиннымъ, тонкимъ носомъ и голубыми глазами навыкатѣ. Онъ совсѣмъ разучился говорить, онъ только бурчалъ что-то непонятное; но отлично пѣлъ старинныя русскія пѣсни, сохранивъ до глубокой старости серебристую свѣжесть голоса и, во время пѣнія, ясно и четко произнося каждое слово. Иногда находило на него нѣчто въ родѣ ярости, и тогда онъ дѣлался страшенъ: становился въ уголъ, къ стѣнѣ лицомъ, и весь потный да красный, черезъ всю лысину до затылка красный, заливаясь злобнымъ хохотомъ и топая ногами, повелѣвалъ наказывать кого-то — вѣроятно, братьевъ. — «Бей!» — хрипѣлъ онъ, давясь и кашляя отъ смѣха, — «сѣки, не жалѣй, бей, бей, бей извергов, злодѣевъ моихъ! Вотъ такъ! Вотъ такъ!» Наканунѣ своей смерти, онъ очень удивилъ и испугалъ Алексѣя Сергѣича. Вошелъ къ нему въ комнату весь блѣдный да тихій и, поклонившись поясным поклономъ, сперва поблагодарилъ за пріютъ и призрѣніе, а потомъ попросилъ послать за священникомъ; ибо смерть пришла къ нему —

онъ ее видѣлъ — и ему надо всѣхъ простить и себя обѣлить. — «Какъ же ты ее видѣлъ?» — пробормоталъ изумленный Алексѣй Сергѣичъ, въ первый разъ услыхавъ отъ него связную рѣчь. — «Какова она изъ себя? Съ косою, что̀ ли?» — Нѣтъ, — отвѣчалъ князь Л., — старушка простенькая, въ кофтѣ, только на лбу глазъ одинъ — а глазу тому и вѣку нѣтъ. — И на другой день князь Л. дѣйствительно скончался, совершивъ все должное и простившись со всѣми, вразумительно и умиленно. — «Вотъ такъ и я умру» — замѣчалъ, бывало, Алексѣй Сергѣичъ. И точно: нѣчто подобное съ нимъ случилось — о чемъ послѣ.

А теперь возвратимся къ прежнему. Съ сосѣдями, я уже сказалъ, Алексѣй Сергѣичъ не водился; и они его не долюбливали, называли его чудакомъ, гордецомъ, пересмѣшникомъ и даже не признающимъ властей мартинистомъ, не понимая, конечно, значенія этого послѣдняго слова. До нѣкоторой степени сосѣди были правы: Алексѣй Сергѣичъ чуть не семьдесятъ лѣтъ сряду прожилъ въ своемъ Суходолѣ, не имѣя почти никакихъ сношеній съ предержащими властями, съ начальствомъ и судомъ. «Судъ для разбойника, команда для солдата», говаривалъ онъ, «а я, слава Богу, не разбойникъ и не солдатъ». Чудаковатъ былъ, точно, Алексѣй Сергѣичъ, но душа въ немъ была не изъ мелкихъ. Поразскажу кое-что о немъ.

Доподлинно я никогда не зналъ, какія были его политическія мнѣнія, если только можно примѣнить къ нему такое новѣйшее выраженіе; но, по-своему, онъ былъ аристократъ, скорѣй аристократъ, чѣмъ баринъ. Не разъ онъ сожалѣлъ о томъ, что Богъ не далъ ему сына-наслѣдника, «въ честь роду, въ продолженіе

фамиліи». У него въ кабинетѣ висѣло на стѣнѣ родословное дерево Телѣгиныхъ, очень вѣтвистое, со множествомъ кружковъ въ видѣ яблоковъ, въ золотой рамѣ. «Мы, Телѣгины», говорилъ онъ, — «родъ исконный, извѣчный; сколько насъ, Телѣгиныхъ, ни было, — по прихожимъ мы не таскались, хребта не гнули, по рундучкамъ ногъ не отстаивали, по судамъ не кормились, жалованнаго не нашивали, къ Москвѣ не тянули, въ Питерѣ не кляузничали; сиднями сидѣли, каждый на своей чети, свой человѣкъ, на своей землѣ... гнѣздари, сударь, домовитые! Я самъ, хоть и въ гвардіи служилъ, да, спасибо, не долго». Алексѣй Сергѣичъ предпочиталъ старое время. — «Вольнѣе было тогда, благообразнѣе; по чести тебѣ доложу! а съ тысяча восемьсотаго года» (почему именно съ этого года? — онъ не объяснялъ) «пошла, братецъ ты мой, эта военщина, солдатчина пошла. Надѣли себѣ на голову господа военные какіе-то тамъ салтаны изъ пѣтушиныхъ хвостовъ, и сами пѣтухамъ уподобились; шею затянули туго-на̀туго... хрипятъ, глаза таращатъ, да и какъ не хрипѣть? Надысь, ко мнѣ полицейскій капралъ какой-то наѣхалъ: — Я, молъ, до васъ, ваше благородіе... (вишь, чѣмъ удивить вздумалъ!.. я и самъ знаю, что рожденъ благо...) имѣю до васъ дѣло. А я ему: — Сударь почтенный, ты сперва крючки-то на воротникѣ разстегни. А то, помилуй Богъ, чихнешь! Ахъ, что̀ съ тобою будетъ! Что̀ съ тобою будетъ! Лопнешь ты, какъ грибъ-дождевикъ... А я отвѣчай! И пьютъ же они, эти военные господа, о-го-го! Я имъ все больше цымлянскаго велю подавать; потому — имъ что̀ цымлянское, что̀ понтакъ — все едино; гладко, скоро такъ у нихъ въ горлѣ проходитъ, гдѣ тутъ различить? А то вотъ

еще: соску стали эту сосать, табакъ курить. Запихаетъ себѣ военный человѣкъ эту самую соску подъ усища, въ губища, — ноздрями, ртомъ и даже ушами дымъ пущаетъ, и думаетъ, что герой! Вотъ, и зятики мои — хоть одинъ изъ нихъ и сенато̀ръ, а другой какой-то тамъ курато̀ръ — тожъ эту соску сосутъ, и за умницъ тожъ себя почитаютъ! . .»

Алексѣй Сергѣичъ терпѣть не могъ курительнаго табаку, да вотъ еще собакъ, особенно маленькихъ. — «Ну, коли ты французъ, держи себѣ болонку: ты бѣгаешь, ты прыгаешь туды-сюды, и она за тобой, задравши хвостъ . . . а нашему-то брату на что она?» Очень онъ былъ опрятенъ и привередливъ. Объ императрицѣ Екатеринѣ говорилъ не иначе, какъ съ восторгомъ, и возвышеннымъ, нѣсколько книжнымъ слогомъ: «Полубогъ былъ, не человѣкъ! Ты, сударикъ, посмотри только на улыбку сію», прибавлялъ онъ, почтительно указывая на Лампіевскій портретъ, — «и самъ согласишься: полубогъ! Я въ жизни своей столь счастливъ былъ, что удостоился улицезрѣть сію улыбку, и вовѣкъ она не изгладится изъ сердца моего!» — И при этомъ онъ сообщалъ анекдоты изъ жизни Екатерины, какихъ мнѣ нигдѣ не случалось ни читать, ни слышать. Вотъ одинъ изъ нихъ. Алексѣй Сергѣичъ не позволялъ ни малѣйшаго намека на слабости великой царицы. — «Да, и, наконецъ», — восклицалъ онъ: — «развѣ о ней можно такъ судить, какъ о прочихъ людяхъ? — Однажды она, во время утренняго туалета, въ пудрамантѣ сидя, повелѣла расчесать себѣ волосы . . . И что̀ же? Камерфрау проводитъ гребнемъ — а электрическія искры такъ и сыплются! — Тогда она подозвала къ себѣ тутъ же по дежурству на-

ходившагося лейбъ-медика Роджерсона и говоритъ ему: «меня, я знаю, за нѣкоторые поступки осуждаютъ: но видишь ты электричество сіе? Слѣдовательно, при таковой моей натурѣ и комплекціи — самъ ты можешь заключить, ибо ты врачъ, — что несправедливо меня осуждать — а постичь меня должно!» Неизгладимымъ остался въ памяти Алексѣя Сергѣича слѣдующій случай. Стоялъ онъ однажды во внутреннемъ караулѣ, во дворцѣ, — а было ему всего лѣтъ шестнадцать. И вотъ, проходитъ императрица мимо его — онъ отдаетъ честь . . . «а она», — съ умиленіемъ тутъ опять восклицалъ Алексѣй Сергѣичъ: — «улыбнувшись на юность мою и на усердіе мое, изволила дать мнѣ ручку свою поцѣловать, по щекѣ потрепать, и разспросить: кто я? откуда? какой фамиліи? а потомъ . . .» Тутъ голосъ старика обыкновенно прерывался . . . — «потомъ приказала моей матушкѣ отъ своего имени поклониться и поблагодарить ее за то, что такъ хорошо воспитываетъ дѣтей своихъ. И былъ ли я при семъ на небѣ, или на землѣ — и какъ, и куда она изволила удалиться, въ горнія ли воспарила, въ другіе ли покои прослѣдовала . . . по сіе время не знаю!»

Я не разъ пытался разспрашивать Алексѣя Сергѣича о тѣхъ давнихъ временахъ, о людяхъ, окружавшихъ императрицу . . . Но онъ бо̀льшей частью уклонялся. «Что о старинѣ толковать-то?» — говаривалъ онъ . . . — «только себя мучить: что вотъ-молъ, былъ ты тогда молодцомъ — а теперь и послѣднихъ зубовъ у тебя во рту не стало. Да и то сказать: хороша старина . . . ну, и Богъ съ ней! А что касательно до тѣхъ людей — вѣдь ты, чай, егоза, о случайныхъ людяхъ рѣчь заводишь? — такъ видалъ ты,

какъ на водѣ волдырь вскочитъ? Пока онъ цѣлъ. да держится — какіе же на немъ цвѣта играютъ! И красные, и желтые, и синіе — просто сказать надо: радуга, или вотъ алмазъ! — Только въ скорости онъ лопается — и слѣда отъ него нѣтъ. Такъ вотъ, и люди тѣ такіе были».

— Ну, а Потемкинъ? — спросилъ я однажды.

Алексѣй Сергѣичъ принялъ важный видъ. — «Потемкинъ, Григорій Александровичъ, былъ мужъ государственный, богословъ, екатерининскій воспитанникъ, чадо ея, такъ надо сказать . . . Но довольно о семъ, сударикъ!»

Алексѣй Сергѣичъ былъ человѣкъ очень набожный — и хотя черезъ силу, но церковь посѣщалъ исправно. Суевѣрія въ немъ не замѣчалось; онъ издѣвался надъ примѣтами, глазомъ и прочей «нескладицей», однако, не любилъ, когда заяцъ ему перебѣгалъ дорогу — и встрѣча съ попомъ была ему не совсѣмъ пріятна. Со всѣмъ тѣмъ былъ къ духовнымъ лицамъ очень почтителенъ и подъ благословенье подходилъ, и даже руку всякій разъ цѣловалъ, но неохотно съ ними бесѣдовалъ. — «Очень отъ нихъ духъ силёнъ идетъ», — объяснялъ онъ: — «я же, грѣшный, не путёмъ изнѣжился; — волосы у нихъ такіе большіе, да масляные, расчешутъ ихъ во всѣ стороны — думаютъ, что тѣмъ мнѣ уваженіе доказываютъ, и громко такъ между разговоромъ крякаютъ — отъ робости, что ли, или тоже желаютъ мнѣ тѣмъ угодить. Ну, да и смертный часъ напоминаютъ. А я, какъ ни какъ, еще жить желаю. Только ты, сударикъ, этихъ рѣчей за мной не повторяй; — уважай духовный чинъ — одни дураки его не уважаютъ; — и я виноватъ, что на старости лѣтъ вздоръ горожу».

Ученъ былъ Алексѣй Сергѣичъ на мѣдныя деньги — какъ всѣ тогдашніе дворяне; но до нѣкоторой степени самъ чтеніемъ восполнилъ этотъ недостатокъ. Книги же читалъ однѣ русскія, конца прошлаго вѣка; новѣйшихъ сочинителей находилъ прѣсными и въ слогѣ слабыми . . . Во время чтенія становился возлѣ него, на одноногій, круглый столикъ серебряный жбанъ съ какимъ-то особеннымъ мятнымъ пѣнистымъ квасомъ, отъ котораго пріятный запахъ распространялся по всѣмъ комнатамъ. Самъ же онъ надѣвалъ при этомъ на конецъ носа большіе круглые очки; но въ послѣднее время не столько читалъ, сколько задумчиво глядѣлъ выше оправы очковъ, поднимая брови, жуя губами и вздыхая. Разъ я засталъ его плачущимъ, съ книгою на колѣняхъ — что меня очень, признаться, удивило.

Вспомнились ему слѣдующіе стишки:

О, всебѣдный родъ людской!
Незнакомъ тебѣ покой!
Ты лишь оный обрѣтаешь,
Пыль могильну коль глотаешь . . .
Горекъ, горекъ сей покой!
Спи, мертвецъ . . . Но плачь, живой! —

Стишки эти были сочинены нѣкіимъ Гормичъ-Гормицкимъ, странствующимъ пііитой, котораго Алексѣй Сергѣичъ пріютилъ-было у себя въ домѣ — такъ какъ онъ показался ему человѣкомъ деликатнымъ и даже субтильнымъ: носилъ башмачки съ бантиками, говорилъ на о̀, и, поднимая глаза къ небу, часто вздыхалъ; кромѣ всѣхъ этихъ достоинствъ, Гормичъ-Гормицкій говорилъ по-французски, ибо получилъ воспитаніе въ іезуитскомъ коллегіумѣ, — а Алексѣй Сергѣичъ только «понималъ». Но, напившись разъ мертвецки-пьянымъ въ кабакѣ, этотъ самый субтиль-

ный Гормицкій оказалъ буйство непомѣрное: «въ дребезгу» раскровянилъ Алексѣй-Сергѣичина камердинера, повара, двухъ подвернувшихся прачекъ и даже посторонняго столяра — да нѣсколько стеколъ перебилъ въ окнахъ, при чемъ кричалъ неистово: «а вотъ, я имъ докажу, этимъ русскимъ тунеядцамъ, кацапамъ необтёсаннымъ!» — И какая въ этомъ тщедушномъ существѣ сила проявилась! Едва съ нимъ сладило восемь человѣкъ! — За самое это буйство, Алексѣй Сергѣичъ велѣлъ стихотворца вытолкать вонъ изъ дому, посадивши его предварительно «афендрономъ» въ снѣгъ — дѣло было зимою — для протрезвленія.

«Да», — говаривалъ, бывало, Алексѣй Сергѣичъ: — «прошла моя пора; былъ конь да изъѣздился. Вотъ, я и стихотворцевъ на своемъ иждивеньи содержалъ, и картины, и книги скупалъ у евреевъ — и гуси были не хуже Мухановскихъ — голуби-турманы глинистые настоящіе . . . До всего-то я былъ охочъ! Развѣ, вотъ, собачникомъ никогда не былъ — потому пьянство, вонь, гаерство! Рьяный былъ я, неукротимый. Чтобы у Телѣгина, да не первый во всемъ сортъ . . . да помилуй Богъ! И конскій заводъ имѣлъ на славу. И шли тѣ кони . . . откуда ты думаешь, сударикъ? Отъ самыхъ тѣхъ знаменитѣйшихъ заводовъ царя Ивана Алексѣича, брата Петра Великаго . . . вѣрно тебѣ говорю! Все жеребцы бурые, въ маслѣ — гривы по̀колѣнь, хвосты по̀копыть . . . Львы! — И все то было — да быльемъ поросло. Суета суетствій — и всяческая суета! А впрочемъ — чего жалѣть! Всякому человѣку свой предѣлъ положо̀нъ. — Выше неба не взлетишь, въ водѣ не проживешь, отъ земли не уйдешь . . . Поживемъ еще, какъ ни какъ!»

И старикъ опять улыбался, и понюхивалъ свой шпанскій табачокъ.

Крестьяне любили его: баринъ былъ, по ихъ словамъ, добрый, сердца не срывчиваго. Только и они повторяли, что изъѣзженъ-молъ конь. Прежде Алексѣй Сергѣичъ самъ во все входилъ — и въ поле выѣзжалъ, и на мельницу, и на маслобойню — и въ амбары, и въ крестьянскія избы заглядывалъ; всѣмъ знакомы были его бѣговыя дрожки, обитыя малиновымъ плисомъ и запряженныя рослой лошадью съ широкой проточиной во весь лобъ, по прозвищу «Фонарь» — изъ самаго того знаменитаго завода; Алексѣй Сергѣичъ самъ ею правилъ, закрутивъ концы вожжей на кулаки. А какъ стукнулъ ему семидесятый годокъ — махнулъ старикъ на все рукою — и поручилъ управленіе имѣньемъ бурмистру Антипу, котораго втайнѣ боялся и звалъ Микромэгасомъ (Волтеровскія воспоминанія!) — а то просто: грабителемъ. — «Ну, грабитель, что скажешь? Много въ пуньку натаскалъ?» — говоритъ онъ, бывало, съ улыбкой, глядя въ самые глаза грабителю. — Все вашею милостью, — весело отвѣчаетъ Антипъ. — «Милость милостью — а только ты смотри у меня, Микромэгасъ! крестьянъ, заглазныхъ подданныхъ моихъ, трогать не смѣй! Станутъ они жаловаться . . . трость-то ты у меня, видишь, недалеко!» — Тросточку-то вашу, батюшка Алексѣй Сергѣичъ, я завсегда хорошо помню, — отвѣчаетъ Антипъ-Микромэгасъ, да поглаживаетъ бороду! — «То-то, помни!» — И баринъ, и бурмистръ, оба смѣются въ лицо другъ другу. — Съ дворовыми, вообще съ крѣпостными людьми, съ «подданными» (Алексѣй Сергѣичъ любилъ это слово) — онъ обходился кротко. — «Потому, посуди, племянничекъ: своего-то ничего нѣту,

развѣ крестъ на шеѣ — да и тотъ мѣдный — на чужое зариться не моги . . . гдѣ-жъ тутъ быть разуму?» — Нечего и говорить, что о такъ-называемомъ крѣпостномъ вопросѣ въ то время никто и не помышлялъ; не могъ онъ волновать и Алексѣя Сергѣича: онъ преспокойно владѣлъ своими «подданными», но дурныхъ помѣщиковъ осуждалъ и называлъ врагами своего званія. Онъ вообще дворянъ раздѣлялъ на три разряда: на путныхъ — «коихъ маловато»; на распутныхъ, «коихъ достаточно», и на безпутныхъ, «коими хоть прудъ пруди». — А если кто изъ нихъ съ подданными крутъ и притѣснителенъ, — тотъ и передъ Богомъ грѣшенъ, и передъ людьми виноватъ! Да, хорошо жилось дворовымъ у старика; «заглазнымъ подданнымъ», конечно, хуже, несмотря на трость, которою онъ грозилъ Микромэгасу. И сколько ихъ водилось, этихъ самыхъ дворовыхъ, въ его домѣ! И все больше старые, жилистые, волосатые, ворчливые, въ плечахъ согбенные, въ нанковые, длиннополые кафтаны облеченные — съ крѣпкимъ, кислымъ запахомъ! А на женской половинѣ только и слышно было, что топотъ босыхъ ногъ, да шлюпанье юбокъ. Главнаго камердинера звали Иринархомъ; и кликалъ его всегда Алексѣй Сергѣичъ протяжнымъ кликомъ: И-ри-на-а-рхъ! Другихъ онъ звалъ: Малый! Малецъ! Кто тамъ есть подданный! Колокольчиковъ онъ не терпѣлъ: что за трактиръ, помилуй Богъ! — И удивляло меня то, что въ какое бы время ни позвалъ Алексѣй Сергѣичъ своего камердинера — тотъ немедленно являлся, словно изъ земли выросталъ — и, сдвинувъ каблуки и заложивъ за спину руки, стоялъ передъ бариномъ, угрюмый и какъ бы злой, но усердный слуга!

Щедръ былъ Алексѣй Сергѣичъ не по состоянію; но не любилъ, когда его величали

благодѣтелемъ. — «Какой я вамъ, сударь, благодѣтель! . . Я себѣ благо дѣлаю — а не вамъ, сударь мой» — (когда онъ гнѣвался или негодовалъ, онъ всегда «выкалъ»). — «Нищему», — говаривалъ онъ: — «подай разъ, подай два, подай три . . . Ну — а коли онъ въ четвертый разъ придетъ — подать ему ты все-таки подай — только прибавь при семъ: ты бы, братецъ, чѣмъ бы другимъ поработалъ — не все ртомъ». — Дяденька, — спросишь его, бывало: — если же нищій и послѣ этого въ пятый разъ придетъ? — «А ты и въ пятый разъ подай». Больныхъ, которые къ нему прибѣгали за помощью, онъ на свой счетъ лѣчилъ — хотя самъ въ докторовъ не вѣрилъ — и никогда за ними не посылалъ. — «Матушка покойница», — увѣрялъ онъ: — «ото всѣхъ болѣзней прованскимъ масломъ съ солью лѣчила — и внутрь давала, и натирала — и все прекрасно проходило. А матушка моя кто такая была? При Петрѣ Первомъ рожденье свое имѣла — ты только это сообрази!»

Русскій человѣкъ былъ Алексѣй Сергѣичъ во всемъ: любилъ одни русскія кушанья, любилъ русскія пѣсни — а гармонику, «фабричную выдумку», ненавидѣлъ; любилъ глядѣть на хороводы дѣвокъ, на пляску бабъ; въ молодости онъ самъ, говорятъ, пѣлъ заливисто и плясалъ лихо; любилъ париться въ банѣ — да такъ сильно париться, что Иринархъ, который, служа ему банщикомъ, сѣкъ его березовымъ, въ пивѣ вымоченнымъ вѣникомъ, теръ мочалкой, теръ суконкой, каталъ намыленнымъ пузыремъ по барскимъ членамъ, — этотъ вѣрнопреданный Иринархъ, всякій разъ, бывало, говаривалъ, слѣзая съ полка, красный, какъ «новый мѣдный статуй»: — Ну, на сей разъ я, рабъ Божій, Иринархъ Толобѣевъ, еще уцѣлѣлъ . . . Что-то будетъ въ слѣдующій?

И говорилъ Алексѣй Сергѣичъ славнымъ русскимъ языкомъ, нѣсколько старомоднымъ, но вкуснымъ и чистымъ, какъ ключевая вода, то и дѣло пересыпая рѣчь любимыми словцами: «по чести, помилуй Богъ, какъ ни какъ, сударь, да сударикъ . . .»

А впрочемъ, будетъ о немъ. Побесѣдуемъ объ Алексѣй-Сергѣичевой супругѣ, Маланьѣ Павловнѣ.

Была Маланья Павловна московская уроженка, первой слыла красавицей по Москвѣ, la Vénus de Moscou. — Я ее зналъ уже старой, худой женщиной, съ тонкими, но незначительными чертами лица, съ заячьими кривыми зубками въ крошечномъ ротикѣ, со множествомъ мелкозавитыхъ желтыхъ кудряшекъ на лбу, съ крашеными бровями. Ходила она постоянно въ пирамидальномъ чепцѣ съ розовыми лентами, высокомъ крагенѣ вокругъ шеи, бѣломъ короткомъ платьѣ и прюнелевыхъ башмакахъ на красныхъ каблучкахъ; а сверху платья носила кофту изъ голубого атласу, со спущеннымъ съ праваго плеча рукавомъ. Точно такой туалетъ былъ на ней въ самый Петровъ день 1789 года! Пошла она, въ тотъ день, еще дѣвицей будучи, съ родными, на Ходынское поле, посмотрѣть знаменитый кулачный бой, устроенный Орловымъ. — «И графъ Алексѣй Григорьевичъ . . .» (о, сколько разъ слышалъ я этотъ разсказъ!) . . . «замѣтивъ меня, подошелъ, поклонился низёхонько, взявъ шляпу въ обѣ руки, и сказалъ такъ: красавица писаная, сказалъ онъ, что ты это рукавъ съ плечика спустила? Аль тоже на кулачки со мной побиться желаешь? . . Изволь; только напредки говорю тебѣ: побѣдила ты меня — сдаюсь! — И я твой есмь плѣнникъ! . . И всѣ на насъ смотрѣли и удивлялись». — И

самый этотъ туалетъ она съ тѣхъ поръ постоянно носила. — «Только не чепецъ тогда былъ на мнѣ — а шляпа а-ля-бержеръ де Тріанонъ; — и хотя я и напудренная была — но волосы мои, какъ золото, такъ и сквозили, такъ и сквозили!» — Маланья Павловна была глупа, что называется, до святости; болтала зря, словно и сама хорошенько не знала, что̀ это у ней изъ устъ выходитъ — и все больше объ Орловѣ. — Орловъ сталъ, можно сказать, главнымъ интересомъ ея жизни. — Она обыкновенно входила . . . нѣтъ! вплывала, мѣрно двигая головою, какъ пава, въ комнату, становилась посерединѣ, какъ-то странно вывернувъ одну ногу и придерживая двумя пальцами конецъ спущеннаго рукава (должно-быть, эта поза тоже когда-нибудь понравилась Орлову); горделиво-небрежно взглядывала кругомъ, какъ оно и слѣдуетъ красавицѣ — даже пофыркивала и шептала: «вотъ еще!» точно къ ней какой-либо назойливый кавалеръ-супирантъ приставалъ съ комплиментами — и вдругъ уходила, топнувъ каблучкомъ и дернувъ плечикомъ. — Табакъ она тоже нюхала шпанскій, изъ крошечной бонбоньерки, доставая его крошечной золотой ложечкой — и отъ времени до времени, особенно когда появлялось новое лицо — подносила снизу — не къ глазамъ, а къ носу — (она видѣла отлично) — двойной лорнетъ, въ видѣ рогульки, щеголяя и вертя бѣленькой ручкой съ отдѣленнымъ пальчикомъ. — Сколько разъ описывала мнѣ Маланья Павловна свою свадьбу въ церкви Вознесенія, что на Арбатѣ, — такая хорошая церковь! — и какъ вся Москва тутъ присутствовала . . . давка была какая! ужасти! Экипажи цугомъ, золотыя кареты, скороходы . . . одинъ скороходъ графа Завадовскаго даже подъ колесо попалъ! И вѣнчалъ насъ самъ архіерей

— и предику какую сказалъ! всѣ плакали — куда я ни посмотрю — все слезы, слезы . . . а у генералъ-губернатора лошади были тигровой масти . . . И сколько цвѣтовъ, цвѣтовъ нанесли!.. Завалили цвѣтами! И какъ по этому случаю одинъ иностранецъ, богатый-пребогатый, отъ любви застрѣлился — и какъ Орловъ тоже тутъ присутствовалъ . . . И приблизившись къ Алексѣю Сергѣичу, поздравилъ его и назвалъ его счастливчикомъ . . . Счастливчикъ-молъ ты, братъ-губошлёпъ! И какъ, въ отвѣтъ на эти слова, Алексѣй Сергѣичъ такъ чудесно поклонился и махнулъ плюмажемъ шляпы по полу слѣва направо . . . Дескать, ваше сіятельство, теперь между вами и моей супругой есть черта, которую вы не преступите! — И Орловъ, Алексѣй Григорьевичъ, тотчасъ понялъ и похвалилъ. — О! это былъ такой человѣкъ! такой человѣкъ! А то, въ другой разъ, мы съ Алексисомъ были у него на балѣ — я уже замужемъ была — и какія были на немъ чудесныя брильянтовыя пуговицы! И я не выдержала, похвалила. Какія, говорю, у васъ, графъ, чудесные брильянты! — А онъ, взявъ тутъ же со стола ножъ, отрѣзалъ одну пуговицу и презентовалъ мнѣ ее — и сказалъ: у васъ, голубушка, въ глазахъ во сто кратъ лучше брильянты; станьте-ка передъ зеркаломъ, да посравните. И я стала, и онъ сталъ со мной рядомъ. — Ну, что? кто правъ? говоритъ — а самъ глазами такъ и водитъ, такъ и водитъ вокругъ меня. И Алексѣй Сергѣичъ тутъ очень сконфузился; но я ему сказала: — Алексисъ, сказала я ему, — ты, пожалуйста, не конфузься; ты долженъ лучше меня знать! И онъ мнѣ отвѣтилъ: — Будь покойна, Мелани! — И самые эти брильянты у меня теперь вокругъ медальона Алексѣя Григорьевича — ты, чай,

видѣлъ, голубчикъ, я его по праздникамъ на плечѣ ношу, на георгіевской лентѣ — потому, храбрый былъ онъ очень герой, георгіевскій кавалеръ: турку сжегъ!

Со всѣмъ тѣмъ, была Маланья Павловна женщина очень добрая: угодить ей было легко. — «Ни она тебя грызь, ни она тебя шпынь», — отзывались о ней горничныя. — До страсти любила Маланья Павловна все сладкое — и особая старушка, которая только и занималась, что вареньемъ, а потому и прозывалась варенухой, разъ по десяти на день подносила ей китайское блюдечко — то̀ съ розовыми листочками въ сахарѣ, то̀ съ барбарисомъ въ меду, или съ ананаснымъ шербетомъ. Маланья Павловна боялась одиночества — страшныя мысли тогда находятъ — и почти постоянно была окружена приживалками, которыхъ убѣдительно просила: «говорите-молъ, говорите, что такъ сидите — только мѣста свои грѣете!» — и онѣ трещали, какъ канарейки. Будучи набожной не меньше Алексѣя Сергѣича, она очень любила молиться; но такъ какъ, по ея словамъ, она хорошо читать молитвы не выучилась — то и держалась на то̀ бѣдная вдова-дьяконица, которая ужъ такъ-то вкусно молилась! Не запнется ни вовѣкъ! И дѣйствительно: дьяконица эта умѣла какъ-то неудержимо произносить молитвенныя слова, не прерывая ихъ ни при вдыханьи, ни при выдыханьи — а Маланья Павловна слушала и умилялась. Состояла при ней другая вдовушка; та должна была разсказывать ей на ночь сказки, — но только старыя, просила Маланья Павловна, тѣ, что я ужъ знаю; новыя-то всѣ выдуманы. Очень была Маланья Павловна легкомысленна — а иногда и мнительна: вдругъ ей что въ голову взбредетъ! Не жаловала она,

напримѣръ, карлика Януса; все думалось ей, что онъ вдругъ возьметъ, да закричитъ: «а знаете вы кто я? Бурятскій князь! Вотъ, вы и покоряйтесь!» — А не то, домъ отъ меланхоліи подожжетъ. Щедра была Маланья Павловна такъ же, какъ и Алексѣй Сергѣичъ; но никогда деньгами не подавала — ручекъ не хотѣла марать, — а платками, сережками, платьями, лентами; или со стола пошлетъ пирогъ, да жаркого кусокъ — а не то, сткляницу вина. Бабъ по праздникамъ тоже угощать любила: станутъ онѣ плясать, а она каблучками притопываетъ и въ позу становится.

Алексѣй Сергѣичъ очень хорошо зналъ, что жена его глупа; но чуть ли не съ перваго году женитьбы пріучилъ себя притворяться, будто она очень остра на языкъ и любитъ колкости говорить. Бывало, какъ только она слишкомъ разболтается, онъ тотчасъ погрозитъ ей мизинцемъ и приговариваетъ: «Охъ, язычокъ,язычокъ! ужъ достанется ему на томъ свѣтѣ! Проткнутъ его горячей шпилькой!» — Маланья Павловна этимъ, однако, не обижалась; напротивъ — ей какъ будто лестно было слышать такія слова: что-жъ молъ! Не моя вина, что умна родилась!

Маланья Павловна обожала своего мужа — и всю жизнь оставалась примѣрно-вѣрной женой; но былъ и въ ея жизни «предметъ», молодой племянникъ, гусаръ, убитый, какъ она полагала, на дуэли изъ-за нея — а по болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, умершій отъ удара кіемъ по головѣ, въ трактирной компаніи. Акварельный портретъ этого «предмета» хранился у ней въ секретномъ ящикѣ. Маланья Павловна всякій разъ краснѣла до ушей, когда упоминала о Капитонушкѣ — такъ звался «предметъ»; — а Алексѣй Сергѣичъ

наручно хмурился, опять грозилъ женѣ мизинцемъ и говорилъ: «Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ! Охъ, ужъ этотъ мнѣ Капитонушка, Купидонушка!» — Тогда Маланья Павловна вся вострепещивалась, и восклицала: — Алексисъ, грѣшно вамъ, Алексисъ! Сами-то вы въ молодости, небось, «махались» съ разными сударками — такъ вотъ, вы и полагаете . . . — «Ну, полно, полно, Маланьюшка», перебивалъ съ улыбкой Алексѣй Сергѣичъ; — «бѣло твое платье — а душа еще бѣлѣй!» — Бѣлѣй, Алексисъ, бѣлѣй! — «Охъ, язычокъ, по чести язычокъ», повторялъ Алексисъ — и трепалъ ее по рукѣ.

Упоминать объ «убѣжденіяхъ» Маланьи Павловны было бы еще неумѣстнѣе, чѣмъ объ убѣжденьяхъ Алексѣя Сергѣича; однако, мнѣ разъ пришлось быть свидѣтелемъ страннаго проявленія затаенныхъ чувствъ моей тетушки. Я какъ-то разъ, въ разговорѣ, упомянулъ объ извѣстномъ Шешковскомъ: Маланья Павловна внезапно помертвѣла въ лицѣ — такъ-таки помертвѣла, позеленѣла, несмотря на наложенныя бѣлила и румяна — и глухимъ, совершенно искреннимъ голосомъ (что съ ней случалось очень рѣдко — она обыкновенно все какъ будто немножно рисовалась, тонировала, да картавила) — проговорила: «Охъ! кого ты это назвалъ! Да еще къ ночи! — Не произноси ты того имени!» Я удивился: какое могло имѣть значеніе это имя для такого безобиднаго и невиннаго существа, которое не только сдѣлать — но и подумать не сумѣло бы ничего непозволительнаго? — На не совсѣмъ веселыя размышленія навелъ меня этотъ страхъ, проявившійся чуть не черезъ полстолѣтія.

Скончался Алексѣй Сергѣичъ на 88-мъ году отъ рожденія, въ самый 1848 годъ, который,

видно, смутилъ даже его. И смерть его была довольно странная. Онъ еще поутру хорошо себя чувствовалъ, хотя уже совсѣмъ не покидалъ кресла. И вдругъ онъ зоветъ жену: «Маланьюшка, подь-ка сюда». — Что тебѣ, Алексисъ? — «Помирать мнѣ пора, голубушка, вотъ что». — Богъ съ вами, Алексѣй Сергѣичъ! Отчего такъ? — «А вотъ отчего: перво-на́-перво, надо и честь знать; и еще: смотрю я себѣ давеча на ноги . . . чужія ноги — да и полно! — На руки . . . и тѣ чужія! Посмотрѣлъ на брюхо — и брюхо чужое! — Значитъ: чужой вѣкъ заѣдаю. Пошли-ка за попомъ; а пока — уложи меня на постелюшку — съ которой я уже не встану». Маланья Павловна переполошилась — однако, уложила старика, и за попомъ послала. Алексѣй Сергѣичъ исповѣдался, причастился, попрощался съ домочадцами — и сталъ засыпать. Маланья Павловна сидѣла у его кровати. — Алексисъ! — вскрикнула она вдругъ: — не пугай меня, не закрывай глазки! Аль болитъ что? — Старикъ посмотрѣлъ на жену. — «Нѣтъ, не болитъ ничего . . . а трудновато . . . дышать трудновато». Потомъ, помолчавъ немного — «Маланьюшка», промолвилъ онъ: «вотъ и жизнь проскочила — а помнишь, какъ мы вѣнчались . . . какова была парочка?» — Была, красавчикъ ты мой, Алексисъ ненаглядный! — Старикъ опять помолчалъ. — «Маланьюшка, а встрѣтимся мы на томъ свѣтѣ?» — Буду о томъ Бога молить, Алексисъ. — И старушка залилась слезами. — «Ну, не плачь, глупенькая; авось насъ тамъ Господь Богъ помолодитъ — и мы опять станемъ парочкой!» — Помолодитъ, Алексисъ! — «Ему, Господу, все возможно», замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ. — «Онъ чудотворецъ! — пожалуй, и умницей тебя сотворитъ . . . Ну, душка, по-

шутилъ; дай, поцѣлую ручку». — «А я твою». — И оба старика поцѣловали другъ у друга въ подвертку руку.

Алексѣй Сергѣичъ началъ утихать и забываться. Маланья Павловна умиленно глядѣла на него, сбрасывая кончикомъ пальца слезинки съ рѣсницъ. Часа два просидѣла она такъ. «Започивалъ?» спрашивала шопотомъ старушка, что молиться хорошо умѣла, высовываясь изъ-за Иринарха, который, неподвижно, какъ столбъ, стоялъ у двери и пристально смотрѣлъ на отходившаго барина. — «Почиваетъ», отвѣчала Маланья Павловна тоже шопотомъ. И вдругъ Алексѣй Сергѣичъ открылъ глаза. — «Подруга моя вѣрная», пролепеталъ онъ, «супруга моя почтенная, въ ножки тебѣ бы поклонился за всю твою любовь и вѣрность — да гдѣ встать? Дай, хоть, перекрещу тебя». — Маланья Павловна придвинулась, наклонилась . . . Но приподнятая рука упала безсильно на одѣяло — и черезъ нѣсколько мгновеній не стало Алексѣя Сергѣича.

Дочери его поспѣли только къ похоронамъ, съ мужьями: дѣтей у нихъ не было — ни у той, ни у другой. Алексѣй Сергѣичъ ихъ не обидѣлъ въ своемъ завѣщаньи, хотя и не вспомнилъ о нихъ на смертномъ одрѣ. — «Замшилось къ нимъ мое сердце», сказалъ онъ мнѣ однажды. Зная его доброту, я дивился его словамъ. — Трудно разсудить родителей съ дѣтьми. — «Большой оврагъ малой начинается трещиной», сказалъ Алексѣй Сергѣичъ мнѣ въ другой разъ по тому же поводу: — «въ аршинъ рана заживаетъ, отруби хоть ноготь — не прирастетъ».

Мнѣ сдается, что дочери стыдились своихъ чудаковатыхъ стариковъ.

Мѣсяцъ спустя не стало и Маланьи Павловны. Съ самаго дня кончины Алексѣя Сергѣича она

уже почти не вставала и не наряжалась; но похоронили ее въ голубой кофтѣ и съ медальономъ Орлова на плечѣ, только безъ брильянтовъ. Ихъ подѣлили дочери, подъ тѣмъ предлогомъ, что пойдутъ тѣ брильянты на оклады образовъ; на дѣлѣ же онѣ ихъ употребили на украшенiе собственныхъ особъ.

И вотъ — какъ живые стоятъ передо мною мои старики — и хорошее храню я о нихъ воспоминанiе.

Поѣздка въ Полѣсье

(Разсказъ)

Первый день

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ «Полѣсья» напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: «Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, — говоритъ природа человѣку: — я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть». Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ нечуждой . . . Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо — и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ

дыханіемъ стихіи; нѣтъ — вся душа его никнетъ и замираетъ; и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значенье и въ свою силу.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ на умъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полѣсье. Длинными, сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля — все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ ними. Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ — отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и величавымъ, вѣяло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между густыми тростниками; на днѣ ея смутно виднѣлись круглые бугры иглистаго моха, а берега то исчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣлѣли разсыпчатымъ и мелкимъ пескомъ. Мимо самаго дворика шла уѣздная, торная дорога.

На этой дорогѣ, прямо противъ крыльца, стояла телѣга, нагруженная коробами и ящиками.

Владѣлецъ ея, худощавый мѣщанинъ съ ястребинымъ носомъ и мышиными глазками, сгорбленный и хромой, впрягалъ въ нее свою, тоже хромую, лошаденку; это былъ пряничникъ. который пробирался въ Карачевскую ярмарку. Вдругъ показалось на дорогѣ нѣсколько людей; за ними потянулись другіе . . . наконецъ, повалила цѣлая гурьба; у всѣхъ были палки въ рукахъ и котомки за плечами. По ихъ походкѣ, усталой и развалистой, по загорѣлымъ лицамъ видно было, что они шли издалека: это юхновцы, копачи, возвращались съ заработковъ. Старикъ лѣтъ семидесяти, весь бѣлый, казалось, предводительствовалъ ими; онъ изрѣдка оборачивался и спокойнымъ голосомъ понукалъ отсталыхъ. «Но, но, но, ребятушки, — говорилъ онъ: — но-о». Всѣ они шли молча, въ какой-то важной тишинѣ. Одинъ лишь только, низкаго роста и на видъ сердитый, въ тулупѣ нараспашку, въ бараньей шапкѣ, надвинутой на самые глаза, поровнявшись съ пряничникомъ, вдругъ спросилъ его:

— Почемъ пряникъ, шутъ?

— Каковъ будетъ пряникъ, любезный человѣкъ, — возразилъ тонкимъ голоскомъ озадаченный торговецъ. — Есть и въ копейку, а то и грошъ дать надо. А есть ли грошъ въ мошнѣ-то?

— Да отъ него, чай, въ брюхѣ просолодитъ, — возразилъ тулупъ и отошелъ отъ телѣги.

— Поспѣшите, ребятушки, поспѣшите! — послышался голосъ старика: — до ночлега далеко.

— Необразованный народъ, — проговорилъ, искоса взглянувъ на меня, пряничникъ, какъ только вся толпа провалила мимо: — развѣ это кушанье про нихъ?

И наскоро снарядивши свою лошадку, спустился онъ къ рѣчкѣ, на которой виднѣлся маленькій бревенчатый паромъ. Мужикъ, въ

бѣломъ войлочномъ «шлыкѣ» (обыкновенной полѣсской шапкѣ), вышелъ изъ низкой землянки ему навстрѣчу и переправилъ его на противоположный берегъ. Телѣжка поползла по изрытой и выбитой дорогѣ, изрѣдка взвизгивая однимъ колесомъ.

Я покормилъ лошадей — и тоже переправился. Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я, наконецъ, по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Полѣсье приняло насъ въ свои нѣдра. Съ окраины, ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными, сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно — онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный, троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сиворонокъ перелеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ выѣзжалъ на расчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенка съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ; невидимый

ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ, до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшаникомъ; утки взлетывали попарно — и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами. — «Га, га, га, га», неожиданно поднимался протяжный крикъ; то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми, короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, какъ вкопанная, на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мной собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдносинему лѣсному воздуху: знать, мужичокъ промышлялъ уголь на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо, только идетъ — тамъ, высоко надъ головою, какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ . . . Ѣдешь-ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молва, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью — и давитъ его эта пахучая сырость и гниль . . .

Верстъ пятнадцать ѣхали мы шагомъ, изрѣдка рысцой. Мнѣ хотѣлось засвѣтло попасть въ село Святое, лежащее въ самой серединѣ лѣса. Раза два встрѣтились мнѣ мужички съ надраннымъ

лыкомъ или съ длинными бревнами на телѣгахъ.

— Далеко ли до Святого? — спросилъ я одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, недалеко.

— А сколько?

— Да версты три будетъ.

Прошло часа полтора. Мы все ѣхали да ѣхали. Вотъ опять заскрипѣла нагруженная телѣга. Мужикъ шелъ сбоку.

— Сколько, братъ, осталось до Святого?

— Чего?

— Сколько до Святого?

— Восемь верстъ.

Солнце уже садилось, когда я, наконецъ, выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село. Дворовъ двадцать лѣпилось вокругъ старой, деревянной, одноглавой церкви съ зеленымъ куполомъ и крошечными окнами, ярко рдѣвшими на вечерней зарѣ. Это было Святое. Я въѣхалъ въ околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантасъ и съ мычаньемъ, хрюканьемъ и блеяньемъ пробѣжало мимо. Молодыя дѣвки, хлопотливыя бабы встрѣчали своихъ животныхъ; бѣлоголовые мальчишки гнались съ веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алѣла.

Я остановился у старосты, хитраго и умнаго «полѣхи», изъ тѣхъ полѣхъ, про которыхъ говорятъ, что они на два аршина подъ землю видятъ. На другой день рано отправился я въ телѣжкѣ, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей, съ старостинымъ сыномъ и другимъ крестьяниномъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками. Лѣсъ синѣлъ сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба —

десятинъ двѣсти, не больше, считалось распаханнаго поля вокругъ Святого; но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь. Старостина сына звали Кондратомъ. Это былъ малый молодой, русый и краснощекій, съ добрымъ и смирнымъ выраженіемъ лица, услужливый и болтливый. Онъ правилъ лошадьми. Егоръ сидѣлъ со мною рядомъ. Мнѣ хочется сказать о немъ слова два.

Онъ считался лучшимъ охотникомъ во всемъ уѣздѣ. Всѣ мѣста, верстъ на пятьдесятъ кругомъ, онъ исходилъ вдоль и поперекъ. Онъ рѣдко выстрѣливалъ по птицѣ, за скудостью пороха и дроби; но съ него уже того было довольно, что онъ рябчика подманилъ, подмѣтилъ точёкъ дупелиный. Егоръ слылъ за человѣка правдиваго и за «молчальника». Онъ не любилъ говорить и никогда не преувеличивалъ числа найденной имъ дичи — черта, рѣдкая въ охотникѣ. Роста онъ былъ средняго, сухощавъ, лицо имѣлъ вытянутое и блѣдное, большіе, честные глаза. Всѣ черты его, особенно губы, правильныя и постоянно неподвижныя, дышали спокойствіемъ невозмутимымъ. Онъ улыбался слегка и какъ-то внутрь, когда произносилъ слова — очень мила была эта тихая улыбка. Онъ не пилъ вина и работалъ прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дѣти умирали; онъ «забѣднялъ» и никакъ не могъ справиться. И то̀ сказать, страсть къ охотѣ не мужицкое дѣло, и кто «съ ружьемъ балуетъ» — хозяинъ плохой. Отъ постояннаго ли пребыванія въ лѣсу, лицомъ къ лицу съ печальной и строгой природой того нелюдимаго края, вслѣдствіе ли особеннаго склада и строя души, но только во всѣхъ движеніяхъ Егора замѣчалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость — важность статнаго

оленя. Онъ на своемъ вѣку убилъ семь медвѣдей, подкарауливъ ихъ на «овсахъ». Въ послѣдняго онъ только на четвертую ночь рѣшился выстрѣлить: медвѣдь все не становился къ нему бокомъ, а пуля у него была одна. Егоръ убилъ его наканунѣ моего пріѣзда. Когда Кондратъ привелъ меня къ нему, я засталъ его на задворкѣ; присѣвши на корточки передъ громаднымъ звѣремъ, онъ вырѣзывалъ изъ него сало короткимъ и тупымъ ножомъ.

— Какого же ты молодца повалилъ! — замѣтилъ я.

Егоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ сперва на меня, а потомъ на пришедшую со мной собаку.

— Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари есть — три выводка, да рябцовъ пять, — промолвилъ онъ и снова принялся за свою работу.

Съ этимъ-то Егоромъ да съ Кондратомъ я и поѣхалъ, на другой день, на охоту. Живо перекатили мы поляну, окружавшую Святое, а выѣхавши въ лѣсъ, опять потащились шагомъ.

— Вонъ, витютень сидитъ, — заговорилъ вдругъ, обратившись ко мнѣ Кондратъ: — хорошо бы сшибить!

Егоръ посмотрѣлъ въ сторону, куда Кондратъ указывалъ, и ничего не сказалъ. До витютня шаговъ было сто слишкомъ, а его и на сорокъ шаговъ не убьешь: такова у него крѣпость въ перьяхъ.

Еще нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ словоохотливый Кондратъ; но лѣсная тишь не даромъ охватила и его: онъ умолкъ. Лишь изрѣдка перекидываясь словами, да поглядывая впередъ, да прислушиваясь къ пыхтѣнью и храпу лошадей, добрались мы, наконецъ, до «Мошного». Этимъ именемъ назывался крупный сосновый лѣсъ, изрѣдка поросшій ельникомъ. Мы слѣзли;

Кондратъ вдвинулъ телѣгу въ кустъ, чтобы комары лошадей не кусали. Егоръ осмотрѣлъ курокъ ружья и перекрестился: онъ ничего безъ креста не начиналъ.

Лѣсъ, въ который мы вступили, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрное могли скрываться въ его захолустьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могучія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усѣянный мертвыми иглами, покрывалъ землю; голубица росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоли, стѣснялъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокій наметъ сосновыхъ вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо ползла внизъ тяжелая, прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ, безъ тѣни и безъ свѣта, жёгъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху, какъ по ковру; особенно Егоръ двигался безшумно, словно тѣнь; подъ его ногами даже хворостинка не трещала. Онъ шелъ не торопясь и изрѣдка посвистывая въ пищикъ; рябчикъ скоро отозвался и въ моихъ глазахъ нырнулъ въ густую елку; но напрасно указывалъ мнѣ его Егоръ: какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, а разсмотрѣть его никакъ не могъ; пришлось Егору по немъ выстрѣлить. Мы нашли также два выводка глухарей; осторожныя птицы поднимались далеко, съ тяжелымъ и рѣзкимъ стукомъ; намъ, однако, удалось убить трехъ молодыхъ.

У одного майдана* Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня.

— Медвѣдь воды хотѣлъ достать, — промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на самой серединѣ ямы, затянутой мелкимъ мхомъ.

— Это слѣдъ его лапы? — спросилъ я.

— Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ прорубилъ когтями-то.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Егоръ только изрѣдка посматривалъ вверхъ и шелъ впередъ спокойно и самоувѣренно. Я увидалъ круглый, высокій валъ, обнесенный полу-засыпаннымъ рвомъ.

— Что это, майданъ тоже? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Егоръ: — здѣсь воровской городокъ стоялъ.

— Давно?

— Давно; дѣдамъ нашимъ за память. Тутъ и кладъ зарытъ. Да зарокъ положенъ крѣпко: на человѣчью кровь.

Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ захотѣлось пить.

— Посидите маленько, — сказалъ Егоръ: — я схожу за водой, тутъ колодецъ недалеко.

Онъ ушелъ; я остался одинъ.

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтемъ на колѣни и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово-печально — нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновеніе, на этомъ мѣстѣ, я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя

* «Майданомъ» называется мѣсто, гдѣ гнали деготь.

бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ, опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку . . . Я закрылъ глаза рукою — и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь . . .

Вотъ, мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ . . . Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій . . . потомъ, какъ молнія въ ночи, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній . . . потомъ начали нарастать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразные годы — и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою я передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпкостиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не успѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла — вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто — это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное; она ждала: вотъ-вотъ, нахлынетъ счастье потокомъ — и ни одна капля не смочила алкавшихъ

губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья . . . вы и звучали только — когда рвались. Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой — да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно, точно, посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ, повторялъ я уныло. Неуловимые образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье . . . А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: «прости» и «навсегда». Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка-радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга; не смотри туда, гдѣ блаженство, и вѣра, и сила — тамъ не наше мѣсто!

— Вотъ вамъ вода, — раздался за мною звучный голосъ Егора: — пейте съ Богомъ.

Я невольно вздрогнулъ: живая эта рѣчь поразила меня, радостно потрясла все мое существованіе. Точно я падалъ въ неизвѣданную, темную глубь, гдѣ уже все стихало кругомъ и слышался

только тихій и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби . . . я замиралъ, но противиться не могъ, и вдругъ дружескій зовъ долетѣлъ до меня, чья-то могучая рука однимъ взмахомъ вынесла меня на свѣтъ Божій. Я оглянулся и съ несказанной отрадой увидалъ честное и спокойное лицо моего провожатаго. Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой, протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой . . . Я всталъ.

— Пойдемъ, веди меня, — сказалъ я съ увлеченіемъ.

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Какъ только жара «свалила», въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. «Ступайте вонъ, безпокойные живые», казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, онъ не отзывался. Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухѣ, слышимъ мы, ясно раздается его: «тпру, тпру», въ близкомъ отъ насъ оврагѣ . . . Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдѣльно стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ наизнанку, и такъ и остались, придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались въ телѣгу и покатили домой. Я сидѣлъ, покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и всѣ мои недавнія мечтанья и сожалѣнья потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ густыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно и заснуть, заснуть, заснуть . . .

День второй

На слѣдующее утро мы опять втроемъ отправились на «Гарь». Лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько тысячъ десятинъ выгорѣло въ Полѣсьѣ и до сихъ поръ не заросло; кой-гдѣ пробиваются молодыя елки и сосенки, а то все мохъ, да перележалая зола. На этой «Гари», до которой отъ Святого считается верстъ двѣнадцать, растутъ всякія ягоды въ великомъ множествѣ и водятся тетерева, большіе охотники до земляники и брусники.

Мы ѣхали молча, какъ вдругъ Кондратъ поднялъ голову.

— Э! — воскликнулъ онъ: — да это никакъ Ефремъ стоитъ. Здорово, Александрычъ, — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ и приподнявъ шапку.

Небольшого роста мужикъ въ черномъ, короткомъ армякѣ, подпоясанномъ веревкой, вышелъ изъ-за дерева и приблизился къ телѣгѣ.

— Аль отпустили? — спросилъ Кондратъ.

— А то небось нѣтъ! — возразилъ мужичокъ и оскалилъ зубы. — Нашего брата держать не приходится.

— И Петръ Филиппычъ ничего?

— Филипповъ-то? Знамо дѣло, ничего.

— Вишь ты! А я, Александрычъ, думалъ: ну, братъ, думалъ я, теперь ложись гусь на сковороду!

— Отъ Петра Филиппова-то? Вона! Видали мы такихъ. Суется въ волки, а хвостъ собачій. На охоту, что-ль, ѣдешь, баринъ? — спросилъ вдругъ мужичокъ, быстро вскинувъ на меня свои прищуренные глазки, и тотчасъ опустилъ ихъ снова.

— На охоту.

— А куда, примѣрно?

— На Гарь, — сказалъ Кондратъ.

— Ѣдете на Гарь, не наѣхать бы на пожаръ.

— А что?

— Видалъ я глухарей много, — продолжалъ мужичокъ, все какъ бы посмѣиваясь и не отвѣчая Кондрату: — да вамъ туда не попасть; прямикомъ верстъ двадцать будетъ. Вотъ и Егоръ — что говорить! въ бору, какъ у себя на двору, а и тотъ не продерется. Здорово, Егоръ, Божія душа въ полтора гроша, — гаркнулъ онъ вдругъ.

— Здорово, Ефремъ, — медленно возразилъ Егоръ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Ефрема. Такого страннаго лица я давно не видывалъ. Носъ имѣлъ онъ длинный и острый, крупныя губы и жидкую бородку. Его голубые глазки такъ и бѣгали, какъ живчики. Стоялъ онъ развязно, легонько подпершись руками въ бока и не ломая шапки.

— На побывку домой, что ли? — спросилъ его Кондратъ.

— Экъ-ста, на побывку! Теперь, братъ, погода не та: разгулялось. Широко, братъ, стало, вȍкакъ. Хоть до зимы на печи лежи, никака̀ собака не чукнетъ. Мнѣ въ городѣ говорилъ этотъ-та производитель: брось, молъ, насъ, Лександрычъ, выѣзжай изъ уѣзда вонъ, пачпортъ дадимъ первый сортъ . . . да жаль мнѣ васъ, святовскихъ-то: такого вамъ вора другого не нажить.

Кондратъ засмѣялся.

— Шутникъ ты, дядюшка, право шутникъ, — проговорилъ онъ и тряхнулъ вожжами. Лошади тронулись.

—Тпру,—промолвилъ Ефремъ. Лошади остановились. Кондрату не понравилась эта выходка.

— Полно озорничать, Александрычъ, — замѣтилъ онъ вполголоса. — Вишь, съ бариномъ ѣдемъ. Осерчаетъ, гляди.

— Эхъ ты, морской селезень! Съ чего ему серчать-то? Баринъ онъ добрый. Вотъ, посмотри, онъ мнѣ на водку дастъ. Эхъ, баринъ, дай проходимцу на косушку! Ужъ раздавлю-жъ я ее, — подхватилъ онъ, поднявъ плечо къ уху и скрипнувъ зубами.

Я невольно улыбнулся, далъ ему гривенникъ и велѣлъ Кондрату ѣхать.

— Много довольны, ваше благородіе, — крикнулъ по-солдатски намъ вслѣдъ Ефремъ. — А ты, Кондратъ, напредки знай, у кого учиться; оробѣлъ — пропалъ, смѣлъ — съѣлъ. Какъ вернешься, у меня побывай, слышь, у меня три дня попойка стоять будетъ, сшибемъ горла два; жена у меня баба хлёцкая, дворъ на полозу . . . Гей, сорока-бѣлобока, гуляй, пока хвостъ цѣлъ!

И засвиставъ рѣзкимъ свистомъ, Ефремъ юркнулъ въ кусты.

— Что за человѣкъ? — спросилъ я Кондрата, который, сидя на облучкѣ, все потряхивалъ головой, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Тотъ-то? — возразилъ Кондратъ и потупился. — Тотъ-то? — повторилъ онъ.

— Да. Онъ вашъ?

— Нашъ, святовскій. Это такой человѣкъ . . . Такого на сто верстъ другого не сыщешь. Воръ и плутъ такой — и Боже ты мой! На чужое добро у него глазъ такъ и коробится. Отъ него и въ землю не зароешься, а что деньги, напримѣръ, изъ-подъ самого хребта у тебя вытащитъ, ты не замѣтишь.

— Какой онъ смѣлый!

— Смѣлый? Да, онъ никого не боится. Да вы посмотрите на него: по финазоміи бестіянъ, съ носу виденъ. (Кондратъ часто ѣзживалъ съ господами и въ губернскомъ городѣ бывалъ, а потому любилъ, при случаѣ, показать себя).

Ему и сдѣлать-то ничего нельзя. Сколько разъ его и въ городъ возили, и въ острогъ сажали, — только убытки одни. Его станутъ вязать, — а онъ говоритъ: «что-жъ, молъ, вы ту ногу не путаете? путайте и ту, да покрѣпче, я, пока, посплю; а домой я раньше вашихъ провожатыхъ поспѣю». Глядишь: точно, опять вернулся, опять тутъ, ахъ ты, Боже ты мой! Ужъ на что мы всѣ, здѣшніе, лѣсъ знаемъ, пріобыкли сызмала, а съ нимъ поровняться немочно. Прошлымъ лѣтомъ, ночью, напрямки изъ Алтухина въ Святое пришелъ, а тутъ никто и не хаживалъ отродясь, верстъ сорокъ будетъ. Вотъ, и медъ красть, на это онъ первый человѣкъ; и пчела его не жалитъ. Всѣ пасѣки разорилъ.

— Я думаю, онъ и бортамъ спуска не даетъ.

— Ну, нѣтъ, что напраслину на него взводить? Такого грѣха за нимъ не замѣчали. Бортъ у насъ — святое дѣло. Пасѣка огорожòна; тутъ караулъ; коли утащилъ — твое счастье; а бортовая пчела — дѣло Божіе, не береженое; одинъ медвѣдь ее трогаетъ.

— Зато онъ и медвѣдь, — замѣтилъ Егоръ.

— Онъ женатъ?

— Какъ же. И сынъ есть. Да и воръ же будетъ сынъ-то! Въ отца вышелъ весь. Ужъ онъ его и теперь учитъ. Намеднись горшокъ съ старыми пятаками притащилъ, укралъ гдѣ-нибудь, значитъ; пошелъ, да зарылъ его на полянкѣ въ лѣсу, а самъ вернулся домой, да и послалъ сына на полянку. Пока, говоритъ, горшка не отыщешь, ѣсть тебѣ не дамъ и на дворъ не пущу. Сынъ-то день цѣлый просидѣлъ въ лѣсу, и ночевалъ въ лѣсу, а нашелъ-таки горшокъ. Да, мудреный этотъ Ефремъ. Пока дома — любезный человѣкъ, всѣхъ потчуетъ: пей, ѣшь, сколько хочешь, пляска тутъ у него поднимется, балагурство

всякое; а что коли на сходкѣ — такая у насъ сходка на селѣ бываетъ — ужъ лучше его никто не разсудитъ; подойдетъ сзади, послушаетъ, скажетъ слово, какъ отрубитъ, и прочь; да ужъ и слово-то вѣское. А какъ вотъ уйдетъ въ лѣсъ, ну, такъ бѣда! Жди разоренія. А и то сказать: онъ своихъ не трогаетъ, развѣ самому тѣсно придется. Коли встрѣтитъ кого святовскаго — «обходи, братъ, мимо, — кричитъ издали: — на меня лѣсной духъ нашелъ: убью!» — Бѣда!

— Чего же вы смотрите? Цѣлая вотчина съ однимъ человѣкомъ справиться не можетъ?

— Да уже пожалуй, что такъ.

— Колдунъ онъ, что ли?

— Кто его знаетъ! Вотъ, намеднись онъ къ сосѣднему дьячку на пасѣку забрался ночью, а дьячокъ-то караулилъ самъ. Ну, поймалъ его, да впотемкахъ и приколотилъ. Какъ кончилъ, Ефремъ-то и говоритъ ему: а знаешь ты, кого билъ? Дьячокъ, какъ узналъ его по голосу, такъ и обомлѣлъ. Ну, братъ, говоритъ Ефремъ, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Дьячокъ ему въ ноги: возьми, молъ, что хочешь. Нѣтъ, говоритъ, я съ тебя въ свое время возьму, да и чѣмъ захочу. Что-жъ вы думаете? Вѣдь съ самаго того дня дьячокъ-то, словно ошпаренный, какъ тѣнь бродитъ! Сердце, говоритъ, во мнѣ изныло; слово больно крѣпкое, знать, залѣпилъ мнѣ разбойникъ. Вотъ что съ нимъ сталось, съ дьячкомъ-то.

— Дьячокъ этотъ, должно-быть, глупъ, — замѣтилъ я.

— Глупъ? А вотъ это какъ вы разсудите? Вышелъ разъ приказъ изловить эттаго самаго Ефрема. Становой такой у насъ завелся вострый. Вотъ, и пошло человѣкъ десять въ лѣсъ, ловить Ефрема. Смотрятъ, а онъ имъ навстрѣчу идетъ . . .. Одинъ-то изъ нихъ и закричи: вотъ онъ, держите

его, вяжите! А Ефремъ вошелъ въ лѣсъ, да вырѣзалъ себѣ древо, этакъ перста въ два, да какъ выскочитъ опять на дорогу, безобразный такой, страшный, какъ скомандуетъ, словно енаралъ на разводѣ: «на колѣнки!» — всѣ такъ и попадали. «А кто, говоритъ, тутъ кричалъ: держите, вяжите? Ты, Серёга?» Тотъ-то какъ вскочитъ, да бѣжать . . . А Ефремъ за нимъ, да древомъ-то его по пяткамъ . . . Съ версту его гладилъ. И потомъ все еще жалѣлъ: «Эхъ, молъ, досадно: заговѣться ему не помѣшалъ». Дѣло-то было передъ самыми Филипповками. Ну, а станового въ скоромъ времени смѣстили, — тѣмъ все и покончилось.

— Зачѣмъ же они ему всѣ покорились?

— Зачѣмъ! то-то и есть . . .

— Онъ васъ всѣхъ запугалъ, да и дѣлаетъ теперь съ вами, что хочетъ.

— Запугалъ . . . Да онъ кого хочешь запугаетъ. И ужъ гораздъ же онъ на выдумки, Боже ты мой! — Я разъ въ лѣсу на него наткнулся, дождь такой шелъ здоровый, я-было въ сторону . . . А онъ поглядѣлъ на меня, да этакъ меня ручкою и подозвалъ. «Подойди, молъ, Кондратъ, не бойся. Поучись у меня, какъ въ лѣсу жить, на дождю сухимъ быть». Я подошелъ, а онъ подъ елкой сидитъ и огонекъ развелъ изъ сырыхъ вѣтокъ: дымъ-то набрался въ елку и не даетъ дождю капать. Подивился я тутъ ему. А то, вотъ онъ разъ что выдумалъ (и Кондратъ засмѣялся); вотъ ужъ потѣшилъ. Овесъ у насъ молотили на току, да не кончили; послѣдній ворохъ сгрести не успѣли; ну, и посадили на ночь двухъ караульщиковъ, а ребята-то были не изъ бойкихъ. Вотъ, сидятъ они да гуторятъ, а Ефремъ возьми, да рукава рубахи соломой набей, концы завяжи, да на голову себѣ рубаху и надѣнь. Вотъ,

подкрался онъ въ этакомъ-то видѣ къ овину, да и ну изъ-за угла показываться, помаленьку роги-то свои выставлять. Одинъ-то малый и говоритъ другому: видишь? — Вижу, говоритъ другой, да какъ ахнулъ вдругъ . . . только плетни затрещали. А Ефремъ нагребъ овса въ мѣшокъ, да и стащилъ къ себѣ домой. Самъ потомъ все разсказалъ. Ужъ стыдилъ же онъ, стыдилъ ребятъ-то . . . Право!

Кондратъ засмѣялся опять. И Егоръ улыбнулся. «Такъ только плетни затрещали!» промолвилъ онъ.

— Только ихъ и видно было, — подхватилъ Кондратъ. — Такъ и пошли сигать!

Мы опять всѣ притихли. Вдругъ Кондратъ всполохнулся и выпрямился.

— Э, батюшки, — воскликнулъ онъ: — да это никакъ пожаръ!

— Гдѣ, гдѣ? — спросили мы.

— Вонъ, смотрите, впереди, куда мы ѣдемъ . . . Пожаръ и есть! Ефремъ-то, Ефремъ — вѣдь напророчилъ! Ужъ не его ли это работа, окаянная онъ душа . . .

Я взглянулъ по направленію, куда указывалъ Кондратъ. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ или трехъ впереди насъ, за зеленой полосой низкаго ельника, толстый столбъ сизаго дыма медленно поднимался отъ земли, постепенно выгибаясь и расползаясь шапкой; отъ него вправо и влѣво виднѣлись другіе, поменьше и побѣлѣй.

Мужикъ, весь красный, въ поту, въ одной рубашкѣ, съ растрепанными волосами надъ испуганнымъ лицомъ, наскакалъ прямо на насъ и съ трудомъ остановилъ свою поспѣшно взнузданную лошаденку.

— Братцы, — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ: — полѣсовщиковъ не видали?

— Нѣтъ, не видали. Что это, лѣсъ горитъ?

— Лѣсъ. Народъ согнать надо, а то̀, коли къ Тросному кинется . . .

Мужикъ задергалъ локтями, заколотилъ пятками по бокамъ лошади . . . Она поскакала.

Кондратъ также погналъ свою пару. Мы ѣхали прямо на дымъ, который разстилался все шире и шире; мѣстами онъ внезапно чернѣлъ и высоко взвивался. Чѣмъ ближе мы подвигались, тѣмъ яснѣе становились его очертанія; скоро воздухъ весь потускнѣлъ, сильно запахло горѣлымъ, и вотъ, между деревьями, странно и жутко шевелясь на солнцѣ, мелькнули первые, блѣдно-красные языки пламени.

— Ну, слава Богу, — замѣтилъ Кондратъ: — кажется пожаръ-то позёмный.

— Какой?

— Позёмный; такой, что по землѣ бѣжитъ. Вотъ, съ подземнымъ мудрено ладить. Что тутъ сдѣлаешь, когда земля на цѣлый аршинъ горитъ? Одно спасеніе: копай канавы — да это развѣ легко? А позёмный — ничего. Только траву сбрѣетъ, да сухой листъ сожжетъ! Еще лучше лѣсу отъ него бываетъ. Ухъ, однако, гляди, батюшки, какъ шибануло!

Мы подъѣхали почти къ самой чертѣ пожара. Я слѣзъ и пошелъ ему навстрѣчу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бѣжалъ по рѣдкому сосновому лѣсу противъ вѣтра; онъ подвигался неровной чертой или, говоря точнѣе, сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ. Дымъ относило вѣтромъ. Кондратъ сказалъ правду: это, дѣйствительно, былъ позёмный пожаръ, который только брилъ траву и, не разыгрываясь, шелъ дальше, оставляя за собою черный и дымящійся, но даже не тлѣющій слѣдъ. Правда, иногда, тамъ, гдѣ огню попадалась яма,

наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ, и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадалъ и бѣжалъ впередъ попрежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не разъ замѣтилъ, какъ кругомъ охваченный дубовый кустъ съ сухими, висячими листами, оставался нетронутымъ, только снизу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не могъ понять, отчего сухіе листья не загорались. Кондратъ объяснялъ мнѣ, что это происходило отъ того, что пожаръ позёмный, «значитъ, не сердитый». Да вѣдь огонь тотъ же, возражалъ я. Позёмный пожаръ, повторилъ Кондратъ. Однако, хоть и позёмный, а пожаръ все-таки производилъ свое дѣйствіе: зайцы какъ-то безпорядочно бѣгали взадъ и впередъ, безо всякой нужды возвращаясь въ сосѣдство огня; птицы попали въ дымъ и кружились, лошади оглядывались и фыркали, самый лѣсъ какъ бы гудѣлъ, — да и человѣку становилось неловко отъ внезапно бьющаго ему въ лицо жара . . .

— Чего смотрѣть! — сказалъ вдругъ Егоръ за моей спиной. — Поѣдемте.

— Да гдѣ проѣхать? — спросилъ Кондратъ.

— Возьми влѣво, по сухоболотью, — проѣдемъ.

Мы взяли влѣво и проѣхали, хоть иногда трудненько приходилось и лошадямъ, и телѣгѣ.

Цѣлый день протаскались мы по Гари. Передъ вечеромъ (заря еще не закраснѣлась на небѣ, но тѣни отъ деревьевъ уже легли неподвижныя и длинныя, и чувствовался въ травѣ холодокъ, который предшествуетъ росѣ) я прилегъ на дорогу вблизи телѣги, въ которую Кондратъ, не спѣша, впрягалъ наѣвшихся лошадей, и вспомнилъ свои вчерашнія, невеселыя мечтанья. Кругомъ все

было такъ же тихо, какъ и наканунѣ, но не было давящаго и тѣснящаго душу бора; на высохшемъ мхѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой пыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ, лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже беззнойнаго, невысокаго солнца. Все отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: «отдохни, братъ нашъ: дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ». Я поднялъ голову и увидалъ на самомъ концѣ тонкой вѣтки одну изъ тѣхъ большихъ мухъ съ изумрудной головкой, длиннымъ тѣломъ и четырьмя прозрачными крыльями, которыхъ кокетливые французы величаютъ «дѣвицами», а нашъ безхитростный народъ прозвалъ «коромыслами». Долго, болѣе часа не отводилъ я отъ нея глазъ. Насквозь пропеченная солнцемъ, она не шевелилась, только изрѣдка поворачивала головку со стороны на сторону и трепетала приподнятыми крылышками . . . вотъ и все. Глядя на нее, мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, нетороплнвость и сдержанность ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ — вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно — выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права ни видѣть

всѣмъ общаго солнца, ни дышать вольнымъ воздухомъ; онъ не имѣетъ права жить; — а человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ — долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать.

— Ну, что-жъ ты, Егоръ, — воскликнулъ вдругъ Кондратъ, который уже успѣлъ помѣститься на облучкѣ телѣги и поигрывалъ и перебиралъ вожжами: — иди, садись. Чего задумался? Аль о коровѣ все?

— О коровѣ? О какой коровѣ? — повторилъ я и взглянулъ на Егора: спокойный и важный, какъ всегда, онъ, дѣйствительно, казалось, задумался и глядѣлъ куда-то вдаль, въ поля, уже начинавшія темнѣть.

— А вы не знаете? — подхватилъ Кондратъ: — у него сегодня ночью послѣдняя корова околѣла. Не везетъ ему — что ты будешь дѣлать? . .

Егоръ сѣлъ молча на облучокъ, и мы поѣхали. «Этотъ умѣетъ не жаловаться», подумалъ я.

1857.

ИЗЪ „СТИХОТВОРЕНІЙ ВЪ ПРОЗѢ“

Христосъ

Я видѣлъ себя юношей, почти мальчикомъ, въ низкой деревенской церкви. — Красными пятнышками теплились передъ старинными образами восковыя тонкія свѣчи.

Радужный вѣнчикъ окружалъ каждое маленькое пламя. — Темно и тускло было въ церкви . . . Но народу стояло передо мною много.

Все русыя, крестьянскія головы. Отъ времени до времени онѣ начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрѣлые колосья, когда по нимъ медленной волной пробѣгаетъ лѣтній вѣтеръ.

Вдругъ какой-то человѣкъ подошелъ сзади и сталъ со мною рядомъ.

Я не обернулся къ нему — но тотчасъ почувствовалъ, что этотъ человѣкъ — Христосъ.

Умиленіе, любопытство, страхъ разомъ овладѣли мною. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе . . . и посмотрѣлъ на своего сосѣда.

Лицо какъ у всѣхъ, — лицо, похожее на всѣ человѣческія лица. Глаза глядятъ немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа какъ бы покоится на нижней; небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на немъ, какъ на всѣхъ.

«Какой же это Христосъ!» подумалось мнѣ. «Такой простой, простой человѣкъ! Быть не можетъ!»

Я отвернулся прочь. — Но не успѣлъ я отвести взоръ отъ того простого человѣка, какъ мнѣ опять почудилось, что это именно Христосъ стоялъ со мной рядомъ.

Я опять сдѣлалъ надъ собою усиліе . . . И опять увидѣлъ то же лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, тѣ же обычныя, хоть и незнакомыя черты.

И мнѣ вдругъ стало жутко — и я пришелъ въ себя. Только тогда я понялъ, что именно такое лицо, — лицо, похожее на всѣ человѣческія лица, — оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878.

Нищій

Я проходилъ по улицѣ . . . меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шершавыя лохмотья, нечистыя раны . . . О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку . . . Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ . . . Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка . . . Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ . . . и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку . . . «Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ».

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись — и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что же, братъ, — прошамкалъ онъ: — и на томъ спасибо. — Это тоже подаяніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Февраль, 1878.

Щи

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и опухли . . . но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

«Господи!» подумала барыня. «Она можетъ ѣсть въ такую минуту . . . какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства!»

И вспомнила тутъ барыня, какъ, потерявъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургомъ и прожила цѣлое лѣто въ городѣ! — А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпѣла, наконецъ. — Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь!

Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ? Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ, — тихо проговорила баба, и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ. — Значитъ, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь они посолёныя.

Барыня только плечами пожала, и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878.

Маша

Проживая — много лѣтъ тому назадъ — въ Петербургѣ, я, всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками, и плохой клячонкой — въ надеждѣ и самимъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ, однажды нанялъ я такого извозчика . . . Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапоньки. — И ка̀къ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ? — спросилъ я его. — Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть, — промолвилъ онъ, наконецъ. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ . . . Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ; только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая! . . Въ единъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ! — тяжело вздохнулъ бѣднякъ. — И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значитъ, уже похоронили, — сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ — а ужъ за̀полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился по серёдкѣ, и говорю такъ-то тихохонько: «Маша! а Маша!» Только сверчокъ трещитъ. — Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ — да ладонью по землѣ какъ хлопну! — Ненасытная, говорю, утроба! . . Сожрала ты ее . . . сожри-жъ и меня! — Ахъ, Маша!

— Маша! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами — и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пятиалтынный. — Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку — и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

Апрѣль, 1878.

Два богача

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба: — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить . . .

— А мы ее . . . и не соленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Іюль, 1878.

Мы еще повоюемъ

Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка!

Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

Я поднялъ голову . . . Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прыгала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно, самонадѣянно!

Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель — и полно!

А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть-можетъ, суждено сожрать именно этого самаго завоевателя.

Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся — и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я.

И пускай надо мной кружитъ мой ястребъ . . .

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Ноябрь, 1879.

Морское плаваніе

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я, да маленькая обезьяна, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. — Я бралъ ея руку — и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ; густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самые концы мачтъ, и слѣпилъ, и утомлялъ взоръ своей мягкой мглою.

Солнце висѣло тускло-краснымъ пятномъ въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она вся загоралась и алѣла таинственно и странно.

Длинныя, прямыя складки, подобныя складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались, наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно топотавшими колесами; молочно бѣлѣя и слабо шипя, разбивалась она на змѣевидныя струи, а тамъ сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колоколъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику — обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать — и опять протягивала мнѣ руки.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обоихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь . . . но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы дѣти одной матери — и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

Ноябрь, 1879.

Голуби

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною — то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ: назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грозной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось . . . все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду . . . и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй! думалось мнѣ, сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю . . . и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо . . . и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній — та же стояла жестокая тишь . . . Но глядь! Уже два платка мелькаютъ, два комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ два бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря — и пошла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. — Визжитъ вѣтеръ, мечется, какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой . . .

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя — и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ-быть, спасъ.

Нахохлились оба — и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда . . .

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ . . . Хоть я и одинъ . . . одинъ, какъ всегда.

Май, 1879.

Воробей

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ

прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище . . . но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ . . . Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился . . . Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. — Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрѣль, 1878.

Посѣщеніе

Я сидѣлъ у раскрытаго окна . . . утромъ, раннимъ утромъ перваго мая.

Заря еще не занималась; но уже блѣднѣла, уже холодѣла темная, теплая ночь.

Туманъ не вставалъ, не бродилъ вѣтерокъ, все было одноцвѣтно и безмолвно . . . но чуялась близость пробужденія — и въ порѣдѣвшемъ воздухѣ пахло жёсткой сыростью росы.

Вдругъ, въ мою комнату, сквозь раскрытое окно, легко позванивая и шурша, влетѣла большая птица.

Я вздрогнулъ, вглядѣлся . . . То была не птица, то была крылатая, маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, къ низу волнистое платье.

Вся она была сѣрая, перламутроваго цвѣта; одна лишь внутренняя сторона ея крылышекъ алѣла нѣжной алостью распускающейся розы; вѣнокъ изъ ландышей охватывалъ разбросанныя кудри круглой головки, — и, подобныя усикамъ бабочки, два павлиныхъ пера забавно колебались надъ красивымъ, выпуклымъ лобикомъ.

Она пронеслась раза два подъ потолкомъ; ея крошечное лицо смѣялось; смѣялись также огромные, черные, свѣтлые глаза.

Веселая рѣзвость прихотливаго полета дробила ихъ алмазные лучи.

Она держала въ рукѣ длинный стебель степного цвѣтка: «царскимъ жезломъ» зовутъ его русскіе люди, — онъ и то похожъ на скипетръ.

Стремительно пролетая надо мною, коснулась она моей головы тѣмъ цвѣткомъ.

Я рванулся къ ней . . . Но она уже выпорхнула изъ окна — и умчалась . . .

Въ саду, въ глуши сиреневыхъ кустовъ, гòрлинка встрѣтила ее первымъ воркованьемъ — а тамъ, гдѣ она скрылась, молочно-бѣлое небо тихонько закраснѣлось.

Я узналъ тебя, богиня фантазіи! Ты посѣтила меня случайно — ты полетѣла къ молодымъ поэтамъ.

О, поэзія! Молодость! Женская, дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть передо мною — раннимъ утромъ ранней весны!

Май, 1878.

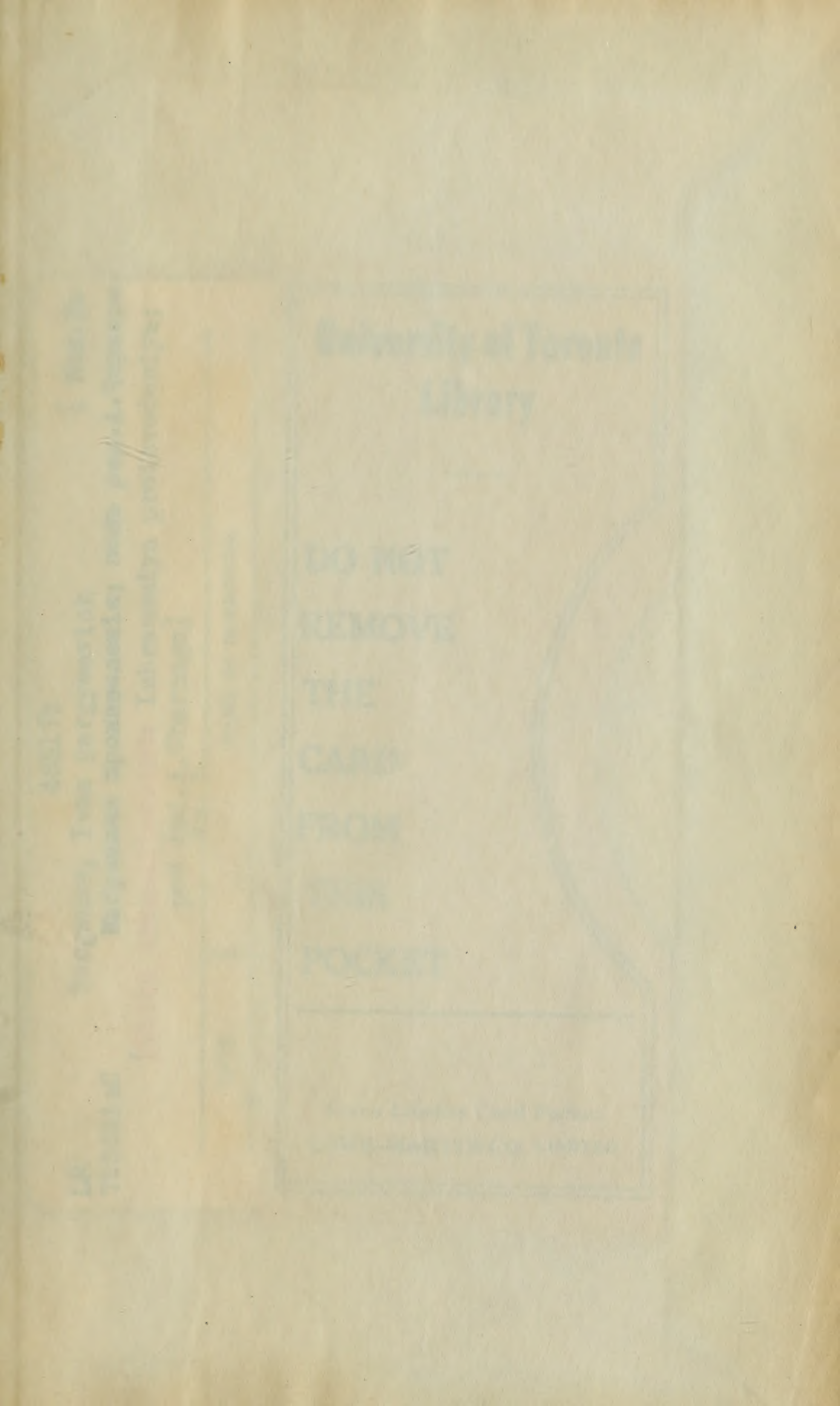
Оглавленіе

Стр.
И. С. Тургеневъ (Біографическій очеркъ) 5
Бѣжинъ лугъ 15
Муму 43
Пѣвцы 80
Бирюкъ 105
Пожаръ на морѣ 116
Собака 127
Пегасъ 148
О соловьяхъ 159
Перепелка 166
Льговъ 174
Часы 189
Касьянъ съ Красивой-Мечи 249
Пунинъ и Бабуринъ 274
Старые портреты 298
Поѣздка въ Полѣсье 323

Изъ «Стихотвореній въ прозѣ»

Христосъ 347
Нищій 348
Щи 349
Маша 350
Два богача 352
Мы еще повоюемъ 352
Морское плаваніе 353
Голуби 355
Воробей 356
Посѣщеніе 357

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

